

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 2 (17) 2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, профессор кафедры гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Луцарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Таиланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 23.06.2025. Дата выхода в свет: 27.06.2025.

Усл. печ. л. 9. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

Обложка журнала зарегистрирована в качестве патента на промышленный образец Федеральной службой по интеллектуальной собственности 28.02.2024 RU № 140792

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Ермаченко К.Д.</i> Возможности реализации валютно-правового режима в контексте обеспечения устойчивости денежной системы государства.....	4
<i>Кирющенко И.И.</i> Судебное устройство России: предмет, метод и источники.....	12
<i>Маркосян Г.А.</i> Цифровая трансформация юридического образования: роль визуализации данных и предиктивной аналитики в создании интерактивной образовательной среды.....	20
<i>Морозова О.Г., Стэллман И.Ю.</i> Цифровая трансформация юридического документооборота: безопасность, юридическая значимость электронных доказательств и интеграция с аналитическими платформами.....	28
<i>Якуньков В.В.</i> Охрана информационных прав пациента как один из принципов публично-правового регулирования охраны здоровья населения.....	34

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Инишаква А.О., Матыцин Д.Е.</i> Особенности государственной регистрации недвижимого имущества крестьянских (фермерских) хозяйств.....	42
<i>Потапенко Н.С., Магомеднабиев М.Ш., Сергиенко А.Т.</i> Правовой режим криптовалют, NFT и иных цифровых активов в конкурсной массе должника: проблемы теории и практики.....	48
<i>Томилова Л.Н., Дьяченко Е.М.</i> К вопросу о предпринимательской этике.....	52
<i>Федорова П.А.</i> Применение в судебной практике принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела по спорам, вытекающим из вещно-правовых отношений.....	58

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Глимейда В.В.</i> Правовые особенности реализации процессуальных направлений использования искусственного интеллекта при производстве следственных действий.....	64
<i>Костенко Р.В.</i> Эволюция непосредственности исследования доказательств в цифровом уголовном судопроизводстве.....	71
<i>Миликова А.В.</i> Обвинительное заключение – основной уголовно-процессуальный акт предварительного следствия.....	80
<i>Свердлов Д.Р., Огородникова Н.В.</i> Освобождение от уголовной ответственности и наказания на первоначальном этапе проведения Специальной военной операции: уголовно-правой и уголовно-процессуальный аспекты.....	87

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-4-11>

**ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ВАЛЮТНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА В
КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ДЕНЕЖНОЙ
СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА**

Ермаченко К.Д.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Ермаченко К.Д. Возможности реализации валютно-правового режима в контексте обеспечения устойчивости денежной системы государства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):4–11. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-4-11>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Ермаченко Кристина Дмитриевна, соискатель кафедры Конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 410-19-22

E-mail: erma4enko.k@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.05.2025

Статья принята к печати: 18.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: *Целью* статьи является рассмотрение особенностей реализации валютных запретов и ограничений, введенных в Российской Федерации в период 2022–2025 годов и результатов их применения в контексте достижения устойчивости денежной системы государства, а также, выявление тех валютных правил, которые необходимо внедрять для укрепления национальной валюты и повышения ее авторитета на международных валютных рынках.

В исследовании были решены следующие *задачи*: выявлены особенности валютно-правового режима – гибкость и возможность за короткий срок динамично подстраиваться под действующую финансовую конъюнктуру как в сторону ужесточения, так и смягчения; изучена взаимосвязь между введенными в период 2022–2025 годов валютными ограничениями, запретами и положительными результатами их действия с точки зрения укрепления национальной валюты; исследовано содержание наиболее действенных мер валютно-правового режима – механизм предоставления рублевой ликвидности при оплате иностранными покупателями природного газа, мораторий на вывоз инвестиционных доходов из страны по результатам совершения валютных операций, репатриация и обязательная продажа валютной выручки резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности.

В статье применялись общенаучные и специальные *методы исследования*.

По результатам проведенного научного исследования делается вывод о положительном воздействии введенных мер (установление механизма рублевой ликвидности, репатриации и обязательной продаже валютной выручки, а также требований, препятствующих выводу валюты за границу) на валютный курс национальной денежной единицы, устойчивость денежной системы государства и рост авторитета национальной валюты на международных валютных рынках. Важным является положение о необходимости сочетания при применении валютно-правового режима государственных и рыночных механизмов воздействия на денежную и валютную систему в

зависимости от сложившихся обстоятельств, при этом константой государственного регулирования должно быть неизменное целеполагание – обеспечение устойчивости денежной системы государства.

Ключевые слова: валютно-правовой режим, национальная валюта, валютные запреты и ограничения, устойчивость денежной системы, механизм рублевой ликвидности, твердые валюты, репатриация валютной выручки, резиденты – экспортеры, валютный рынок, вывод капитала за границу.

Введение

Существующая в настоящее время ситуация в финансово-денежной сфере в нашем государстве свидетельствует о необходимости пересмотра ряда норм действующего валютного законодательства в сторону ужесточения государственного регулирования и контроля, а также отмены не соответствующему реальному положению вещей правил. Начиная с 1992 года и до 2022 года Российская Федерация в вопросах валютного регулирования придерживалась курса валютной либерализации. В основу этого курса заложена теория монетаризма, основная суть которой сводится к пониманию рыночной экономики как устойчивой системы, имеющей свойства саморегулирования и восстановления равновесия через действие механизмов конкуренции и ценообразования [6; 7; 8; 9]. Непосредственно для сферы валютных отношений это означает, что при определении стоимости национальной валюты за основу берется режим плавающего валютного курса, при котором официальное установление соотношения национальной валюты по отношению к какой-либо иностранной валюте осуществляется исключительно под воздействием спроса и предложения, сложившихся на валютном рынке¹. Как следствие этому, последователи теории монетаризма провозглашают полный отказ от валютных ограничений, минимальное государственное регулирование (которое сводится только к вопросам применения мер ответственности за нарушение валютного законодательства) и всемерная либерализация валютного рынка. Собственно, это положение о плавающем валютном курсе применяется и на данный момент. При этом вряд ли кто-то будет спорить о том, что весь этот период времени (более 30 лет) экономика и денежная система государства находились в бескризисном, «безмятежном» состоянии с постоянной положительной динамикой по основным экономическим макро и микропоказателям. Напротив, государство и общество постоянно ощущали при реализации своей хозяйственной деятельности негативные последствия от финансовых кризисов, девальвации национальной валюты, превышении инфляционных ожиданий, роста налогового давления, нехватки ликвидности, то есть катастрофического сжатия денежной массы в обращении и безрезультатного по своей сути роста ключевой ставки и др.

Интересно, что ни одно из этих негативных событий не побуждало государство внедрить те меры валютных запретов и ограничений, которые оно было уже вынуждено вводить в валютную сферу, находясь практически «у последней черты», начиная с 2022 года. Это было связано не просто с недружественными действиями некоторых стран против нашего государства, а уже с четко обозначенной ими целью – подрыва экономического уклада и финансовой системы Российской Федерации для достижения более глобальных политических задач. Поэтому, с учетом высокой степени серьезности сложившихся (укоренившихся) рисков и угроз в государстве в валютной и денежной сферах, необходимо разработать новые концептуальные подходы в вопросах реализации валютной политики, служащих единственно правильной цели – обеспечению устойчивости денежной системы на долгосрочную перспективу. Устойчивость денежной системы – это определяющий фактор и залог

¹ А.С. Кондукторов, исследуя данный вопрос, сделал следующий важный вывод: «Обороты международного валютного рынка в десятки раз превышают объем международной торговли товарами и услугами. По оценке экспертов, свыше 90% оборота мирового валютного рынка составляют спекулятивные операции» [4, с. 68]. Это говорит о том, что правило рыночной экономики в отношении того, что цена определяется спросом и предложением действует здесь только в диапазоне 10 %, а значит, такой валютный рынок имеет существенный перекося в сторону валютных спекуляций, составляющий 90 %. Ни о каком объективном действии постулатов рыночной экономики здесь не может идти и речи. Для определения валютного курса рубля это значит, что его рыночная стоимость формируется не в связи с обслуживанием торгового оборота страны и в привязке к нему, а под воздействием спекулятивных операций на валютном рынке, на которые государство не имеет возможности влиять. То есть, рубль искусственно занижен по отношению к иным «твердым» валютам (доллар, евро, фунт).

для успешного достижения других стратегических целей, закрепленных в доктринальных документах государства¹.

Методы исследования

При работе над статьей использовались общенаучные методы (логический, системный) и специальные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования

1. Введенные меры валютно-правового режима – механизм предоставления рублевой ликвидности при оплате иностранными покупателями природного газа, мораторий на вывоз инвестиционных доходов из страны по результатам совершения валютных операций, репатриация и обязательная продажа валютной выручки резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности, должны применяться государством постоянно и комплексно, как важная часть валютной политики, так как их внедрение доказало свою результативность по укреплению денежной системы страны и национальной валюты.

2. Усиление государственного регулирования и контроля за валютными операциями позволит защитить валюту от воздействия спекулятивного капитала, уменьшит волатильность из-за иных внешних неблагоприятных факторов, а также придаст ей авторитет на международных валютных рынках с перспективой приобретения признаков резервной и расчетной международной денежной единицы.

Научная дискуссия

В финансово-правовой литературе валютно-правовой режим рассматривается в непосредственной взаимосвязи с денежным обращением, национальной валютой, валютной политикой государства, денежной системой. Это связано с тем, что валютно-правовой режим является прямым механизмом, направленным на «защиту национальной валюты, которая является ключевым элементом денежной системы государства» [5], а также «в наилучшей степени обеспечивает устойчивость валюты Российской Федерации и стабильность внутреннего валютного рынка» [5]. Обеспечивая устойчивость национальной валюты, валютно-правовой режим, тем самым, создает основы для стабильного функционирования всей денежной системы государства, а значит, объектом воздействия со стороны валютно-правового режима является не только национальная валюта как отдельный элемент денежной системы, а именно денежная система как целостная структура. Поэтому цель по обеспечению устойчивости денежной системы должна предопределять сущность, направления реализации и возможности валютно-правового режима. Вне связи с данной целью необходимости в применении правового режима в валютных отношениях быть не должно, «Отказ государства от регулирующего воздействия на валютные отношения, соответственно, означает прекращение валютно-правового режима как такового» [5].

Исходя из сказанного на данном этапе можно отметить, что, с точки зрения целеполагания валютно-правовой режим определяется как совокупность правовых средств, имеющих общим предметом своего регулирования сферу валютных отношений, которые определяют такое поведение субъектов этих отношений, при котором обеспечивается защита национальной валюты, нормальное функционирование и развитие внутреннего валютного рынка.

Являясь разновидностью финансово-правового режима, валютно-правовой режим характеризуется высоким уровнем императивности и по своему содержанию включает в себя ограничения, запреты, обязывания, дозволения, меры валютного контроля. Однако, это вовсе не означает, что валютно-правовой режим должен быть постоянно жестким и бескомпромиссным по типу режима исключительной государственной валютной монополии.

Правильное и своевременное сочетание разнородных мер и инструментов, составляющих суть валютно-правового режима, позволяет достичь устойчивости денежной системы государства. Объединять инструментарий государственного или рыночного воздействия на денежную систему необходимо исходя из конкретных экономических, политических и финансовых реалий на текущий момент времени.

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В условиях кризиса мирового валютного «порядка», санкционного давления на финансовую систему, возникновении новых и усилении действующих угроз национальным интересам государства¹, должно преобладать государственное регулирование, благодаря которому валютно-правовой режим будет способен ответить в полной мере возникающим вызовам, что позволит ему в действительности защитить денежную систему страны от негативных внешних и внутренних воздействий. При позитивной динамике развития финансовой (денежной) системы правильным будет смягчать меры валютного контроля и ограничений. В контексте сказанного будет правильным согласиться с позицией Н.М. Артемова и А.А. Ситника касательно того факта, что «В рамках нормального функционирования экономики валютные ограничения рассматриваются в качестве излишнего административного барьера для резидентов (в первую очередь субъектов внешнеэкономической деятельности). Однако в условиях санкционного давления система валютного регулирования – один из основных инструментов обеспечения национальной безопасности. Образно говоря, валютное регулирование – щит государства в условиях экономической войны» [1]. Поэтому механизмы валютно-правового режима должны быть гибкими, динамичными и иметь возможность за короткий срок изменяться и адаптироваться в зависимости от сложившейся конъюнктуры как в сторону ужесточения, так и смягчения. Но, при этом постоянной константой должна оставаться только цель – сохранение устойчивости денежной системы государства, «Валютно-правовой режим должен обеспечивать такое положение дел, при котором взаимодействие национальной валюты с валютами других стран не создает угроз для национального денежного обращения и внутреннего валютного рынка» [5]. То есть, установленные правила и введенный порядок правового регулирования валютных отношений должны в полной степени быть адекватными сложившейся экономической, финансовой и политической ситуации в стране.

В связи с тем, что основные санкции недружественных государств были направлены против валютно-денежной системы РФ с целью ее разрушения государством были введены следующие меры валютных ограничений и запретов (которые, с нашей точки зрения, являются давно необходимыми за весь 30 – летний период режима валютной либерализации и по сей день господствующий в сфере валютных отношений): обязательная оплата иностранными покупателями поставок природного газа в рублях²; обязательная продажа 80% валютной выручки резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности³ (сейчас эта цифра составляет уже 40%); запрет на осуществление валютных операций, связанных с предоставлением резидентами в пользу нерезидентов иностранной валюты по договорам займа и запрет на зачисление резидентами иностранной валюты на свои счета (вклады), открытые в расположенных за пределами территории Российской Федерации банках и иных организациях финансового рынка, а также осуществление переводов денежных средств без открытия банковского счета с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг⁴; ограничение на порядок исполнения резидентами – должниками обязательств по кредитам и займам перед иностранными кредиторами из недружественных стран (разрешено исполнение таких обязательств в российской валюте, эквивалентной стоимости обязательствам в иностранной валюте, если сумма таких обязательств превышает 10 млн. рублей в

¹ А.А. Ситник и Н.М. Артемов, исследуя данный вопрос, верно пишут, что: «Наиболее серьезные ограничения коснулись финансового сектора в целом и сферы денежного обращения в частности». Самые значимые из них, это: введение запрета на проведение операций с золотовалютными резервами Центрального банка в размере 300 млрд. долл. США, введение запрета на поставку в Россию наличной иностранной валюты (доллара и евро), введение запрета для американских финансовых учреждений обрабатывать транзакции по представлению долларовых банкнот иностранным финансовым организациям для дальнейшего распределения или поставки Правительству РФ или любому иному российскому лицу, аресты активов и собственности РФ на территориях враждебных государств, исключение российских банков из системы обмена сообщениями SWIFT и др. [1, с. 48–62].

В настоящее время данные запреты продолжают действовать и даже усиливаются (хотя, некоторые из них потеряли свою актуальность, например, прекращение своей деятельности на территории России крупных международных платежных систем VISA и Mastercard лишь поспособствовали усовершенствованию отечественной платежной системы Мир, которая уже была создана 23 июля 2014 года Банком России).

² О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа: Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2244.

³ О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями США и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций: Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1465.

⁴ Там же. П. 3.

месяц)¹ и др. Обратим внимание на краткость периода за который были приняты указы Президента РФ – это февраль – март 2022 года и скорость вступления их в силу (практически с момента подписания), что говорит о достаточно гибких потенциальных настройках валютно-правового режима как финансового механизма и его возможностях достаточно быстро менять существующую ситуацию в валютной сфере на противоположный полюс.

Рассмотрим данные введенные меры с точки зрения последствий их действия для денежной системы государства и квалификации этой меры как постоянной или временной.

Обязательная оплата иностранными покупателями поставок природного газа в рублях. Эта мера уже получила название в науке финансового права как механизм предоставления рублевой ликвидности [4]. Его суть заключается в предоставлении возможности конвертации иностранной валюты (доллары, евро) в рубли РФ по запросу покупателей российского товара для осуществления одной или нескольких внешнеэкономических операций. Иностранцы покупают российский газ приобретают национальную валюту (рубль) обменивая ее на иностранную за короткий срок (в течение дня) по строго фиксированному курсу и напрямую у ЦБ РФ, а не на валютной бирже без комиссий и прочих надбавок. Это защищает валюты от спекуляций, угрожающих изменению валютного курса. Покупка экспортного товара (газ) осуществляется покупателями за рубли, и они поступают на счета уполномоченного банка – резидента (Газпромбанк), а значит остаются в государстве (и не могут быть больше заблокированы как международные резервы 350 млрд. долл., хранящиеся на иностранных счетах за пределами РФ). В общем то это и есть логичная и справедливая модель осуществления внешнеторговых операций, когда оно государство (продавец – экспортер) вправе требовать от другого государства (покупателя – импортера) за продажу своего товара оплату в национальной валюте, тем более, если продаваемый товар является монопольным на рынке или крайне необходимым (как в случае с российскими газом и нефтью). К этой справедливой схеме стремятся большинство государств мира.

Какие это влечет последствия для денежной системы государства? Безусловно, положительные. Во-первых, эта мера укрепляет статус национальной денежной единицы, так как использование своей валюты в международных расчетах повышает на нее спрос на валютных рынках (региональных, международных). Во – вторых, повышение спроса на национальную валюту соответственно укрепляет ее курс не только на внешнем, но и на внутреннем рынке и подтверждает ее обеспеченность реальными товарами или ресурсами. В – третьих, крепкий рубль, обеспеченный реальными активами (да к тому же востребованными на международных рынках) нивелирует необходимость повышения ключевой ставки на внутреннем рынке со стороны ЦБ, который вынужден повышать ее постоянно с целью удержания курса рубля от девальвации и таргетирования инфляции. Необходимость в этом будет крайне низкой. Другими словами, данная мера однозначно укрепляет и способствует устойчивости всей денежной системы государства. В этом контексте следует поддержать позицию А.С. Кондукторова касательно того, что: «Широкое использование национальной валюты того или иного государства при оплате экспорта/импорта не только укрепляет его политический авторитет, но и открывает новые перспективы денежно-кредитной политики» [4]. О каких возможностях идет речь? Как мы уже писали, одной из таких перспектив является возможность отвязаться от такого неэффективного финансового инструмента осуществления денежно-кредитной политики как ключевая ставка, увеличение которой приводит к стагнации экономики и финансовой системы страны, потому что устойчивость рубля будет поддерживаться абсолютно другим способом – объективным спросом на него на валютных рынках, в связи с его обеспеченностью реальными товарами и активами. В свою очередь «понижение ключевой ставки стимулирует снижение российскими банками процентных ставок по кредитам, предоставляемых на территории РФ и номинированным в рублях. Повышение доступности кредитных ресурсов создаст предпосылки для ускоренного развития отечественного народного хозяйства и обеспечит у конечном счете существенный рост экономических показателей» [4]. Как видим, благоприятные последствия такой меры валютно-правового режима выходят далеко за пределы обеспечения устойчивости денежной системы государства, и, в целом положительно влияют на экономическое развитие.

Обязательная оплата иностранными покупателями поставок природного газа в рублях должна быть закреплена на постоянной основе в законодательстве и не подлежать изменениям. Но и этого недостаточно. Необходимо по возможности масштабировать эту меру валютного регулирования на весь экспорт товаров и прочих активов из РФ (безусловно, здесь имеют место свои особенности,

¹ О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами: Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1472.

зависящие от экспортируемого вида товара или от договоренностей отдельных государств и др.), но в целом – именно к такому валютному порядку необходимо стремиться.

Следующие меры валютно-правового режима будет правильным объединить и рассмотреть в единстве, так как цель их введения заключается в противодействии выводу капитала из денежной системы государства. Это запрет на осуществление валютных операций, связанных с предоставлением резидентами в пользу нерезидентов иностранной валюты по договорам займа и запрет на зачисление резидентами иностранной валюты на свои счета (вклады), открытые в расположенных за пределами территории Российской Федерации банках и иных организациях финансового рынка, а также осуществление переводов денежных средств без открытия банковского счета с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг и ограничение на порядок исполнения резидентами – должниками обязательств по кредитам и займам перед иностранными кредиторами из недружественных стран (разрешено исполнение таких обязательств в российской валюте, эквивалентной стоимости обязательствам в иностранной валюте, если сумма таких обязательств превышает 10 млн. рублей в месяц). В дополнение к данным мерам Банк России запретил профессиональным участникам финансового рынка передавать доходы по ценным бумагам российских эмитентов иностранным физическим и юридическим лицам (то есть, был введен мораторий на вывод инвестиционных доходов из страны).

Данные меры являются не просто актуальными, а крайне необходимыми на фоне замораживания российских активов за рубежом (резервных, банковских, частных). Вывод денег из страны, то есть их «уход» из денежной системы, в целом отрицательно сказывается на развитии экономики, достаточности ликвидности при обслуживании товарных потоков и платежных обязательств на внутреннем рынке, выполнении государством публичных бюджетных обязательств, формировании доходной части бюджетов (налоговые платежи в бюджетную систему падают) и др. Для валютной сферы вывод денег из финансовой юрисдикции государства ведет к ослаблению национальной валюты, а значит к увеличению инфляционного давления. Дело в том, что выведенный капитал (национальная валюта) конвертируется в валюту той страны, на территорию которой он выводится и оседает на счетах иностранных банков, а это увеличивает спрос на иностранную валюту (как правило, речь идет о долларе, евро, фунте, то есть твердых валютах, защищенных от девальвации). Ведь на валютные рынки при конвертации выбрасывается огромное количество рублей, что приводит к превышению предложения национальной валюты над спросом. Как результат – спрос на национальную валюту падает и рубль дешевеет. Для внутреннего валютного рынка это означает ослабление национальной валюты.

Самое опасное при выводе денег заключается в том, что их крайне сложно вернуть обратно в страну, а в отдельных случаях практически уже и невозможно. Во-первых, часть этих денег вкладывается в реальные активы на территории другого государства (недвижимое и движимое имущество (коттеджи, яхты, острова, автопарки и пр.), драгоценные металлы, ценные бумаги, части в уставных фондах иностранных компаний и др.), во – вторых, в настоящее время, в условиях санкций, напротив, идут процессы по аресту и блокировке выведенных денег и иных активов (собственности и пр.), как раз именно с целью их невозврата в Россию. Правоохранительные органы других государств (особенно недружественных) не заинтересованы в сотрудничестве по таким вопросам с национальными уполномоченными структурами. Ведь выведенные деньги, а особенно уже вложенные в собственность или фонды иностранных компаний – это уже иностранные активы, работающие в финансовой системе «чужого» государства и на интересы «чужой» экономики. Даже до 2014 года (до первых введенных против РФ санкций за возврат Крыма) взаимодействие по данным вопросам осуществлялось сложно, решения российских судов о возврате активов не имеют юридическую силу на территории другого государства, обмен информацией между российскими и иностранными правоохранительными и финансовыми органами также не всегда соответствует положениям, заключенных международных договоров. Как, например, вернуть деньги с Виргинских или Каймановых островов (офшоров), если они полностью управляемы Англией и выводились на территории этих островов именно потому, что, бенефициарам давалась гарантия того, что РФ никогда и ни при каких обстоятельствах их «не достанет»? Поэтому, процедура возврата выведенных денежных средств долгая и кропотливая. В этой связи абсолютно правильным решением стало введение вышеуказанных мер валютных запретов и ограничений со стороны государства за валютными операциями (переводами в безналичной и электронной форме, перевозкой наличности через таможенные пункты). Ведь всегда легче не допустить и применить превентивные меры, чем потом пытаться вернуть выведенный капитал. Но, данные правила не следует относить к постоянной мере валютного регулирования. Они должны быть в арсенале методов борьбы с оттоком капитала за границу

у государства, но применяться по мере необходимости с целью обеспечения устойчивости денежной системы. Другое дело, что не стоит ждать наступления такого высокого уровня угроз в финансовой сфере, которые были введены против РФ, для того чтобы воспользоваться существующими возможностями валютно-правового режима.

Следующей не менее важной мерой валютно-правового режима, также направленной на препятствие вывозу капитала из страны за границу, является репатриация и обязательная продажа валютной выручки резидентами – участниками внешнеэкономической деятельности. Согласно ст. 19 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»¹, резиденты обязаны в сроки, предусмотренными внешнеторговыми договорами (контрактами), обеспечивать репатриацию валюты. Репатриация (от лат. *repatriare* – возвращать в страну) означает исполнение резидентом обязанности по получению определенного денежного эквивалента в качестве встречного предоставления по исполненному внешнеторговому договору (контракту) либо по возврату ранее уплаченных денежных средств по неисполненному внешнеторговому договору (контракту) в целях препятствия оттоку капитала². Относительно указанной меры следует сказать следующее. До 2022 года репатриация валюты осуществлялась в рамках режима валютной либерализации, то есть, акцент делался на приоритете принципа свободы перемещения капитала и минимального вмешательства государства в этот процесс. В феврале 2022 года в связи с серьезностью введенных санкций, данный принцип уже абсолютно не соответствовал сложившейся в валютной сфере ситуации, поэтому мера по репатриации и обязательной продаже валютной выручки была ужесточена. Указом Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 (действующего на сегодня в ред. от 09.06.2022 г. с изм. от 20.05.2024 г.) была установлена обязанность для резидентов – участников ВЭД (внешнеэкономическая деятельность) осуществлять обязательную продажу иностранной валюты в размере 80 % суммы, зачисленной на их счета в уполномоченных банках. Впоследствии эта мера была смягчена до размера 60 %, а с 1 июля 2024 г. до 40 %. С чем связано такое смягчение? С дедолларизацией внешнего торгового оборота страны. В 2022 годы объемы доллара и евро во внешнем обороте РФ были выше чем по состоянию на 2025 год, ведь за этот период продажи товаров и энергоресурсов были перестроены на другие мировые рынки: Китай, Индия, ОАЭ, а в отношении европейского рынка, как уже ранее говорилось, был введен механизм рублевой ликвидности (продажа газа за рубли). Соответственно доля национальных валют от продажи товаров увеличилась и российский экспорт стал приносить больше рублей, которые экспортеры и так в добровольном порядке возвращают на счета уполномоченных банков – резидентов в Россию, так как рублями можно расплачиваться только на территории своего государства, «по мере перехода на расчеты в рублях продажа номинированной в других валютах выручки становится обузой, так как иностранные валюты экспортоориентированные компании зарабатывают все меньше» [3]. Это, безусловно, способствует укреплению рубля. Также в валютной композиции внешних расчетов увеличилась доля юаней, рупий, дирхамов и валют евразийского экономического Союза. Получается, что обязательства по обязательной продаже валютной выручки действуют только в отношении иностранных валют, поэтому сумма и была снижена до 40 %, в отношении национальной валюты – это требование не имеет смысла.

Не будем отрицать тот факт, что РФ нуждается и в таких валютах как доллар и евро, потому что ряд импортных товаров на внешнем рынке можно приобрести только за эти валюты, а значит, репатриация валютной выручки распространяется и на данные валюты. Но здесь возникают сложности другого порядка – ввиду действия санкций в финансовой сфере, выполнения резидентами требования по репатриации затруднено или даже невозможно. Большинство российских банков находятся под зарубежными санкциями и потому платежи в РФ от иностранных контрагентов блокируются, что усложняет расчеты по внешнеторговым контрактам. Поэтому при установлении обязанности о репатриации и продаже валютной выручки необходимо применять дифференцированный подход, в зависимости от вида продаваемого товара (сырьевой или несырьевой), вида валюты по контракту, цен на энергоресурсы на мировом рынке (нефть, газ) и др. Исходя из практики применения данной меры можно сказать, что она должна носить временный и избирательный характер, ведь, как уже стало понятным, существует слишком много факторов, не позволяющих применять при репатриации и продаже валютной выручки единый универсальный подход абсолютно ко всем экспортерам –

¹ О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 16. Ст. 1287.

² Комментарий к Федеральному закону «О валютном регулировании и валютном контроле» (постатейный) / Алексеева Д. Г. и др. М., 2014.

участникам ВЭД да еще на постоянной основе. Определяющей здесь должна остаться только цель – обеспечение устойчивости денежной системы государства: при увеличении угрозы оттока денег – увеличивать размер продажи репатриированной выручки, при благоприятной ситуации – смягчать или даже временно отменять эту валютную меру. Для понимания ситуации какой подход и к каким экспортерам нужно применять – также необходимо ввести систему постоянного мониторинга их деятельности по осуществлению валютных операций – покупке и продаже валюты на валютных рынках, осуществлению расчетов в иностранной валюте. Помимо представляемой ежемесячной отчетности экспортеров – участников ВЭД, все проводимые ими валютные операции должны быть в режиме онлайн доступны для анализа со стороны уполномоченных государственных органов. Это функцию могла бы взять на себя Служба финансового мониторинга. Единственно чего нельзя больше делать – это отстраняться государству от процессов валютного контроля и регулирования в этом вопросе.

Поэтому, государство в условиях сложившихся угроз в финансовой сфере все более активно начинает использовать возможности валютно-правового режима, чтобы установить такие меры запретов и ограничений, которые соответствовали бы уровню существующих угроз. Введенные с 2022 года и действующие по сей день меры правового режима в валютной сфере, безусловно, положительно сказались на валютном курсе национальной денежной единицы, доказали свою эффективность, способствовали устойчивости денежной системы и росту авторитета национальной валюты на международных валютных рынках¹.

Список использованной литературы:

1. Артемов Н.М., Ситник А.А. Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;(17(6)):48–62.
2. Бельский К.С. К вопросу о понятии денежной системы Российской Федерации. *Финансовое право*. 2005;(8):15–24.
3. Воронкова Е.К., Долгова М.В. Влияние глобальной рыночной конъюнктуры на изменение роли национальных валют в международных расчетах. *Вестник Российской таможенной академии*. 2024;(2):9–13.
4. Кондукторов А.С. Порядок определения курсов национальных валют. *Lex Russica*. 2022;(2):62–74.
5. Кучеров И.И. Валютно-правовое регулирование в Российской Федерации: эволюция и современное состояние: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М; 2020.
6. Фридман М. Основы монетаризма: монография / под науч. ред. Д.А. Козлова. М.: ТЕИС; 2002.
7. Холопов А.В. Валютный курс как инструмент макроэкономического регулирования. *Мировая экономика и международные отношения*. 2014;(12):25–33.
8. Чумакова Н.А. Падение курса российской валюты: в чем причины. *Инновационная наука*. 2016;(2):136–139.
9. Шульгин А.Г. Эмпирическое исследование валютной политики ЦБ РФ на волне кризисного цикла. *Прикладная эконометрика*. 2006;(4):18–48.
10. Щеголева Н.В. К вопросу о валютной и курсовой политике. *Деньги и кредит*. 2020;(10):11–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермаченко Кристина Дмитриевна

соискатель кафедры Конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

¹ Безусловно, автор отдает себе отчет в том, что до совершенного состояния денежной системы государства еще далеко, но без принятых мер – ситуация с национальной валютой была бы гораздо хуже. Не стоит забывать, что против РФ, начиная с 2014 года, введено 29 тысяч санкций, большая часть из которых в финансовой сфере. Не каждая денежная система выдержала бы такой напор угроз и сохранила бы при этом основные показатели своей устойчивости.

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-12-19>

СУДОУСТРОЙСТВЕННОЕ ПРАВО РОССИИ: ПРЕДМЕТ, МЕТОД И ИСТОЧНИКИ

Кирющенко И.И.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
(Трубилина ул., д. 13, г. Краснодар, Россия, 350000)

Ссылка для цитирования: Кирющенко И.И. Судустройство право России: предмет, метод и источники. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):12–19. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-12-19>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Кирющенко Ирина Игоревна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
Адрес: Трубилина ул., д. 13, г. Краснодар, Россия, 350000
Тел.: + 7 (918) 411-12-33
E-mail: kiryuschenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.04.2025

Статья принята к печати: 07.05.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: Ввиду отсутствия устоявшегося мнения по поводу места судустройство права в системе права России, автор считает важным его определить. Рассматривается судустройство право как самостоятельная отрасль в российской правовой системе, которая имеет собственный предмет и метод регулирования.

Целью исследования является анализ доктринальных представлений о судустройственном праве и его правовом регулировании в системе действующего законодательства.

Для достижения цели в работе решаются следующие *задачи*: систематизация научных мнений о судустройстве и его месте в системе права; формулирование предмета и метода судустройство права; анализ нормативных положений российского права, касающихся судустройства, и сравнение их с законодательством других стран; выявление проблем правового регулирования; оценка возможных направлений оптимизации норм.

В работе использованы следующие *методы*: системный анализ, аналогия, обобщение, идеализация, формально-юридический и сравнительно-правовой. Указанная совокупность методов позволила сформулировать следующие *результаты*:

Проведен анализ представлений об объекте исследования, что позволило сформулировать собственные выводы о предмете (круге общественных отношений) и методе судустройство права. Автором выделены особенности метода судустройство права, отражающие специфику регулирования его предмета и определяющие уникальность воздействия на участников правоотношений. Сделан вывод о необходимости принятия Судустройство кодекса Российской Федерации, который необходим для комплексного и единообразного детализирования конституционных положений судустройство основ российской судебной системы. Предлагается дальнейшее исследование проблем судустройства России путем детального изучения каждого структурного элемента судустройство права, определения его принципов и понятийного аппарата.

Ключевые слова: судустройство, судустройство право, предмет, метод, отрасль права, судустройство отношения, судустройство кодекс, судебная система, организация судебной власти, судебное право.

Введение

Нам представляется верным утверждение о том, что «хорошая организация судов может исправить недостатки законов и, наоборот: при плохом судоустройстве очень хорошие законы могут быть парализованы в своем действии»¹.

Согласимся с В.В. Ярковым, что реформирование российского судоустройства сегодня соотносимо по глубине и содержанию с периодом реформ 90-х гг. XX в [19, с. 4]. Безусловно, такое реформирование должно прямо увязываться «с конкретными целями и задачами, стоящими перед современным правосудием» [5, с. 4].

Сегодня², как и в предыдущие годы перед судебной властью продолжают стоять задачи повышения качества осуществления правосудия и доверия общества к суду, укрепления независимости судей и гарантий правового статуса судей и другие, связанные с организацией судебной системы.

Методы исследования

Методологию исследования составили методы анализа и сравнения, формально-юридический и логический методы, а также системный подход.

Результаты исследования

1. Судоустройственное право – это самостоятельную отрасль права, регулирующих судоустройственные отношения, возникающие в области организации судов, правового статуса судей и их коллективных образований, а также по вопросам обеспечения деятельности судов.

2. Метод судоустройственного права характеризуется сочетанием императивных и диспозитивных начал, но с преобладанием первых, а также имеет особенности регулирования судоустройственных отношений.

3. Следует принять Судоустройственный кодекс РФ, систематизирующий и детализирующий конституционные начала судоустройства России.

Научная дискуссия

1. Предмет судоустройственного права.

Элементами российской модели правосудия являются судоустройство, судопроизводство и правовой статус судей [11, с. 104]. Считаем необходимым уяснить, какая наука изучает каждый из элементов, и как они соотносятся между собой. До сих пор в доктрине нет устоявшегося мнения по этому вопросу.

Некоторые ученые выделяли суперотрасль судопроизводственное право, включающее как судоустройственные, так и судопроизводственные аспекты [16, с. 35]. Другие формулировали судебное право как комплексную отрасль, предметом которой были судоустройственные и судопроизводственные правоотношения³ [15]. Третьи выделяли судоустройственное право как самостоятельное направление юридической науки, включающее судоустройство и судопроизводство [7, с. 34–36].

О самостоятельности судоустройственного права утверждал В.П. Кашепов, определяя его задачей «глубокое исследование судебно-организационных аспектов доктрины судебной власти, ее институционализация в судебной системе и в процессуальном законодательстве» [7, с. 34]. Проблемой юридической науки считалось отсутствие самостоятельной отрасли судебного или судоустройственного права [1, с. 54].

Представляется, что судоустройственное право не просто может претендовать на статус самостоятельной отрасли [14, с. 150], а является отдельной отраслью российского права, имеющей собственный предмет и метод правового регулирования.

В общем виде предмет права – это совокупность общественных отношений, требующих правового регулирования. Однако не все общественные отношения оказываются урегулированными правом, достаточно много вопросов остается на откуп непосредственному правоприменителю или сложившейся практике их реализации. Поэтому следует ограничивать предмет права от объекта правового регулирования, т.е. конкретного общественного отношения, регулируемого соответствующей нормой или их совокупностью. При этом объектом правоотношения выступает то, по поводу чего субъекты вступают в правоотношения и реализуют свои права и обязанности.

¹ Палченков В.П. Основы судоустройства по судебной реформе в Российской Федерации: общетеоретические и историко-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 17.

² Постановление X Всероссийского съезда судей № 1 от 1 декабря 2022 года «О развитии судебной системы Российской Федерации» [сайт]. Совет судей Российской Федерации; 2022 [обновлено 12 декабря 2022; процитировано 11 января 2025]. Доступно: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/49122>.

³ Гладышева О. В. Актуальные проблемы судебного права: учеб. пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 164 с.

Объектом судоустройственных правоотношений следует признать судебную власть, которая определяется в главе 7 Конституции РФ в организационных (судоустройственных) основах.

Все общественные отношения, сформировавшиеся по поводу осуществления судебной власти и в связи с ее организацией, т.е. где судебная власть выступает объектом правоотношений, составляют родовый объект правового регулирования. В свою очередь, общественные отношения, связанные исключительно с организацией судебной власти, составляют предмет правового регулирования судоустройственного права, а равно определяют видовой объект правового регулирования. В данном случае спецификой общественных отношений, составляющих предмет судоустройственного права, являются организационные основы судебной власти, по поводу которых возникают судоустройственные правоотношения.

Некоторые к судоустройственным относят нормы об организации судебной системы, внутрисудебном контроле, правовом статусе судей и т.д. [4].

Другие определяют «судоустройство как отрасль российского права, представляющую собой совокупность норм, закрепляющих и регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе организации судебных органов, органов судейского сообщества и обеспечения деятельности суда, а также регламентирующих правовой статус судей» [13, с. 14]. На наш взгляд в нем не точно отражаются все элементы судоустройственных правоотношений.

Так, применение словосочетания «организация судебных органов», по нашему мнению, не правильно выражает содержание базовой единицы судебной системы. Понятие «судебный орган» используется применительно к Конституционному Суду РФ – высший судебный орган конституционного контроля (ст. 125 Конституции РФ¹) и Верховному Суду РФ – высший судебный орган по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам (ст. 126 Конституции РФ). «Высший судебный орган» адресуется соответствующим судам, имеющим специальные конституционные полномочия по осуществлению судебной власти в своей области, дополнительно подчеркивающих их положение (конституционный статус) и скорее связанных с правилами юридической техники, не допускающих определение понятий через сами понятия (Конституционный Суд РФ является высшим судом... или Верховный Суд РФ является высшим судом...). При этом в ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» закреплено, что судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами, а никакие другие органы не вправе принимать на себя осуществление правосудия². Поэтому в данном случае правильно использовать в нормах словосочетание «организация судов», а не «организация судебных органов».

Не верно и применение конструкции «организация органов судейского сообщества». Сложно оспорить тот факт, что практически все общественные отношения, связанные с возникновением, изменением и прекращением статуса судьи, происходят с участием соответствующего органа судейского сообщества. Поэтому не только организация, но и порядок их деятельности входят в круг судоустройственных отношений.

Органы судейского сообщества формируются для выражения интересов судей³ и являются необходимым условием (средством) обеспечения их независимости⁴. Однако упоминание среди судоустройственных отношений, касающихся исключительно органов судейского сообщества, без включения иных профессиональных организаций (ассоциаций, союзов и др.), в которые судьи вправе добровольно вступать и участвовать в них, в т.ч. в целях защиты своих интересов и самосовершенствования, не будет являться достаточным.

Поэтому в целях настоящего исследования, имеющего задачу выявить и сформулировать конкретные элементы изучаемого объекта, следует избегать применения терминов, которые могут ввести в заблуждение, несколько подменив понятие или его содержание.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

³ Там же. Ч. 1 ст. 2.

⁴ См.: п. 1 т. 9 О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

Проанализировав положения Конституции РФ и совокупности судоустройственных законов¹, нами предлагается включить в предмет судоустройственного права следующие группы общественных отношений:

1) по поводу организации судов. Данная группа общественных отношений возникает в связи с учреждением (созданием, образованием) и упразднением федеральных судов и судов субъектов РФ², составляющих судебную систему России.

2) по поводу правового статуса судей. Эта группа отношений определяет единый статус судей и включает отбор и назначение судей на должность, их права, обязанности, гарантии и ответственность [1, с. 2], приостановление и прекращение их полномочий, их материальное и социальное обеспечение.

3) по поводу коллективных образований судей, созданных для содействия независимости судебной власти³. Здесь общественные отношения возникают в связи с выражением интересов судей, для обеспечения их самостоятельности, независимости и социальной общности как группы – судьи России.

4) по поводу обеспечения деятельности судов. Данная группа общественных отношений складывается в связи с необходимостью обеспечения судов и включает деятельность аппаратов судов, судебного департамента, финансирование судов, символику.

Таким образом, предметом судоустройственного права России являются общественные отношения, составляющие устройство судебной системы Российской Федерации и складывающиеся по вопросам организации судов, правового статуса судей, коллективных образований судей и обеспечения деятельности судов.

В науке высказывались мнения о положительном опыте одновременного изучения как судопроизводственных, так и судоустройственных основ российского права [2, с. 14], чего не стоит отрицать. Однако комплексное исследование этих двуединых начал судебной системы невозможно без самостоятельного научного осмысления каждого элемента, составляющего отдельно судоустройственное и судопроизводственное право.

Настоящее исследование позволяет говорить о предмете судоустройственного права, включающим только судоустройство (п. «о» ст. 71 Конституции РФ) и не регулирующим судопроизводственные элементы, указываемые некоторыми учеными. Мы поддерживаем позицию⁴, что судоустройственные и судопроизводственные общественные отношения вместе образуют судебное право.

Таким образом, судоустройственное право есть самостоятельная отрасль права, которая представляет собой совокупность норм и правовых институтов, регулирующих судоустройственные отношения, возникающие в области организации судов, правового статуса судей и их коллективных образований, а также по вопросам обеспечения деятельности судов.

2. Метод судоустройственного права.

Традиционно метод любой отрасли права рассматривается как совокупность приемов и способов воздействия правовых норм на возникающие общественные отношения в соответствующей сфере. Следовательно, для определения метода судоустройственного права нам необходимо установить каким именно способом осуществляется регулирование судоустройственных отношений, входящих в предмет исследуемой отрасли права.

¹ См.: О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1; О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022; О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3528; О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² В настоящее время к судам субъектов Российской Федерации относят только мировых судей (см. ч. 2, 4, ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»).

³ Бурдина Е.В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 537 с.

⁴ Гладышева О. В. Актуальные проблемы судебного права: учеб. пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 164 с.

Классическое деление методов на императивный и диспозитивный сегодня встречается достаточно редко и научное сообщество склоняется к сочетанию этих двух методов практически в любой отрасли права.

Судоустройственное право также не является исключением. Очевидно, что превалирует метод императивных предписаний, содержащий конкретные порядки, требования, обязывания, запреты, ограничения и т.п. Между тем немалое количество нормативных положений сформулировано диспозитивным порядком, позволяя осуществлять выбор своего поведения в рамках дозволенных действий (бездействий).

Например, проявлением диспозитивности в правовом регулировании правового статуса судей является право на отставку по собственному желанию, реализуемое независимо от возраста, срока полномочий, уровня суда, региона и т.п. Или право добровольного участия в конкурсе на должность судьи определенного уровня, системы и вида суда.

Также можно назвать возможность привлечения судьи, пребывающего в отставке, к исполнению обязанностей судьи в порядке ст. 7 Закона о статусе судей; право перевода судьи в другой суд в случае упразднения или реорганизации суда (ст. 12, пп. 11 п. 1 ст. 14, абз. 2 п. 6 ст. 19 Закона о статусе судей); определение численности работников и структуры аппарата секретариата Конституционного Суда РФ (ст. 111 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации); привлечение судей одной судебной коллегии Верховного Суда РФ в состав другой судебной коллегии (ч. 2 ст. 9 Закона о Верховном Суде Российской Федерации¹) и другие.

Поэтому методом судоустройственного права является императивно-диспозитивный с преобладанием публично-правовых начал, свойственных регулированию общественных отношений по поводу организации одной из ветвей власти – судебной власти.

Особенности данного метода, проявляющиеся только в данной отрасли права, позволяют говорить о самостоятельности судоустройственного права.

Так, одной из особенностей метода является обязательное участие органов судейского сообщества практически во всех судоустройственных отношениях как гарантии независимости судей.

Еще одной особенностью метода можно назвать большую долю участия в судоустройственных отношениях председателя суда, который не только существенным образом влияет на карьеру судей [12], но и как руководитель оказывает воздействие на обеспечение деятельности суда.

Особенностью метода также стоит отметить особые ограничения и запреты, которые накладываются на судей как носителей особого статуса не только при исполнении своих полномочий, но и вне службы². Указанное необходимо с целью поддержания авторитета суда и репутации судьи, а значит опосредует судоустройственные отношения, придавая им достаточную осторожность [9, с. 335–345] в выборе своего поведения.

3. Источники судоустройственного права.

Рассмотрение проблем судоустройства и предложение оптимальных решений по совершенствованию законодательства об организации судебной системы – это актуальный доктринальный вопрос [6, с. 7; 10, с. 11; 11, с. 113].

«Современное российское судоустройственное законодательство представляет собой совокупность нормативных актов, регулирующих организацию различных видов судов, образующих судебную систему Российской Федерации, – Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов... о правовом положении судей, присяжных и арбитражных заседателей, а также об органах судейского сообщества и органах обеспечения деятельности суда» [13, с. 149].

В целом, за исключением норм о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, упраздненных с 1 января 2023 г.³, сегодня в России судоустройственное законодательство представляет собой именно совокупность нормативных актов, причем не только Конституции РФ и законов, но и

¹ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

² См. напр.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7.03.1996 № 6-П, от 28.02.2008 № 3-П, от 20.07.2011 № 19-П и от 19.02.2018 № 9-П; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 310-О и др. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы: Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть I). Ст. 8029.

иных подзаконных нормативных актов, актов судебной власти и органов судейского сообщества, определяющих судоустройство аспекты судебной власти¹.

Исследователи, сравнивая право России, Китая и США, отметили особенность российского законодательства о судоустройстве – правовое регулирование осуществляется большим количеством законов, учитывая, что в указанных странах вопросы организации, состава и полномочий судов урегулированы Конституцией и Законом о судоустройстве [17, с. 57]. Аналогичная ситуация наблюдается и в постсоветских странах (Республика Беларусь², Казахстан³, Армения⁴, Узбекистан⁵, Туркменистан⁶ и другие).

Определенно большое количество законов не способствует эффективному регулированию, поскольку содержит опасности дублирования норм и их разночтения, толкования и применения, ошибок и неточностей в регламентации отдельных институтов, пробелов и коллизий в судоустройственном праве.

Например, О.М. Свириденко положительно отметил изменения ч. 2 ст. 118 Конституции РФ путем поправки и дополнения ее арбитражным судопроизводством, что создало гарантии стабильности и определенности судоустройства [18, с. 41]. Однако до настоящего времени это изменение не нашло отражения в федеральном законодательстве⁷.

Примером низкой законодательной техники служит различие в изложении, которое обнаруживается при сопоставлении норм о прекращении полномочий некоторых категорий судей Советом Федерации Федерального Собрания РФ по представлению Президента РФ⁸. Кроме того, нами были выявлены расхождения в правовом регулировании оснований приостановления и прекращения полномочий судей Конституционного Суда РФ и других судов [8, с. 124].

¹ См.: Инструкция о порядке определения стажа работы по юридической профессии для кандидатов на должности судей федеральных судов: утв. Минюстом РФ № 10 (35)-5, Верховным Судом РФ, ВАС РФ 27 декабря 1996 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1997. № 4; Об утверждении Перечня заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи: постановление Совета судей РФ от 26.12.2002 № 78 // Российская газета. 2003. № 13, 24 января; Регламент Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи: утв. Решением Высшей квалификационной коллегией судей РФ от 29.06.2017. Протокол № 6 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Порядка размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о внепроцессуальных обращениях: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.12.2013 № 241 // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2, февраль, № 3, март; О должностном окладе Председателя Конституционного Суда Российской Федерации: Указ Президента РФ от 19.03.2013 № 207 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 12. Ст. 1241; Положение о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов: утв. постановлением Президиума Верховного суда РФ от 18 апреля 2018 г. [сайт]. РГУП; 2024 [обновлено 30 октября 2024; процитировано 11 января 2025]. Доступно: <https://rgup.ru/?mod=pages&id=26>; Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10 и др.

² См.: Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29.06.2006 № 139-З. [сайт]. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь; 2024 [обновлено 30 мая 2024; процитировано 01 мая 2025]. Доступно: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0600139>.

³ См.: О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 25.12.2000 № 132 [сайт]. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан; 2025 [обновлено 05 апреля 2024; процитировано 01 мая 2025]. Доступно: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_/z000132.htm.

⁴ Судебный кодекс Республики Армения: Конституционный закон Республики Армения от 10.02.2018 № ЗР-95. [сайт]. Национальное собрание Армении; 2024 [обновлено 30 мая 2024; процитировано 01 мая 2025]. Доступно: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6166&lang=rus>.

⁵ См.: О судах: Закон Республики Узбекистан от 28.07.2021 № ЗРУ-703 [сайт]. Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан; 2025 [обновлено 30 мая 2024; процитировано 01 мая 2025]. Доступно: <https://lex.uz/docs/5534928>.

⁶ См.: О суде: Закон Туркменистана от 8.11.2014 г. №134-V [сайт]. Государственное информационное агентство Туркменистана; 2024 [обновлено 30 мая 2024; процитировано 01 мая 2025]. Доступно: [https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/23126/zakon-turkmenistana-%3Cbr%3Eo-sude-\(novaya-redaktsiya\)](https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/23126/zakon-turkmenistana-%3Cbr%3Eo-sude-(novaya-redaktsiya)).

⁷ См.: ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

⁸ См.: п. «е.3» ст. 83, п. «л» ст. 102 Конституции РФ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 8 (часть I). Ст. 1312; ст. 15.1 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»; ст. 14 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».

Указанные и другие проблемы регламентации организации судебной системы России и ее элементов прямо указывают на целесообразность и своевременность работы по кодификации в целях единообразного применения судоустроительных основ российской судебной власти.

Ученые предлагали принять Судебный кодекс РФ¹, который объединит в себе судоустроительные и судопроизводственные начала правосудия. На наш взгляд, указанное объединение не будет способствовать логичному изложению норм и правильному их толкованию и применению, поскольку эти два направления находятся в разных плоскостях: функциональных и организационных соответственно, а значит должны быть разработаны отдельно.

Судоустроительные нормы конституционного уровня (п. «о» ст. 71, ст. 118-122, ст. 124, ч. 1 ст. 125, ст. 126, ч. 1, 2 ст. 128 Конституции РФ) раскрываются в федеральном законодательстве².

Сопоставление нормативных источников позволяет сделать вывод, что их содержание можно существенно сократить, и все положения изложить в одном нормативном акте. Указанное осуществимо, поскольку как структура законов, так и буквальное изложение большинства норм дублируются, а значит можно использовать прием формулирования общих норм с отражением только особенностей, имеющих в соответствующих правовых институтах.

Поэтому мы поддерживаем позиции тех ученых, которые высказываются за принятие Судоустроительного кодекса РФ [14, с. 156], как системного нормативного акта, раскрывающего и детализирующего конституционные начала судоустройства в России.

Подробный научный разбор проблем, складывающихся в судоустроительных правоотношениях, положительно отразится на выполнении задач, стоящих перед судебной системой, в том числе ее эффективное функционирование и надлежащая судебная защита прав и законных интересов заинтересованных лиц. Поэтому дальнейшее исследование вопросов судоустроительного права мы видим в определении его структуры (элементов системы), разработке понятийного аппарата и правовых институтов, детальной регламентации общественных отношений, входящих в предмет отрасли, очерчивании круга субъектов права и соответствующих правоотношений, выделении принципов судоустройства и их классификации, унификации источников.

Развитие судоустроительной отрасли российского права, формирование единой нормативной базы, отвечающей современному этапу организации судоустройства, а также механизма его реализации, позволит эффективно решить задачи, стоящие сегодня перед судебной системой.

Список использованной литературы:

1. Абросимова Е.Б. Административная юстиция: к истории вопроса. *Теоретические и практические проблемы административного правосудия: материалы научно-практической конференции (8–9 декабря 2005 г.)*. М.: Международная академия оценки и консалтинга; 2006.
2. Бахрах Д.Н. Юридическая ответственность по административному праву *Административное право и процесс*. 2010;(1):2–5.
3. Борисова Е., Головкин Л., Ярков В., Тай Ю., Кловгант В., Туманов Д., Юдин А., Ямпольский В. Осенние изменения в работе судов: новая процессуальная революция? *Закон*. 2019;(10):19–29.
4. Воронов Е.Н. К вопросу о судебном праве в связи с изменениями судебного законодательства. *Российский судья*. 2016;(5):54–58.
5. Дорошков В.В. Оценка реформ проверочных судебных инстанций в отечественном судопроизводстве. *Мировой судья*. 2020;(11):3–10.
6. Еременко А.С. К вопросу о судебной эргономике, или как повысить качество правоприменительного процесса? *Российская юстиция*. 2020;(1):5–11.
7. Кашепов В.П. Реализация конституционных положений об основах судебной власти. *Журнал российского права*. 2010;(10):25–36.

¹ Сангаджиев Б.В. Институциональные характеристики судебной власти в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 8.

² См.: Федеральные конституционные законы от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»; Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589; О военных судах Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3170; Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»; О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270; Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14.03.2002 № 30-ФЗ.

8. Кирющенко И.И. Оптимизация оснований приостановления и прекращения полномочий судей. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право*. 2024;(2):119–126.
9. Кирющенко И.И. Осмотрительность как принцип поведения судей в социальных сетях. *Судебная власть в условиях новых вызовов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП*. М.: РГУП; 2024.
10. Клеандров М.И. О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(1):7–11.
11. Лебедев В.М. Научные основы современной российской модели правосудия. *Журнал российского права*. 2023;(5):103–115.
12. Макарова О.В. Обеспечение независимости судей в Российской Федерации. *Журнал российского права*. 2010;(157(1)):95–104.
13. Мехренцева Н.А., Папулова З.А. Принципы российского судостроительства. *Администратор суда*. 2022;(2):14–17.
14. Мехренцева Н.А., Папулова З.А. К вопросу о понятийном аппарате российского судостроительства. *Lex russica*. 2022;(75(7)):148–159.
15. Мурадян Э.М. Судебное право: монография. СПб.: Изд-во Р. Асланова. Юридический центр «Пресс»; 2007.
16. Попова Ю.А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ). *Вестник гражданского процесса*. 2012;(2):10–40.
17. Решетникова Е.В. Сравнительно-правовой анализ судостроительства России, США и Китая. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2015;(1):56–59.
18. Свириденко О.М. Конституционная реформа 2020 года: впервые закреплён самостоятельный конституционно-правовой статус арбитражных судов. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;(12):39–45.
19. Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020;(11):3–6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирющенко Ирина Игоревна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет»
ORCID: 0000-0001-8327-6982

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-20-27>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РОЛЬ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ДАННЫХ И ПРЕДИКТИВНОЙ АНАЛИТИКИ В СОЗДАНИИ ИНТЕРАКТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Маркосян Г.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Маркосян Г.А. Цифровая трансформация юридического образования: роль визуализации данных и предиктивной аналитики в создании интерактивной образовательной среды. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):20–27. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-20-27>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Маркосян Георгий Ашотович, кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 454-62-52

E-mail: lawckt@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 12.05.2025

Статья принята к печати: 10.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: *Цель* исследования: Исследование направлено на выявление и обоснования роли и механизма интеграции технологий визуализации данных и предиктивной аналитики в процесс цифровой трансформации юридического образования для создания эффективной интерактивной образовательной среды, способствующей формированию цифровых компетенций и углубленному аналитическому мышлению будущих юристов.

Задачи исследования:

1. Анализ современного состояния и тенденций цифровой трансформации юридического образования: выявить ключевые вызовы, потребности, существующие технологические решения и пробелы в создании интерактивной образовательной среды, особенно в контексте работы с большими объемами правовой информации.

2. Исследование теоретических основ и практических потенциалов технологий визуализации данных и предиктивной аналитики применительно к задачам юридического образования.

3. Выявление и анализ педагогических, технических и нормативно-правовых условий (включая барьеры) успешной реализации предложенной модели.

Методы:

В исследовании применялись общенаучные методы, включая анализ и синтез, которые позволили систематизировать современные подходы к цифровизации юридического образования и выявить закономерности внедрения визуализационных технологий. Индукция и дедукция использовались для обобщения практического опыта применения предиктивной аналитики в образовательном процессе и формулирования выводов о ее эффективности. Сравнительно-правовой метод дал возможность сопоставить отечественные и зарубежные модели интеграции цифровых технологий в юридическое образование.

Эмпирические методы исследования включали анкетирование и интервьюирование участников образовательного процесса, что позволило оценить готовность юридического сообщества к цифровой

трансформации. Статистические методы обработки данных применялись для анализа результатов педагогического эксперимента по внедрению визуализационных инструментов. Экспертные оценки использовались для валидации разработанной модели цифровой образовательной среды.

Особое значение имели специальные методы: когнитивный анализ визуализированных правовых данных, тестирование алгоритмов машинного обучения для прогнозирования успеваемости, а также эргономическая оценка интерфейсов образовательных платформ. Эти методы в совокупности позволили комплексно исследовать процесс цифровой трансформации юридического образования и разработать научно обоснованные рекомендации по его оптимизации.

Результаты:

Проведенное исследование показало, что цифровая трансформация юридического образования требует комплексного внедрения технологий визуализации данных и предиктивной аналитики как ключевых элементов современной образовательной среды. Анализ подтвердил, что визуализация сложных правовых конструкций значительно повышает когнитивную усвояемость материала, а применение алгоритмов машинного обучения позволяет персонализировать образовательные траектории с точностью прогнозирования успеваемости.

Особое значение имеет выявленная взаимосвязь между использованием интерактивных дашбордов и развитием аналитических навыков будущих юристов. Одновременно исследование выявило существенные барьеры внедрения, включая недостаточную цифровую грамотность преподавательского состава и пробелы в нормативном регулировании обработки образовательных данных. Эффективная интеграция этих технологий способна трансформировать традиционную модель юридического образования, обеспечивая формирование цифровых компетенций, соответствующих требованиям современной правовой сферы.

Выводы автора:

1. Интеграция технологий визуализации данных и предиктивной аналитики в юридическое образование является необходимым условием его цифровой трансформации, обеспечивающим качественную подготовку современных юристов.

2. Разработанная модель интерактивной образовательной среды доказала свою эффективность, продемонстрировав значительное повышение уровня усвоения сложных правовых концепций и развитие аналитических навыков у студентов.

3. Успешная реализация цифровых образовательных технологий требует существенной переподготовки преподавательского состава и разработки соответствующих методических рекомендаций по их применению.

4. Необходимо создать единые стандарты визуализации правовой информации и этико-правовые рамки использования предиктивных алгоритмов, обеспечивающие баланс между инновационностью и защитой персональных данных участников образовательного процесса.

5. Дальнейшее развитие исследований в данной области должно быть направлено на создание комплексных решений, сочетающих технологические инновации с фундаментальными принципами юридического образования.

Ключевые слова: цифровая трансформация юридического образования, визуализация правовых данных, предиктивная аналитика, интерактивные образовательные технологии, машинное обучение в юриспруденции, когнитивное восприятие юридической информации, современные образовательные стандарты для юридических вузов.

Введение

Современные цифровые технологии становятся ключевым фактором трансформации юридического образования, открывая новые возможности для работы с правовой информацией и формирования профессиональных компетенций будущих юристов. В условиях стремительного роста объемов юридических данных и усложнения правовых систем традиционные методы обучения требуют переосмысления с учетом потенциала визуализации и предиктивной аналитики. Особую значимость приобретает разработка научно обоснованных подходов к интеграции этих технологий в образовательный процесс, обеспечивающих не только усвоение знаний, но и развитие аналитического и прогностического мышления у студентов.

Актуальность данного исследования обусловлена потребностью в системном подходе к цифровизации юридического образования, объединяющем технологические инновации, педагогические методики и правовые аспекты. Несмотря на растущий интерес к использованию визуализации и искусственного интеллекта в образовании, их применение в подготовке юристов изучено недостаточно. Настоящая работа направлена на восполнение этого пробела путем разработки

практико-ориентированной модели, которая может стать основой для модернизации юридического образования в цифровую эпоху.

Методы исследования

В исследовании применялись общенаучные методы, включая анализ и синтез, которые позволили систематизировать современные подходы к цифровизации юридического образования и выявить закономерности внедрения визуализационных технологий. Индукция и дедукция использовались для обобщения практического опыта применения предиктивной аналитики в образовательном процессе и формулирования выводов о ее эффективности. Сравнительно-правовой метод дал возможность сопоставить отечественные и зарубежные модели интеграции цифровых технологий в юридическое образование.

Эмпирические методы исследования включали анкетирование и интервьюирование участников образовательного процесса, что позволило оценить готовность юридического сообщества к цифровой трансформации. Статистические методы обработки данных применялись для анализа результатов педагогического эксперимента по внедрению визуализационных инструментов. Экспертные оценки использовались для валидации разработанной модели цифровой образовательной среды.

Особое значение имели специальные методы: когнитивный анализ визуализированных правовых данных, тестирование алгоритмов машинного обучения для прогнозирования успеваемости, а также эргономическая оценка интерфейсов образовательных платформ. Эти методы в совокупности позволили комплексно исследовать процесс цифровой трансформации юридического образования и разработать научно обоснованные рекомендации по его оптимизации.

Результаты исследования

1) Установлено, что цифровая трансформация юридического образования требует системного внедрения технологий визуализации данных и предиктивной аналитики, которые позволяют повысить когнитивную усвояемость сложных правовых концепций на 37% и развить аналитические навыки у 89% обучающихся. Это подтверждает необходимость пересмотра традиционных образовательных методик в условиях цифровизации правового поля.

2) Выявлена ключевая роль интерактивных образовательных технологий в формировании цифровых компетенций будущих юристов. Разработаны практические рекомендации по созданию стандартизированных методик визуализации правовой информации и применению алгоритмов машинного обучения с точностью прогнозирования успеваемости до 82%.

3) Обоснована необходимость поиска баланса между инновационностью образовательных технологий и защитой персональных данных участников образовательного процесса. Особое внимание уделено разработке этико-правовых рамок использования предиктивной аналитики в учебном процессе.

4) Установлена значимость цифровой грамотности преподавателей как фактора успешной интеграции новых технологий.

5) Сформулирована оценка текущего состояния цифровизации юридического образования как требующего дальнейшего развития. Предложена комплексная модель интерактивной образовательной среды, сочетающей технологические инновации с фундаментальными принципами юридической педагогики.

Научная дискуссия

Процесс цифровой модернизации системы юридического образования охватывает широкий спектр аспектов, включая содержательное наполнение учебных программ и техническое оснащение образовательной среды. Ускоренное развитие цифровых технологий и их повсеместное внедрение в различные сферы общественной деятельности, в том числе в законодательную и судебную практику, требует коренного пересмотра подходов к подготовке юридических специалистов. Одним из ключевых направлений такой трансформации становится интеграция современных методов анализа данных – в частности, визуализации информации и предиктивной аналитики, которые обладают значительным потенциалом для повышения эффективности образовательного процесса.

Внедрение технологий визуализации и прогнозирования в юридическое обучение нельзя рассматривать как второстепенное дополнение к традиционным формам преподавания. Эти инструменты становятся центральными элементами, определяющими не только структуру и содержание учебных курсов, но и качество подготовки выпускников. В условиях всеобъемлющей цифровизации государственного управления, правоохранительной сферы и частнопубличных отношений будущим юристам необходимо уметь работать с объемными и сложными информационными массивами. Это делает освоение современных цифровых технологий не просто

желательным, но обязательным компонентом профессиональной подготовки, направленным на формирование у студентов соответствующего уровня цифровой грамотности.

Особую ценность в контексте обучения правовым дисциплинам представляет визуализация данных, способствующая более легкому восприятию абстрактных правовых конструкций. Графическое отображение нормативно-правовых актов, изменений в законодательстве, судебных решений и теоретических концепций позволяет преобразовать текстовые данные в наглядные модели, что значительно облегчает понимание материала. Особенно эффективны такие подходы при изучении таких сложных отраслей права, как административное, финансовое, международное и корпоративное, где взаимосвязи между нормами и процедурами зачастую многоуровневые и недоступны для восприятия в чисто текстовой форме. Кроме того, использование графических методов способствует развитию системного мышления, являющегося одной из ключевых черт успешного юриста, способного видеть не только отдельные положения законов, но и общую картину правового регулирования [1, с. 70].

Не менее важным является применение предиктивной аналитики в образовательном процессе, которая открывает новые возможности для формирования у студентов навыков прогнозирования и анализа правовых ситуаций. Опираясь на алгоритмы машинного обучения и анализ больших объемов данных, можно строить вероятностные модели развития юридических событий – например, исхода судебного разбирательства или тенденций применения норм права. Такие технологии позволяют научить студентов не только реагировать на уже возникшие проблемы, но и заранее выявлять потенциальные риски, разрабатывать меры по минимизации последствий и предлагать решения, основанные на эмпирическом анализе. Таким образом, предиктивная аналитика становится не просто средством автоматизации работы с данными, но мощным инструментом формирования профессионального мышления, ориентированного на стратегическое планирование.

Эмпирические исследования демонстрируют высокую эффективность применения технологий визуализации и предиктивной аналитики в юридическом образовании. По данным наблюдений, уровень когнитивной доступности учебного материала возрастает примерно на 37%, что подтверждает высокий потенциал графического представления информации. Более 89% студентов показывают заметный прогресс в развитии критического мышления и навыков прогнозирования юридических последствий. Подобные результаты свидетельствуют о необходимости пересмотра традиционных методов преподавания права, основанных преимущественно на вербальной передаче знаний и механическом запоминании [3, с. 193].

Анализ современного состояния и перспектив развития юридического образования в условиях цифровой трансформации позволяет сделать вывод о том, что интерактивные образовательные технологии играют центральную роль в формировании у студентов-юристов цифровых компетенций. В условиях усложнения правовой системы, роста объема нормативно-правовых актов, судебной практики и регуляторных требований, а также повсеместного внедрения цифровых инструментов в правоприменение, будущие специалисты должны не только обладать глубокими теоретическими знаниями, но и уметь эффективно применять их в работе с программными платформами, аналитическими системами и цифровыми ресурсами.

В этой связи интерактивные методы обучения становятся не просто дополнением к классическим подходам преподавания, но полноценным инструментом модернизации образовательного процесса. Они способствуют активизации познавательной деятельности, стимулируют самостоятельное изучение материалов, развивают навыки анализа, прогнозирования и принятия решений в сложных юридических ситуациях. Особое значение приобретает возможность динамического взаимодействия с информацией – от восприятия текстовых формулировок до моделирования последствий правовых норм в графическом виде и имитации судебных процессов в виртуальной среде.

Следует подчеркнуть, что разработанные рекомендации по внедрению указанных технологий адресованы не только преподавателям, но и руководителям юридических вузов, авторам образовательных программ, специалистам в области цифрового права и IT-разработчикам, занимающимся созданием программного обеспечения для юридического образования.

Предложенные методологические и организационные стратегии предусматривают комплексное поэтапное выполнение ряда ключевых мероприятий, направленных на модернизацию образовательного процесса. Программа включает подготовку кадрового состава, разработку учебно-методического обеспечения, внедрение междисциплинарных курсовых программ, реализацию пилотных проектов и последующее тиражирование наиболее успешных практик. На каждом этапе предусмотрены механизмы оценки эффективности принимаемых мер, включая сравнительный анализ

академических результатов студентов до и после внедрения инноваций, проведение анкетирования для определения уровня удовлетворенности обучающихся и мониторинг профессиональной реализации выпускников.

Особое значение придается выявлению функциональной роли интерактивных технологий в формировании цифровой грамотности у будущих правоведов. Разработка унифицированных подходов к визуализации юридической информации и создание алгоритмических моделей машинного обучения, способных с высокой степенью точности предсказывать успеваемость студентов, открывают новые перспективы для развития юридического образования. Эти технологии не только повышают продуктивность учебного процесса, но и обеспечивают формирование у обучаемых совокупности профессиональных навыков, необходимых для эффективной работы в условиях современной цифровой правовой среды [7, с. 187].

Одним из наиболее сложных и значимых аспектов цифровизации юридического образования является необходимость установления баланса между внедрением инновационных технологий и соблюдением принципов конфиденциальности и защиты личных данных участников образовательного взаимодействия. Использование современных информационных решений, таких как предиктивная аналитика, машинное обучение и визуализация больших массивов данных, неизбежно связано с обработкой значительного объема информации, относящейся к личности студента – его академическим достижениям, поведенческим моделям, уровню вовлеченности, психометрическим параметрам и социально-экономическому статусу. В этой связи перед образовательными организациями стоит задача обеспечить прозрачность, этическую ответственность и правовую защищенность всех участников образовательного процесса.

В условиях широкого применения алгоритмических систем в сфере образования особую актуальность приобретает вопрос о допустимых границах использования персональных данных. С одной стороны, использование предиктивной аналитики позволяет значительно повысить качество обучения: выявлять закономерности в академической успеваемости, прогнозировать возможные академические трудности, создавать индивидуализированные образовательные маршруты и оказывать дифференцированную поддержку студентам [7, с. 185]. С другой стороны, такие технологии могут стать источником потенциальных рисков, связанных с нарушением права на конфиденциальность, проявлением дискриминации или недопустимым влиянием на обучающихся, особенно если алгоритмы функционируют без должного контроля, объективной интерпретации и возможностей для оспаривания принимаемых решений.

Поэтому одним из центральных направлений стало разработка и утверждение этико-правовых норм, регулирующих применение предиктивной аналитики в образовательной практике таким образом, чтобы сохранить все преимущества цифровых инноваций при одновременном соблюдении основных прав человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, право на доступ к образованию и право на справедливое и объективное оценивание. Такие нормы должны основываться на принципах прозрачности, подотчетности, справедливости, недискриминации и получения информированного согласия, что соответствует как международным стандартам защиты персональных данных (в частности, положениям GDPR), так и базовым требованиям правового воспитания и профессиональной этики.

Кроме того, формирование этико-правовых рамок включает разработку специализированных регуляторных инструментов внутри университетских структур – таких как кодексы профессионального поведения преподавателей и специалистов в области информационных технологий, внутренние политики обработки персональных данных, процедуры получения добровольного информированного согласия студентов, механизмы апелляции на автоматически принимаемые решения, а также обязательное проведение этической экспертизы новых цифровых продуктов перед их внедрением в образовательный процесс [8, с. 55]. Не менее важным элементом является учреждение независимых этических комиссий при образовательных организациях, которые будут отвечать за надзор за соблюдением прав обучающихся и давать экспертные заключения по спорным ситуациям, возникающим при использовании аналитических технологий.

Еще одной приоритетной задачей стало обеспечение интерпретируемости используемых алгоритмов – то есть предоставление студентам возможности понимать, на основе каких именно данных была сформирована конкретная рекомендация, оценка или прогноз. Эта характеристика имеет особую значимость в образовательной сфере, где решение, принятое на основе скрытых алгоритмов, может иметь долгосрочные последствия для академической и профессиональной судьбы обучающегося. Таким образом, системы предиктивной аналитики не должны представлять собой

«черные ящики», недоступные для понимания, а должны быть максимально открытыми, документированными и поддающимися объяснению.

Основным становится разработка специализированных программ повышения квалификации, ориентированных на потребности именно юридических преподавателей. Такие программы должны сочетать в себе как технические модули, посвященные работе с конкретными инструментами (например, аналитическими платформами, системами машинного обучения или визуализации законодательства), так и педагогические блоки, направленные на развитие методических навыков интеграции технологий в учебный процесс. Особое внимание должно быть уделено проектированию интерактивных заданий, анализу эффективности используемых цифровых инструментов и формированию у студентов цифровых компетенций, необходимых для профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации правовой сферы [8, с. 57].

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что успех внедрения технологий зависит не только от индивидуальных усилий преподавателей, но и от наличия системной поддержки со стороны администрации образовательных организаций. К числу необходимых мер относится обеспечение доступа к техническим ресурсам и программному обеспечению, организация стажировок и возможность участия в пилотных проектах, а также введение механизмов стимулирования, которые учитывают уровень цифровой грамотности в системе оценки профессиональной деятельности преподавателей. Отсутствие такой инфраструктурной поддержки делает любые инициативы по цифровизации образования декларативными и малоэффективными.

Еще одним важным аспектом является влияние уровня цифровой грамотности преподавателя на качество взаимодействия с обучающимися. Современные студенты, выросшие в условиях цифровой культуры, имеют иные стратегии восприятия информации, чем поколения, обучавшиеся по традиционным методам. Поэтому педагог, владеющий интерактивными форматами, умеющий работать с мультимедийными ресурсами, визуализацией данных и цифровыми симуляциями, создает условия для более высокой степени вовлеченности и мотивации студентов. Подобные подходы позволяют переходить от пассивного усвоения информации к активному обучению, при котором студент не просто получает знания, но и участвует в их анализе, интерпретации и применении в решении практических задач.

Анализ состояния цифровизации в области юридического образования указывает на то, что этот процесс находится на этапе активного формирования, однако сталкивается с рядом серьезных препятствий, затрудняющих создание целостной и устойчивой системы технологической интеграции. Хотя отдельные вузы демонстрируют успешные примеры внедрения современных методов – таких как визуализация юридических данных, использование предиктивной аналитики или разработка интерактивных платформ, – в целом по-прежнему отсутствует единая методологическая база, общепринятые стандарты и стратегически выстроенная программа развития цифровых образовательных практик. Это позволяет говорить о том, что текущие изменения носят скорее фрагментарный характер, ограниченный рамками отдельных курсов, проектов или инициатив преподавателей, чем о полноценном переходе к новой цифровой образовательной парадигме.

К числу ключевых барьеров, препятствующих системному развитию цифровой образовательной среды в юридическом вузе, относится недостаточная согласованность между потенциалом современных технологий и традиционными педагогическими подходами, лежащими в основе преподавания правовых дисциплин. Во многих случаях цифровизация воспринимается как простое перенесение существующего содержания обучения на электронные носители без глубокого переосмысления структуры учебного материала, методов преподавания и форм взаимодействия между участниками образовательного процесса [9, с. 221]. В результате вместо создания принципиально новых моделей обучения, адаптированных к требованиям цифровой эпохи, осуществляется лишь поверхностное приспособление старых форм к новым техническим возможностям, что не приводит к значительному повышению качества юридической подготовки.

Не менее существенной проблемой является слабая связь между освоением цифровых компетенций и профессиональными стандартами, которыми руководствуются при оценке выпускников юридических вузов. Поскольку основными критериями оценки остаются знание нормативно-правовой базы, умение анализировать правовые ситуации и строить логически обоснованные аргументы, использование технологий в учебной деятельности часто воспринимается студентами как вспомогательный элемент, не оказывающий прямого влияния ни на академическую успеваемость, ни на перспективы трудоустройства. Таким образом, отсутствует четкая обратная связь между уровнем цифровой грамотности будущих юристов и их конкурентоспособностью на рынке труда, что снижает

мотивацию к освоению соответствующих навыков и ограничивает эффективность всех инициатив, направленных на цифровую модернизацию юридического образования.

В этих условиях особую актуальность приобретает разработка комплексной модели интерактивной образовательной среды, ориентированной на преодоление существующих противоречий и обеспечение гармоничного сочетания инновационных технологий с основополагающими принципами юридической педагогики. Предлагаемая модель представляет собой многоуровневую систему, в которой цифровые инструменты становятся не просто дополнением к традиционным формам обучения, но органичной частью образовательного процесса, направленного на развитие профессиональных компетенций, соответствующих требованиям современной цифровой правовой действительности.

Первый уровень данной модели предполагает реализацию технологической составляющей, предусматривающей широкое использование средств визуализации информации для представления законодательства, судебной практики и правовых теорий в форме графиков, диаграмм, карт законодательства и других интерактивных ресурсов. Подобный подход способствует повышению когнитивной доступности сложных юридических конструкций, улучшает понимание причинно-следственных связей, а также дает возможность студентам проследить динамику правового регулирования в историческом и пространственном измерениях.

Следующий уровень образовательной модели реализует аналитическую функцию, основанную на применении алгоритмов машинного обучения и методов предиктивной аналитики для симуляции юридических сценариев [4, с. 201]. Данный компонент обеспечивает возможность прогнозирования решений судов, анализа судебной практики и выявления тенденций в правоприменительной деятельности. Его основная цель – формирование у студентов ключевых профессиональных навыков, включая способность к прогнозированию юридических последствий, принятию обоснованных решений и работе с большими объемами данных – качеств, приобретающих особую ценность в условиях цифровизации правовой профессии.

Третья ступень модели ориентирована на развитие интерактивного взаимодействия между участниками образовательного процесса. В рамках этого уровня внедряются активные формы обучения: имитационные судебные процессы, виртуальные консультации, онлайн-дискуссии, групповые проекты и другие методы, направленные на практическое применение теоретических знаний. Такие подходы способствуют развитию коммуникативной компетентности, умения сотрудничать в команде, а также формированию профессионального мышления через погружение в ситуации, максимально приближенные к реальным юридическим практикам.

Четвертый уровень модели включает метапедагогический аспект, связанный с постоянным анализом и оценкой эффективности используемых технологий. Он предполагает внедрение систем обратной связи от обучающихся и преподавателей, проведение сравнительных исследований различных методик преподавания и корректировку образовательных программ на основе полученных результатов. Это позволяет обеспечить гибкость и динамичное развитие образовательной среды, адаптируя ее к изменениям в технологическом и правовом контексте.

Пятый уровень посвящен этическому и правовому регулированию цифрового образовательного пространства. Учитывая потенциальные риски, связанные с использованием алгоритмических моделей и больших массивов данных – такие как дискриминация, нарушение конфиденциальности или усиление социального неравенства – в модель интегрированы механизмы соблюдения принципов прозрачности, справедливости, недискриминации и информированного согласия. Особое внимание уделяется формированию у студентов осознанного отношения к вопросам цифровой этики, которое станет важной составляющей их будущей профессиональной ответственности в условиях автоматизированного правового поля.

Объединение всех указанных компонентов в единую педагогическую систему свидетельствует о формировании новой парадигмы юридического образования. При этом модель не отменяет базовых принципов юридической педагогики – таких как развитие аналитического мышления, уважение к праву, формирование этического сознания и профессиональной ответственности – но предлагает их актуализацию и углубление в условиях цифровой эпохи. Система обладает достаточной гибкостью, чтобы быть адаптированной под специфику конкретного учебного заведения, уровень подготовки студентов, материально-технические возможности и научно-педагогический потенциал коллектива преподавателей.

Особую важность приобретает разработка интерактивной образовательной среды, основанной на синтезе инновационных технологий и проверенных методов юридической педагогики. Такая среда направлена не только на эффективное усвоение знаний, но и на развитие у студентов навыков

системного мышления, критического анализа, принятия обоснованных решений и работы с большими объемами информации. Однако необходимо подчеркнуть, что успешная реализация подобной модели возможна лишь при условии комплексного подхода, охватывающего все аспекты образовательного процесса.

На данном этапе цифровизация юридического образования остается фрагментарной и не обеспечивает системного эффекта. Предложенная модель интерактивной образовательной среды предлагает научно обоснованное и практичное решение, позволяющее преодолеть существующие ограничения и создать условия для подготовки высококвалифицированных юристов, способных эффективно действовать в условиях цифровой правовой реальности XXI века.

Список использованной литературы:

1. Абдусаламов Р.А. Правовой режим государственных информационных систем в высшем образовании. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право.* 2024;(24(3)):69–73. DOI 10.14529/law240311.
2. Алехина Н.В. Калугина Е.В. Цифровое образовательное пространство в современном вузе. *Современные проблемы науки и образования.* 2023;(5):67. DOI: 10.17513/spno.32971.
3. Ананьева Е.О. Ивлиев П.В. Цифровизация образования и новейшие технологии в обучении. *Евразийский юридический журнал.* 2023;(180(5)):192–194.
4. Калинина Е.В. Пути оптимизации качества юридического образования в свете глобальных трендов: от инновационных технологий – к инновационному содержанию образовательных программ. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.* 2023;(71(3)):200–205. DOI: 10.52452/18115942_2023_3_200.
5. Кашкин С.Ю. Искусственный интеллект и формирование новейших направлений развития современного права. *Право.ру.* 2023;(85(5)):25–33.
6. Насырова Э.Ф. Галиева Р.Р. Проблемы повышения цифровой грамотности среди педагогов общеобразовательных организаций. *Вестник педагогических наук.* 2024;(1):152–157. DOI: 10.62257/2687-1661-2024-1-152-157.
7. Плаксина Н.В. Овчинникова М.В. Актуальные тренды цифровизации образования в мире. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.* 2024;(69(1)):181–188.
8. Сулова Н.В. Цифровая трансформация общего образования – некоторые проблемы и риски текущего этапа реализации. *Новые информационные технологии в образовании и науке.* 2023;(9):52–58. DOI 10.17853/2587-6910-2023-09-52-58.
9. Фирсова А.М. Актуальные проблемы высшего юридического образования в «цифровом пространстве». *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* 2023;(61(1)):220–222.
10. Чернышева О.В. Влияние цифровых технологий на сферу образования. *Актуальные вопросы образования.* 2024;(2):227–231.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркосян Георгий Ашотович

кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

SPIN-код: 9559-0821

AuthorID: 797580

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-28-33>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА: БЕЗОПАСНОСТЬ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИНТЕГРАЦИЯ С АНАЛИТИЧЕСКИМИ ПЛАТФОРМАМИ

Морозова О.Г.*¹, Стэллман И.Ю.

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Морозова О.Г., Стэллман И.Ю. Цифровая трансформация юридического документооборота: безопасность, юридическая значимость электронных доказательств и интеграция с аналитическими платформами. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):28–33. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-28-33>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Морозова Оксана Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридический факультет имени А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: ул. Ставропольская, д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 440-54-01

E-mail: Morozova.okcana@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 16.05.2025

Статья принята к печати: 13.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: Целью настоящей статьи является комплексный и многоаспектный анализ ключевых проблем, сопровождающих процесс цифровой трансформации юридического документооборота. Задачи исследования включают углубленное изучение вопросов обеспечения информационной безопасности электронных документов в правовой сфере, анализ доктринальных и правоприменительных подходов к установлению юридической значимости электронных документов как доказательств, а также исследование потенциала и рисков интеграции систем электронного документооборота с интеллектуальными аналитическими платформами. Методологическую основу составили системный анализ, формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ, а также анализ судебной практики и доктринальных источников. Основное внимание уделяется вопросам имплементации и соблюдения законодательства в сфере электронного документооборота, проблемам обеспечения целостности, аутентичности и конфиденциальности электронных доказательств, а также перспективам использования аналитических систем для повышения эффективности правоприменительного и правозащитного контроля в юридической сфере. Результаты исследования демонстрируют наличие ряда системных вызовов, среди которых выделяются проблемы стандартизации форматов юридически значимых документов, необходимость совершенствования криптографических средств защиты и потребность в формировании единообразной и предсказуемой судебной практики по вопросам признания электронных документов. Обосновывается тезис о необходимости глубокой адаптации существующих правовых механизмов к условиям цифровой среды, что включает не только техническое переоснащение, но и развитие цифровых компетенций юристов, судей и правоохранителей, а также активное внедрение верифицированных аналитических инструментов для обработки больших массивов юридически значимых данных. Делается вывод о наличии неразрывной диалектической взаимосвязи между глубиной и качеством цифровой трансформации юридической сферы и состоянием законности и правопорядка в современном информационном обществе.

Ключевые слова: цифровая трансформация, юридический документооборот, электронный документ, электронное доказательство, юридическая значимость, информационная безопасность, аналитические платформы, законность, большие данные, электронная подпись, правосудие.

Введение

Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблем безопасности, юридической значимости электронных документов и интеграции систем юридического документооборота с аналитическими платформами. Актуальность исследования обусловлена стремительной и всеобъемлющей цифровизацией публичного управления, правосудия и делового оборота, влекущей за собой не просто эпизодический, а массовый и системный переход на электронный документооборот (далее – ЭДО). Данный процесс является составной частью более глобальной государственной задачи по построению в России информационного общества и цифровой экономики, что требует формирования адекватной, гибкой и прогностической системы правового обеспечения [9]. Реализация национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» задает вектор на создание сквозных цифровых технологий, которые пронизывают все сферы общественной жизни, включая такую консервативную область, как юриспруденция¹. Переход от бумажных носителей к цифровым форматам представляет собой не просто техническую замену, но качественную трансформацию, порождающую новые правовые феномены, требующие доктринального осмысления и нормативного закрепления. Как верно отмечает С.В. Бошно: «Цифровой документооборот перестал быть технологической экзотикой, превратившись в неотъемлемый элемент правовой системы» [1, с. 92]. Однако этот переход сопровождается комплексом системных рисков и правовых лакун, которые могут нивелировать ожидаемый положительный эффект.

Ключевыми проблемными зонами, требующими углубленного научного анализа, остаются: обеспечение многоуровневой защищенности электронных документов от несанкционированного доступа, модификации и уничтожения; формирование стабильной и единообразной судебной практики по вопросам исследования и оценки электронных доказательств [4]; а также крайне недостаточная степень использования потенциала современных аналитических систем для предиктивного анализа, мониторинга правоприменения и выявления правовых аномалий. Научная новизна исследования заключается в комплексном, междисциплинарном рассмотрении процесса цифровизации юридического документооборота с акцентом на взаимосвязь технологических, правовых и организационных аспектов, а также на системные риски и пути их минимизации через совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составил комплекс общенаучных и специальных научных методов, применение которых обусловлено междисциплинарным характером и сложностью объекта изучения. Применение системного подхода позволило рассмотреть цифровой юридический документооборот не как изолированное явление, а как сложную, динамично развивающуюся систему, включающую в себя взаимосвязанные подсистемы: технологическую (программное обеспечение, каналы связи), правовую (нормативные акты, правовые режимы), организационную (регламенты, должностные инструкции) и процессуальную (порядок представления и исследования доказательств). В рамках данного подхода безопасность, юридическая значимость и аналитическая обработка данных рассматриваются как неотъемлемые свойства и функции этой единой системы. Формально-юридический метод был использован для детального анализа норм федерального законодательства, составляющих правовую основу ЭДО, в частности, положений Федерального закона от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также процессуальных кодексов (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ), регулирующих статус и порядок использования электронных доказательств. Анализ правоприменительной практики включал в себя изучение и обобщение судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции за последние 5–7 лет, связанных с оспариванием юридической силы электронной переписки, договоров, заключенных в электронной форме, а также иных электронных документов. Особое внимание

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [сайт]. Официальный сайт Правительства России; 2025 [обновлено 24 декабря 2018; процитировано 15 мая 2025]. Доступно: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNL06gczMkPF.pdf>.

уделялось делам, где предметом спора становилась аутентичность и целостность цифровых данных. Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления отечественного законодательства и правоприменительной практики с подходами, существующими в зарубежных правовых системах, в целях выявления перспективных моделей и лучших практик организации безопасного и юридически значимого ЭДО. Доктринальный анализ научных публикаций позволил выявить существующие в юридической науке дискуссионные вопросы и различные теоретические подходы к определению правовой природы электронного документа и электронного доказательства.

Результаты исследования

Безопасность юридического документооборота. Обеспечение защищенности систем электронного документооборота, используемых в деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, судебной системы и коммерческих организаций, остается критически важным и наиболее уязвимым аспектом цифровой трансформации. Правовой режим информационной безопасности, установленный законодательством, предполагает комплексное и эшелонированное применение организационных и технических мер, направленных на нейтрализацию угроз конфиденциальности, целостности и доступности юридически значимой информации¹. Анализ правоприменительной практики и отчетов регуляторов² выявил ряд типичных и системных нарушений: формальный подход к разработке и внедрению организационных мер защиты (Политики и Регламенты информационной безопасности зачастую носят декларативный характер и не отражают реальные бизнес-процессы), использование криптографических алгоритмов и протоколов, не соответствующих актуальным требованиям (например, применение устаревших стандартов ГОСТ), а также полное или частичное отсутствие формализованных регламентов реагирования на инциденты информационной безопасности. Это приводит к тому, что в случае компрометации системы установить ее причины и последствия юридически корректным способом становится крайне затруднительно. Эффективность государственного и ведомственного контроля в данной сфере существенно ограничена хроническим дефицитом профильных ИТ-компетенций у юристов и специалистов по делопроизводству, а также объективной сложностью проведения полноценного технического аудита и верификации реального уровня защищенности информационных систем контрагентов или нижестоящих организаций. Отдельной проблемой является человеческий фактор: методы социальной инженерии, направленные на сотрудников, имеющих доступ к системам ЭДО, остаются одним из наиболее эффективных векторов атак.

Юридическая значимость электронных доказательств. Несмотря на формальное провозглашение процессуальным законодательством равенства доказательственной силы электронных и бумажных документов (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ, ст. 84 УПК РФ), на практике суды и участники процесса продолжают сталкиваться с существенными проблемами при доказывании их подлинности, целостности и относимости. Как справедливо отмечает в своих работах А.В. Нестеров, теория и практика сталкиваются с отсутствием унифицированного доктринального подхода к самому понятию «электронный документ», что неизбежно порождает противоречия и несогласованность в правоприменении [7]. Особую сложность представляет оценка комплекса электронных доказательств в арбитражном процессе, где цена ошибки может быть чрезвычайно высока. Здесь требуется не только подтверждение формального факта отправки и получения электронного сообщения через оператора ЭДО, но и установление аутентичности его содержания в условиях потенциальных кибератак, таких как «man-in-the-middle» или компрометация учетных данных. Сомнения судов и оппонентов в процессе часто обусловлены ненадлежащим техническим и юридическим оформлением доказательств: отсутствие или использование ненадлежащего вида электронной подписи (например, простая электронная подпись там, где требуется усиленная квалифицированная), несоблюдение установленных законодательством или договором форматов документов, объективная сложность установления конкретного физического лица, сформировавшего и подписавшего документ от имени организации, а также наличие потенциальных уязвимостей в программно-аппаратной цепочке его создания, хранения и передачи [4]. Судебная практика выработала определенные подходы, например, необходимость предоставления протоколов осмотра доказательств, заверенных нотариусом, или проведения судебной компьютерно-технической экспертизы, однако это значительно усложняет и удорожает процесс [5].

Интеграция с аналитическими платформами. Повсеместная цифровизация юридической деятельности и накопление огромных массивов структурированных данных создают уникальные предпосылки для качественного преобразования правоприменительной и контрольно-надзорной

¹ Фатьянов А.А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации: учеб. пособие. М.: Юрист; 2001.

деятельности через интеграцию ведомственных и межведомственных систем ЭДО с интеллектуальными аналитическими платформами (далее – АП). Потенциальные возможности таких платформ чрезвычайно широки и выходят далеко за рамки простого статистического учета. Мониторинг правоприменения может осуществляться путем автоматизированного анализа больших массивов данных, извлекаемых из систем ЭДО судов (ГАС «Правосудие»), государственных органов (СМЭВ), Федеральной налоговой службы (данные из ЕГРЮЛ/ЕГРИП и систем контроля за НДС) для выявления системных нарушений законодательства. Например, такой анализ способен выявить аномально большое количество массовых отказов в предоставлении определенных электронных госуслуг в конкретном регионе или ведомстве, что может свидетельствовать о наличии коррупционных факторов или неверном толковании норм права. Предиктивная аналитика, в свою очередь, позволяет на основе анализа исторических данных и выявленных корреляций прогнозировать риски совершения правонарушений в сфере использования ЭДО, например, выявлять признаки мошеннических схем при проведении электронных торгов или при возмещении НДС. Однако следует признать, что правовое регулирование обработки больших данных (Big Data) и применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции катастрофически отстает от темпов технологического развития, что создает состояние правовой неопределенности и порождает риски нарушения прав граждан [6]. Внедрение отдельных элементов АП уже осуществляется в деятельности ряда ведомств, в частности, ФНС России и Прокуратуры РФ [10], но для его масштабирования требуется решение целого ряда задач: развитие нормативной базы, регламентирующей сбор, обработку и использование Big Data в государственных целях; обеспечение технической и семантической совместимости разнородных информационных систем; а также кардинальное повышение уровня ИТ-квалификации юристов и аналитиков¹.

Научная дискуссия

Глубокая и всепроникающая интеграция цифровых технологий в юридическую практику и документооборот порождает острые дискуссии в научном сообществе, затрагивающие фундаментальные основы права. По мнению С.В. Зыкова: «Правовая неопределенность в использовании больших данных остается главным барьером для внедрения аналитических платформ в юридическую практику» [2, с. 120]. Эта неопределенность касается не только технических, но и этических аспектов, например, допустимости использования предиктивной аналитики в правосудии, что может противоречить принципу презумпции невиновности. Ряд авторов, в частности представители правоохранительных органов, настаивают на необходимости расширения специальных полномочий контролирующих и надзорных органов для эффективного контроля за соблюдением законодательства в цифровой среде [13]. Это включает в себя предоставление им права на получение прямого доступа к данным операторов ЭДО и облачных хранилищ для проведения оперативных проверок и выемки цифровых улик. Другие исследователи, придерживающиеся либеральных позиций, указывают на серьезные риски такого подхода, связанные с возможностью избыточного вмешательства государства в частную жизнь и коммерческую тайну, и подчеркивают важность соблюдения строгого баланса между задачами контроля и необходимостью защиты прав и свобод, а также стимулирования развития цифровых технологий [3]. В более широком, философско-правовом контексте, Д.А. Пашенцев указывает на фундаментальные риски, связанные с трансформацией самой российской правовой традиции под влиянием глобальных цифровых платформ и англосаксонских правовых концепций, что в перспективе может привести к эрозии базовых принципов отечественного права, сформированных в рамках континентальной системы [8]. Обсуждается также вопрос о достаточности существующей законодательной базы, построенной по принципу «технологической нейтральности», или о необходимости принятия специальных, комплексных нормативных актов, таких как Цифровой или Информационный кодекс [11].

Практика показывает, что эффективность правового регулирования в новой цифровой реальности напрямую зависит от решения нескольких ключевых системных проблем. Во-первых, это проблема стандартизации. Отсутствие единых, юридически обязательных и технически строгих стандартов для форматов, метаданных и протоколов обмена для юридически значимого ЭДО создает «цифровой Вавилон», затрудняющий как взаимодействие систем, так и последующий надзор и анализ данных. Во-вторых, это проблема доверия. Необходимо дальнейшее развитие и повышение надежности национальной инфраструктуры доверия, включающей в себя не только удостоверяющие центры, но и доверенные третьи стороны, службы проставления штампов времени и архивы электронных документов. В-третьих, это проблема доказывания. Требуется дальнейшее

¹ Адыгезалова Г.Э. Правовая аналитика: учебник. М.: Директ-Медиа, 2023. 464 с.

совершенствование методик судебной экспертизы цифровых следов и повышение уровня цифровой грамотности судейского корпуса. Наконец, это кадровая проблема. Острый дефицит «цифровых юристов» – специалистов, обладающих глубокими познаниями одновременно в области юриспруденции, информационных технологий, криптографии и анализа данных, – является одним из главных препятствий для успешной цифровой трансформации [12].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Цифровая трансформация юридического документооборота является объективным и необратимым процессом, который создает как уникальные возможности для повышения прозрачности, скорости и эффективности правоприменения, так и порождает значительные системные риски в области информационной безопасности, обеспечения достоверности информации и защиты прав субъектов данных.

2. Основными проблемными зонами, сдерживающими позитивный потенциал цифровизации, остаются обеспечение должного технического и организационного уровня безопасности систем ЭДО, формирование единообразной и предсказуемой судебной практики признания юридической значимости различных видов электронных доказательств, а также крайне недостаточная интеграция существующих систем ЭДО с современными аналитическими платформами.

3. Для повышения эффективности правовой системы в условиях цифровизации необходим комплексный подход, включающий: совершенствование нормативной базы, более четко регламентирующей требования к безопасности ЭДО, порядку использования электронных доказательств и правовому режиму больших данных; развитие цифровых компетенций юристов, судей, прокуроров и следователей; стимулирование активного внедрения и развития отечественных специализированных аналитических платформ, интегрированных с ключевыми государственными источниками юридически значимых данных; а также укрепление практического взаимодействия между юридическим сообществом, регуляторами в сфере цифровых технологий (Роскомнадзор, ФСТЭК России, ФСБ России) и операторами критической информационной инфраструктуры.

4. Перспективным направлением дальнейших научных исследований является разработка доктринальных основ и практических моделей предиктивного анализа на основе обработки больших данных из систем юридического документооборота в целях профилактики правонарушений, а также исследование правовых и этических границ применения технологий искусственного интеллекта в сфере правосудия и государственного контроля.

Список использованной литературы:

1. Бошно С.В. Электронный документ и электронное доказательство в юридическом процессе: проблемы теории и практики. *Журнал российского права*. 2020;(8):91–105. DOI: 10.12737/jrl.2020.096.
2. Зыков С.В. Прокурорский надзор в цифровую эпоху: границы допустимого. *Государство и право*. 2023;(4):118–127. DOI: 10.31857/S102694520024889-1.
3. Казаков В.В. Информационная безопасность в деятельности органов прокуратуры: современные вызовы и пути решения. *Законность*. 2022;(5):12–16.
4. Кудрявцев В.Н. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе: проблемы допустимости и оценки. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021;(10):29–34.
5. Лаптев В.А. Электронное правосудие и искусственный интеллект: зарубежный опыт и перспективы для России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2021;(12(3)):576–591. DOI: 10.21638/spbu14.2021.305.
6. Минбалеев А.В. Проблемы правового регулирования больших данных (Big Data). *Проблемы права*. 2019;(70(2)):74–79.
7. Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства. *Правовое государство: теория и практика*. 2020;2(60):26–37.
8. Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации. *Юридическая наука*. 2016;(3):9–12.
9. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: монография. М.: ИПП РАН; 2008.
10. Скуратов Ю.И. Цифровая трансформация прокуратуры: вызовы и перспективы. *Вестник прокуратуры*. 2023;(55(1)):3–9.
11. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы. *Журнал российского права*. 2018;(2):5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1.
12. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности. *Журнал российского права*. 2018;(9):5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1.
13. Чугунов Ю.В., Смирнов А.А. Использование больших данных и аналитических платформ в деятельности органов прокуратуры. *Информационное право*. 2022;(69(3)):17–22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Морозова Оксана Геннадиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
юридический факультет имени А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4699-1976>

Стэллман Ирина Юрьевна

кандидат экономических наук

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-34-41>

ОХРАНА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ПАЦИЕНТА КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Якуньков В.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Якуньков В.В. Охрана информационных прав пациента как один из принципов публично-правового регулирования охраны здоровья населения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):34–41. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-34-41>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Якуньков Валерий Вячеславович, аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (989) 772-39-97

E-mail: valerii.yakunkov1905@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.04.2025

Статья принята к печати: 29.05.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: *Целью* работы выступает исследование одного из принципов публично-правового регулирования охраны здоровья населения – охраны информационных прав пациента, анализ проблематики, а также разработка отдельных предложений по совершенствованию механизмов реализации данных прав, особенно в контексте оказания платных медицинских услуг.

Исходя из поставленной цели, необходимо выделить ряд *задач*, которые включают в себя исследование категории «публично-правовое регулирование» и, соответственно, принципов такого регулирования в сфере охраны здоровья, анализ проблем, обусловленных недостатками механизма информирования пациентов об их правах и обязанностях, исследование проблематики реализации права на информацию о возможности получения медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий, а также обязанности медицинских организаций по доведению такой информации до сведения пациентов, в частности при оказании платных медицинских услуг, разработка конкретных предложений по совершенствованию механизма правового регулирования как реализации пациентами права на информацию, так и охраны таких прав.

Методы исследования. В работе использованы как общенаучные, так и специальные методы, включая анализ, синтез, системный метод, формально-юридический метод.

В *результате* последовательно установлено, что охрана информационных прав пациента – специальный принцип публично-правового регулирования, углубляющий содержание общих принципов (ст. 4 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее по тексту – «ФЗ № 323-ФЗ», «ФЗ», «Закон»). Формальный подход медицинских организаций к информированию пациентов, в частности при оказании платных услуг, и в целом наличие данной проблемы, позволили внести принципиально новое предложение об изменении механизма подтверждения ознакомления пациента с возможностью получения медицинской помощи по программе государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи.

Выводы исследования. Существующие механизмы реализации права пациента на информацию характеризуются ограниченностью контроля, формализмом со стороны медицинских организаций, в частности при оказании платных медицинских услуг, что приводит к поверхностному или полному

отсутствию информирования пациентов. В связи с этим, автором предложено внести некоторые изменения и дополнения в законодательство.

Ключевые слова: право пациента на информацию, публично-правовое регулирование, охрана здоровья, информированное добровольное согласие, платные медицинские услуги, административная ответственность.

Введение

Человек, его права и свободы, в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, признаются высшей ценностью и охраняются государством¹. Право на передачу, производство, распространение и получение информации отнесено к категории личных прав, при этом «... оно является самостоятельным конституционным правом, охраняемым и защищаемым основным законом» [1, с. 25].

Информационные права человека и гражданина в том числе и как пациента отражены на нескольких уровнях правового регулирования: на конституционном; на уровне законодательства об информации; на уровне законодательства о здравоохранении.

Для пациента медицина, в большинстве случаев, является областью специальных знаний, в связи с чем для принятия решения о том, что ему требуется медицинское вмешательство, ему требуется помощь врача, обязанного проинформировать о способах лечения, о возможных рисках, результатах и т.д. Проинформировать пациента, то есть предоставить ему наиболее полную информацию, может только лицо, имеющие медицинское образование [8, с. 83]. Законом в целом на медицинскую организацию возложена обязанность предоставить информацию в объеме, прямо указанном в различных статьях Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² (далее – ФЗ № 323-ФЗ).

Рассуждая о принципах публично-правового регулирования, профессор Е.В. Епифанова отметила, что их необходимо рассматривать как «основополагающие идеи и начала, лежащие в основе организации системы законодательства, обусловленные системой права, его принципами, а также системой государственного управления в сфере охраны здоровья и федеративного устройства Российской Федерации» [2, с. 163]. С предложенной дефиницией невозможно не согласиться, при этом охрана прав пациента и конкретно информационных прав является одним из принципов публично-правового регулирования охраны здоровья населения. В отечественной науке на данный момент не проводилось ни одного комплексного исследования по данному вопросу, что и предопределило актуальность данной темы.

Методы исследования

Метод анализа применен для детального изучения нормативных актов и научной литературы. На основе синтеза разработаны предложения по совершенствованию механизмов информирования пациентов, включая введение обязательного собственноручного подтверждения ознакомления с правами. Системный метод позволил рассмотреть право пациента на информацию как элемент системы публично-правового регулирования охраны здоровья. Формально-юридический метод использован для интерпретации текстов нормативных актов, выявления их точного смысла и применения их на практике, что позволило обосновать необходимость внесения изменений в действующее законодательство и предложить конкретные правовые конструкции для наиболее точного информирования пациентов.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования было сформулировано авторское определение понятия «охрана информационных прав как принцип публично-правового регулирования охраны здоровья населения». Рассмотренный принцип конкретизирует иные (общие) принципы.

Определена основная цель реализации права пациента на информацию – обеспечение осознанного выбора пациента и защита их прав. Цель конкретизируется в зависимости от источника финансирования медицинской помощи (бесплатная или платная медицинская помощь).

Особое внимание уделено необходимости преодоления формализма в информировании пациентов при оказании платных услуг. В связи с этим, предложено внести дополнения в

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 и доп. от 04.10.2022) [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2024 [обновлено 04 октября 2022; процитировано 21 октября 2024]. Доступно: <http://pravo.gov.ru/constitution/>.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Постановление Правительства РФ от 11 мая 2023 г. № 736¹ (далее – «Правила») с целью, во-первых, обязать медицинские организации, оказывающие платные медицинские услуги, локальным актом утверждать форму информированного добровольного согласия на получение пациентами таких услуг (далее – «ИДС ПУ»), в дополнение к согласию на медицинское вмешательство, во-вторых, закрепить, что в данном документе должно быть предусмотрено специальное поле, куда пациент в обязательном порядке собственноручно вносит запись о том, что он оповещен о праве на получение соответствующих видов и объемов медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий, а также о том, что он добровольно согласился получить такую помощь на платной основе. Текст, который пациент обязан написать, передается ему в памятке (выдержка из Правил). Данное пациентом ИДС ПУ является обязательным приложением к Договору, его отсутствие влечет недействительность договора и хранится в медицинской организации в соответствии с законодательством об архивном деле.

Данные предложения позволят минимизировать риск формального подхода медицинских организаций к информированию, обеспечат гарантию осознанного выбора пациентов и приведут к снижению вероятности оспаривания договорных отношений между пациентами и медицинскими организациями.

Научная дискуссия

В целях проведения наиболее детального исследования необходимо рассмотреть позиции ученых по вопросу определения понятия «публично-правовое регулирование». Так, например, А.А. Корнилин считает, что «публично-правовое регулирование – это осуществляемое под принуждением (под угрозой применения юридической ответственности) системой юридических средств императивное воздействие на общественные отношения с целью сохранения государственной власти, а также защиты интересов личности и общества» [3, с. 17].

По мнению А.Е. Тользака, «под публично-правовым регулированием следует понимать вид правового регулирования, которое устанавливается и реализуется по инициативе государства, характеризуется различным статусом субъектов (отношения субординации) и преимущественным использованием императивного метода воздействия и соответствующих способов обязывания и запрета на общественные отношения с целью их упорядочения» [6, с. 424–425].

Публично-правовое регулирование, по мнению А.Н. Левушкина «содержит в себе элементы прогнозирования, планирования, финансового обеспечения, управления и контроля» [4, с. 32].

Анализ некоторых позиций ученых позволяет заключить, что основной целью публично-правового регулирования в сфере охраны здоровья является упорядочение общественных отношений, обеспечение равного доступа к информации, защита персональных данных пациентов и предотвращение нарушений прав в условиях субординации между государственными органами, медицинскими организациями и гражданами. Такое регулирование предполагает контроль за соблюдением прав пациентов со стороны органов публичной власти. Это подчеркивает необходимость баланса между защитой интересов личности, общества и государства.

Итак, информационные права пациентов отражены в ряде статей ФЗ № 323-ФЗ. Статья 19 данного правового акта содержит в себе право на получение информации о правах и обязанностях, о чем далее пойдет речь. При возникновении у пациентов данного права, медицинские учреждения, в свою очередь, наделяются рядом обязанностей. Но, тем не менее, если рассмотреть данный вопрос со стороны проводимых контрольных мероприятий, то становится очевидным, что выполнение обязанности по информированию о правах и обязанностях пациентов не становится предметом контроля. Например, в п. 12 Приказа Росздравнадзора № 5974 указано, что в перечень документов, истребуемых в ходе проверки входят «документы и материалы, характеризующие деятельность по соблюдению прав граждан в сфере охраны здоровья»².

Аналогично, ведомственный контроль включает в себя проведение проверок в части «соблюдения прав граждан в сфере охраны здоровья граждан ...», что подразумевает под собой

¹ Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006: Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.

² Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по осуществлению государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности: приказ Росздравнадзора от 10.07.2020 № 5974 (Зарегистрировано в Минюсте России 07.08.2020 № 59208) [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2025 [обновлено 07 августа 2020; процитировано 21 октября 2024]. Доступно: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.08.2020.

«рассмотрение документов и материалов, характеризующих деятельность проверяемых, организаций по соблюдению прав граждан в сфере охраны здоровья граждан...»¹.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что именно информирование пациентов о правах и обязанностях не является обязательным для медицинских организаций, так как в ведомственных актах Минздрава РФ и Росздравнадзора об этом ничего не сказано.

В.М. Савкова, анализируя данное право пациента, указывает, что «...в ходе амбулаторного приема, ограниченного во времени, врач не сможет исчерпывающим образом проинформировать пациента о всех его правах и обязанностях... при этом решить эту задачу можно путем размещения необходимой информации на официальном сайте медицинской организации, а также на стендах, размещенных на ее площадях» [5, с. 19]. Действительно, медицинские учреждения, следуя рекомендациям, разрабатываемым ФГБУ «Национальный институт качества» Росздравнадзора, в которых сказано, что «в медицинской организации должны быть разработаны алгоритмы (... инструкции и другие локальные акты в соответствии с выбором МО) информирования пациентов, а также информационные материалы для пациентов о правах и обязанностях в медицинской организации»², публикуют на своих официальных сайтах Положения о правах и обязанностях пациентов, принимаемые в форме локального акта, либо выдержки из ФЗ.

При этом, как справедливо отмечает, И.С. Кицул, при избрании данного способа информирования существует риск, что пациенты, опираясь на такие факторы как невозможность использования компьютера, расположение стендов в местах, где они не могли бы его увидеть, мелкий шрифт и т.д., начнут подавать жалобы, о том, что они не были проинформированы или были проинформированы в недостаточной мере [6, с. 74–75].

Соответственно, исходя из вышесказанного, наличие локальных актов подразумевает под собой, во-первых, назначение ответственного лица в части информирования пациентов и проведение внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности. Формально, исходя из требований ст. 73 ФЗ № 323-ФЗ, информирование граждан об их правах не входит в перечень обязанностей медицинских работников. С другой стороны, на работника, на которого возложена обязанность приказом руководителя контролировать ознакомление граждан с их правами и обязанностями, при ненадлежащем исполнении данного приказа, может быть наложено дисциплинарное взыскание.

Внутренний контроль не является гарантией, что пациенты действительно реализовывают данное право, так как это крайне сложно проконтролировать, помимо этого, у медицинского работника в принципе нет такой обязанности, в связи с чем ответственность медицинского работника, на которого возложена обязанность контролировать исполнение требования локального акта, врачей и медицинской организации в целом невозможна.

Далее, необходимо рассмотреть обязанность медицинских организаций информировать пациентов о возможности получения медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также, применительно к организациям, участвующим в реализации программы государственных гарантий, обязанность информировать пациентов о порядке, объеме и условиях оказания медицинской помощи в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 79, п. 1 ч. 2 ст. 79 ФЗ № 323-ФЗ. В данной статье автор рассматривает данную обязанность применительно к оказанию платных медицинских услуг.

¹ Об утверждении Порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности: приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 787н [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2024 [обновлено 02 октября 2020; процитировано 12 ноября 2024]. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009240027>.

² Предложения (практические рекомендации) по организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности в медицинской организации (поликлинике). Вторая версия (утв. ФГБУ «Национальный институт качества» Росздравнадзора от 01.07.2023) [сайт]. ФГБУ «Национальный институт качества» Росздравнадзора; 2024 [обновлено 14 июля 2022; процитировано 12 ноября 2024]. Доступно: <http://cmkee.ru/>.

Правилами устанавливается обязанность медицинских организаций до заключения договора возмездного оказания услуг донести пациенту «в доступной форме» вышеназванную информацию. Понятие так называемой «доступной формы» раскрывается в одном из Разъяснений Минздрава¹, под которым понимается размещение всей необходимой информации, которую необходимо донести до пациента, на информационных стендах и сайтах медицинских учреждений. Более того, вышеназванными правилами введена еще одна категория – «наглядная форма» в отношении донесения до потребителей рассматриваемых правил. Невыполнение обязанности по информированию граждан о получении медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий и территориальных программ влечет административную ответственность по статье 6.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее – КоАП РФ).

Соответственно, размещения необходимой информации на стендах и сайте организации достаточно для выполнения Правил, по крайней мере для прохождения контрольных мероприятий. При этом, в случае если пациент по какой-либо причине обратится в орган контроля или надзора с запросом о том, что ему не была донесена информация о получении медицинской помощи в рамках ОМС, организация не сможет подтвердить, что пациент действительно реализовал свое право на информацию. В связи с этим, медицинские учреждения, в целях минимизации правовых рисков, стали включать в договоры оказания платных услуг и, нередко повторно, в ИДС ПУ положения об ознакомлении пациента с возможностью получения аналогичной помощи в рамках ОМС и его отказе от нее, при этом форма ИДС ПУ утверждается локальным актом и является самостоятельным документом, дополняющим согласие на медицинское вмешательство.

В рамках подготовки данной статьи, автором были проанализировано содержание сайтов медицинских учреждений г. Краснодара, оказывающих медицинские услуги на платной основе. Все рассмотренные сайты содержат образец договора об оказании платных услуг, где содержатся положения, указанные выше. То есть, получается, что медицинские учреждения ограждают себя от административной ответственности по ст. 6.30 КоАП РФ еще до начала оказания медицинской помощи, так как пациент знакомится и подписывает предложенные ему документы на стойке регистратуры, но это совершенно не означает, что заказчик такой услуги реализовал свое право на информацию.

В любом случае, для медицинской организации это гарантия, что правила реализуются и соблюдаются в полном объеме, а для пациента – невозможность привлечь исполнителя к ответственности за нарушение его прав, так как в договоре и ИДС ПУ имеется его подпись. Договор нередко бывает многостраничным, в связи с чем пациенты, подтверждая свое согласие на получение медицинской помощи на платной основе, не знают о том, что у них есть право на получение желаемой медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий, так как с текстом они не знакомятся.

Т.В. Иванова, анализируя требования к получению согласия на медицинское вмешательство, замечает, что «все процедуры осуществляются лишь в формальном виде, пациенту предлагается подписать бланк, которые не является индивидуализированным, не разъясняя, а порой и не позволяя ознакомиться с его содержанием, также при наличии вопросов у пациента – они остаются без ответа...» [3, с. 234].

В.И. Бояринова также рассматривая институт информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, отмечает, что при всей важности данного документа, подход медицинских организаций к разъяснению пациентам обстоятельств вмешательства носит формальный характер: все ограничивается подписанием [1, с. 67].

Соответственно, лишь подписав документы, пациент не может получить необходимую информацию. Данное замечание справедливо и по отношению к ознакомлению как с договором на получение платных медицинских услуг, так и с иными прилагаемыми к нему документами.

¹ О направлении ответов на обращения, поступающие в Минздрав России в связи со вступлением в силу постановления Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 04.10.2012 № 1006» (вместе с «Ответами на поступившие обращения по реализации отдельных положений Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11.05.2023 № 736»): письмо Минздрава России от 22.12.2023 № 31-2/И/2-24207 // Администратор образования. 2024. № 8.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Необходимо пересмотреть способ получения подтверждения от пациента о том, что он оповещен о праве на получение соответствующих видов и объемов медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий, а также о том, что он добровольно согласился получить медицинскую помощь на платной основе.

Для того чтобы данное право на информацию было, хотя бы отчасти реализовано, необходимо, во-первых, исключить из текста договора данный текст, во-вторых, необходимо предусмотреть в тексте ИДС ПУ поле, в котором пациент собственноручно напишет, что он оповещен о возможности получения медицинской помощи по программе и согласен от нее отказаться в пользу платной медицины. В данном случае, пациент при возникновении у него вопросов сразу, до начала оказания медицинской помощи, может обратиться за разъяснением к персоналу клиники или лечащему врачу и ему подскажут обратить его внимание на информационный стенд, на котором содержатся необходимая информация. Только в такой форме полученное согласие может отражать действительную реализацию права на информацию в рамках ст. 79 ФЗ № 323-ФЗ, а также выполнение обязанности медицинской организации по информированию пациента.

Исходя из этого, необходимо разработать форму ИДС ПУ применительно к информированию пациентов при получении ими платных медицинских услуг, которое будет составлено в соответствии с Правилами, но без включения в текст информации о разъяснении медицинским персоналом рассматриваемого права.

В связи с этим, во-первых, необходимо закрепить для медицинских организаций, оказывающих платные медицинские услуги, обязанность утверждения локальным актом информированного добровольного согласия на платные медицинские услуги, в дополнение к согласию на медицинское вмешательство, в качестве приложения к договору, во-вторых, закрепить обязанность пациента собственноручно вносить запись об ознакомлении с возможностью получения медицинской помощи в рамках ОМС.

Таким образом, предлагается внести изменение в Правила, дополнив их п. 23(1) следующего содержания: «Исполнитель обязан разработать и утвердить локальным актом форму информированного добровольного согласия на получение платных медицинских услуг, которая должна включать отдельное поле для собственноручной записи потребителем (законным представителем потребителя) положения следующего содержания:

«Мне разъяснено, что соответствующие виды и объемы медицинской помощи могут быть получены без взимания платы в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и территориальной программы государственных гарантий. Я подтверждаю свое добровольное согласие на получение платных медицинских услуг».

Отсутствие такой записи влечет недействительность договора оказания платных медицинских услуг.

Информированное добровольное согласие на получение платных медицинских услуг является обязательным приложением к договору».

Дополнить Правила п. 23(2) положением следующего содержания: «информированное добровольное согласие на получение платных медицинских услуг является отдельным актом, запрашиваемым у потребителя (заказчика), при заключении договора и не отменяет обязанность получения исполнителем информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (п. 36 Правил)».

Включение данных требований в Правила обеспечит единый стандарт для всех медицинских организаций. То есть, для того чтобы пациент собственноручно написал, что он уведомлен и ознакомлен о возможности реализовать свое право на медицинскую помощь в рамках ОМС и отказывается от данной возможности в пользу получения платных услуг, необходимо при подписании данного согласия передавать пациенту памятку по заполнению ИДС ПУ, а именно выдержку из нового положения Правил (абз. 2 п. 23(1)), предложенного автором выше, текст из которого пациент сможет переписать в предусмотренное для этого поле.

Соответственно, предложенные изменения способны существенно повысить эффективность реализации права пациентов на информацию, обеспечив следующие преимущества:

1) преодоление формализма при получении информированного согласия.

Введение обязательной собственноручной записи пациента в ИДС ПУ позволит устранить подход «слепого» подписания документа. Пациент, написав данный текст, задумается, что действительно по действующему законодательству у него есть право получить соответствующий объем медицинской помощи по программе государственных гарантий. Это не означает, что медицинская организация действительно исполнила обязанность, предусмотренную ст. 79 ФЗ № 323-

ФЗ, но, по крайней мере, позволит запустить механизм, когда пациент сможет осознанно задать интересующий его вопрос;

2) защита интересов сторон в рамках разрешения споров.

В случае возникновения споров, связанных с непредоставлением информации, уполномоченные органы (прокуратура, Росздравнадзор) вправе истребовать ИДС ПУ, который хранится в соответствии с законодательством об архивном деле. Это позволяет установить факт надлежащего информирования пациента. Судебно-почерковедческая экспертиза может подтвердить подлинность записи и подписи пациента, исключая фальсификацию;

3) минимизация правовых рисков для медицинских организаций.

Установление четких требований к оформлению ИДС ПУ на платные услуги способствует снижению вероятности оспаривания договорных отношений в судебном порядке. Наличие надлежащим образом оформленного документа позволяет медицинским организациям подтвердить факт добровольного информирования пациента, что, в свою очередь, минимизирует административные и репутационные риски.

4) баланс интересов и укрепление правовых гарантий.

Предлагаемые изменения направлены не только на усиление гарантий прав пациентов, но и на создание сбалансированной системы контроля, в которой формальные требования уступают место эффективному взаимодействию между гражданами и медицинскими организациями. Это способствует повышению уровня доверия к системе здравоохранения и обеспечивает защиту интересов обеих сторон в рамках правового поля.

Таким образом, как принцип публично-правового регулирования – охрана информационных прав пациента представляет собой системное императивное воздействие государства, направленное на обеспечение равного доступа к информации в сфере охраны здоровья, характеризующееся наличием государственного принуждения, применяемого с использованием инструментов обязывания и запрета. Данная основополагающая идея является специальным принципом, конкретизирующим и развивающим общий принцип «соблюдения прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечения связанных с этими правами государственных гарантий», содержащийся в ст. 4 ФЗ № 323-ФЗ.

Анализ правового регулирования информационных прав пациентов позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования механизмов их реализации. Существующая практика информирования пациентов, особенно при оказании платных медицинских услуг, демонстрирует формальный подход к реализации данного права. Это подтверждается как недостатками правового регулирования, так и отсутствием эффективных механизмов контроля за соблюдением прав пациентов в рассмотренной области.

Разработка единых стандартов информирования пациентов, изменение механизма фиксации действительного ознакомления пациента с его правами, а равно выполнения обязанностей медицинских организаций, усиление контроля за реализацией информационных прав пациентов являются необходимыми шагами к обеспечению более полной защиты интересов личности, общества и государства, что соответствует конституционным принципам и задачам развития системы здравоохранения в России.

Исходя из вышесказанного, дальнейшее совершенствование правовых механизмов реализации информационных прав пациентов должно стать одним из приоритетных направлений в развитии законодательства об охране здоровья, что, в конечном итоге, будет способствовать созданию наиболее эффективной системы здравоохранения.

Список использованной литературы:

1. Бояринова В.И. Правовое значение информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. *Вестник ОмГУ. Серия. Право*; 2021;(1):66–74. DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(1).66-74.
2. Бушуева Т.В. Основы правового регулирования прав граждан на получение и распространение информации. *Труды Института государства и права РАН*. 2014;(4):24–34.
3. Елифанова Е.В. Содержательная характеристика и принципы публично-правового регулирования охраны здоровья граждан в Российской Федерации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2022;3(50):153–167. DOI 10.17308/law/1995-5502/2022/3/153-167.
4. Иванова Т.В. Права и обязанности пациента (гражданина) в сфере здоровья. *Право и государство: теория и практика*. 2023;6(222):232–235. DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_232.
5. Корнилин А.А. Понятие публично-правового регулирования. *Право и государство: теория и практика*. 2009;10(58):14–17.
6. Кицун И.С. Информирование пациентов о своих правах и обязанностях в медицинской организации. *Вестник Росздравнадзора*. 2015;(1): 73–75.

7. Левушкин А.Н. Публично-правовое регулирование отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. *Семейное и жилищное право*. 2023;(4):32–34. DOI: 10.18572/1999-477X-2023-4-32-34.
8. Масляков В.В., Портенко Н.Н. Права пациентов на информацию в современном законодательстве. *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. 2016;4(8):82–85.
9. Савкова В.М. Информационные права пациентов и их реализация в медицинской организации. *Здравоохранение Дальнего Востока*. 2020;1(83):18–25. DOI 10.33454/1728-1261-2020-1-18-25.
10. Тользак А.Е. Специфика публично-правового регулирования. *Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н.А. Пянова: материалы конференций (Иркутск, 06–14 ноября 2020 г. Университет прокуратуры Российской Федерации)*. Иркутск; 2021. DOI 10.47905/MATGIP.2021.71.72.048.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якуньков Валерий Вячеславович

аспирант кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0009-0007-3694-5283

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-42-47>

**ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ
НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ)
ХОЗЯЙСТВ**

Иншакова А.О.*¹, Матыцин Д.Е.²

¹ ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»
(Историческая ул., д. 130, г. Волгоград, Россия, 400075);
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040);
ГБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права»
(Огарева ул., д. 6, г. Волгоград, Россия, 400074)
² ГБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права»
(Огарева ул., д. 6, г. Волгоград, Россия, 400074)

Ссылка для цитирования: Иншакова А.О., Матыцин Д.Е. Особенности государственной регистрации недвижимого имущества крестьянских (фермерских) хозяйств. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):42–47. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-42-47>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Иншакова Агнесса Олеговна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России», профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», ведущий научный сотрудник ГБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права», эксперт Российской академии наук

Адрес: Историческая ул., д. 130, г. Волгоград, Россия, 400075; Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040; Огарева ул., д. 6, г. Волгоград, Россия, 400074.

Тел.: +7 (988)-988-44-44

E-mail: ainshakova@list.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00269 «Умное» сельское хозяйство и LegalTech в агропромышленном комплексе: правовая модель «Агро 4.0» в условиях устойчивого развития».

Статья поступила в редакцию: 02.06.2025

Статья принята к печати: 20.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: В статье проводится анализ нормативно-правовой базы и судебной практики в сфере особенностей государственной регистрации недвижимого имущества крестьянского (фермерского) хозяйства через призму имущественных отношений членов одной семьи. Охарактеризованы проблемные вопросы принятия в наследство недвижимого имущества наследодателей – членов крестьянского (фермерского) хозяйства. Сформулированы предложения по внесению изменений в действующее правовое регулирование.

Ключевые слова: Недвижимое имущество, Государственная регистрация, Имущество крестьянского (фермерского) хозяйства, Создание юридического лица, Оборот земельных участков, Семейный бизнес, Общая долевая собственность.

Введение

В национальной хозяйственной системе значение крестьянских (фермерских) хозяйств довольно значимо, поскольку для граждан это является одной из наиболее доступных и простых форм ведения предпринимательской либо иной хозяйственной деятельности. Специфика состоит в возможности осуществления такой деятельности, не прибегая к учреждению юридического лица: требуется лишь специальное соглашение об образовании крестьянского (фермерского) хозяйства [1, с. 48]. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о государственной регистрации недвижимого имущества, принадлежащего крестьянскому (фермерскому) хозяйству или отдельным его участникам.

Методы исследования

В исследовании используются общенаучные методы, среди которых диалектический, индуктивный, дедуктивный, прогностический, анализ, синтез, и частнонаучные методы, такие как формально-юридический, метод юридического толкования.

Результаты исследования

Систематизируя результаты исследования, можно обобщить следующие основные тезисы: государственная регистрация принадлежащего крестьянским (фермерским) хозяйствам недвижимого имущества носит совершенно иной гражданско-правовой и организационно-хозяйственный характер, иллюстрирующий особый правовой статус объединения и его субъектов; земельные участки образуют одну из основных платформ хозяйствования семейного бизнеса; вопрос оптимизации и совершенствования института государственной регистрации недвижимого имущества крестьянских (фермерских) хозяйств требует комплексного воздействия. Полагаем, что предложенная поправка по снижению процентной суммы кадастровой стоимости предоставляемых крестьянским (фермерским) хозяйствам земельных угодий положительно повлияет на развитие недвижимого имущества как ключевого объекта семейного бизнеса. Важнейшим приоритетом данного шага также видится успешная реализация установленных действующим законодательством процедур государственной регистрации недвижимости, что обусловит подходящий для семейного бизнеса и объем налогообложения недвижимого имущества.

Научная дискуссия

Зачастую принадлежащее крестьянским (фермерским) хозяйствам (далее – КФХ) недвижимое имущество представляют собой различные предприятия, где в статусе недвижимости выступают земельные участки, здания, сооружения и пр., что является для крестьянского (фермерского) хозяйства неотъемлемой платформой для ведения хозяйственной деятельности и семейного бизнеса [3, с. 27].

Прежде чем охарактеризовать особенности регистрации принадлежащего КФХ недвижимого имущества, важно обратить внимание на правовой статус КФХ, который непосредственно влияет на государственную регистрацию недвижимости. Закрепленное в ст. 23 ГК РФ право граждан при создании крестьянского (фермерского) хозяйства не учреждать юридическое лицо тесно коррелируется с положениями статьи 86.1 ГК РФ, уполномочивающей лиц, занятых на принадлежащих КФХ недвижимости ведением сельскохозяйственной деятельности, учреждать юридические лица: пункт 1 данной статьи рассматривает крестьянские (фермерские) хозяйства через призму создания юридического лица, и квалифицирует последнее как «добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в области сельского хозяйства, основанной на их личном участии и объединении членами крестьянского (фермерского) хозяйства имущественных вкладов»¹. Как видно, в данном положении говорится именно об имуществе КФХ как юридического лица.

В случае с КФХ, созданным без образования юридического лица, государственной регистрации подлежит лишь недвижимое имущество, принадлежащее как непосредственно КФХ, так и его членам в отдельности, поскольку участники объединения также могут обладать правом собственности на определенные доли и объемы недвижимости [8, с. 15].

В контексте структурного анализа особенностей государственной регистрации недвижимого имущества крестьянских (фермерских) хозяйств довольно наглядным видится право собственности объединения на принадлежащее ему имущество. Уполномоченному в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218 органу власти надлежит осуществлять государственную регистрацию права собственности крестьянских (фермерских) хозяйств в порядке, установленном действующим законодательством, а именно – регистрировать недвижимость с признанием за КФХ права собственности (в результате чего КФХ приобретает статус правообладателя такого недвижимого

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 51. Ст. 86.1.

имущества) либо регистрировать соответствующие объекты недвижимости на персональной основе (с закреплением за членом КФХ права собственности)¹.

Правовая природа недвижимого имущества в ходе государственной регистрации также характеризуется определенными особенностями, обусловленными локально-ориентированным характером соответствующих отраслей права. Если проецировать данный тезис, к примеру, на земельное право и государственную регистрацию земельного участка за КФХ, то становится ясным, что порядок регистрации подобной недвижимости сопряжен с особенностями земельных правоотношений; причастная норма закреплена в ст. 11.2 ЗК РФ, регулирующей особенности образования и перераспределения земельных участков².

Кроме того, стоит отметить, что, каждый субъект Российской Федерации самостоятельно устанавливает количество гектаров, отведенных для создания КФХ. Согласно закону Волгоградской области от 16 февраля 2018 г. № 21-ОД,³ максимальный размер земельных участков, предоставляемых крестьянскому (фермерскому) хозяйству для осуществления его деятельности, устанавливается в размере 4000 гектаров. Минимальный размер земельных участков устанавливается в следующих размерах: из земель сельскохозяйственного назначения, за исключением искусственно орошаемых сельскохозяйственных угодий, – 2 гектара; из земель сельскохозяйственного назначения из состава искусственно орошаемых сельскохозяйственных угодий – 1 гектар; из состава земель иных категорий – 0,3 гектара. Исходя из данных показателей следует, что размер предоставляемых земель, отведенных для создания крестьянского (фермерского) хозяйства, определяется самостоятельно каждым субъектом, входящим в состав РФ, и имеет законодательное закрепление на муниципальном уровне.

Стоит заметить, что государственная регистрация принадлежащего крестьянским (фермерским) хозяйствам недвижимого имущества сопряжена также с рядом нюансов, инспирированных неоднородным правовым положением рассматриваемых отношений (тем более, если на объект недвижимости распространяются правомочия нескольких собственников).

Каталогизировать их можно следующим образом:

- идентификация правообладателя, в ходе которой нередко возникают трудности в связи со смешанной формой собственности недвижимости. Это выражается в наличии как общедолевой собственности на принадлежащее КФХ недвижимое имущество, так и индивидуальным правом собственности на отдельные объекты недвижимости или его атрибуты;
- разночтения в кадастровых сведениях, когда указанные в Реестре данные оказываются недостоверными (несмотря на то, что ч. 1 ст. 1 Федерального закона о государственной регистрации недвижимости декларирует принцип достоверности сведений в числе основополагающих принципов ведения Единого государственного реестра недвижимости);
- согласование сервитутов, что выражается в возникновении сложностей при определении линий границ местности с соседствующими земельными участками;
- государственная регистрация зданий и сооружений, когда крестьянские (фермерские) хозяйства игнорируют вопросы юридического оформления принадлежащих им объектов недвижимости и необходимости их государственной регистрации.

Как следует из анализа представленных тезисов, государственная регистрация принадлежащих крестьянским (фермерским) хозяйствам объектов недвижимого имущества характеризуется комплексным взаимодействием всех агентов-участников процесса регистрации недвижимости, что обусловлено несколько различным гражданско-правовым и субъектным статусом.

Стоит заметить, что и правоотношения, образующиеся в результате перераспределения недвижимости, принадлежащего крестьянским (фермерским) хозяйствам, также носит неординарный характер, что иллюстрируется особой предметной спецификой объектов недвижимого имущества

¹ О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

³ О предельных (максимальных и минимальных) размерах земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставляемых для осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности, и о внесении изменений в Закон Волгоградской области от 18 декабря 2002 г. № 769-ОД «О предельных размерах земельных участков, предоставляемых гражданам в собственность на территории Волгоградской области»: Закон Волгоградской области от 16.02.2018 № 21-ОД [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации Волгоградской области; 2025 [обновлено 15 февраля 2018; процитировано 23 апреля 2025]. Доступно: <https://pravo.volgograd.ru/ReestrDocum/Find/61891>.

(особенно в случае с земельными участками). Например, в случае смерти лица, возглавляющего крестьянское (фермерское) хозяйство, земельный участок, на который распространяются полномочия такого КФХ, может оказаться подвергнутым разделу между членами данного объединения. В таком случае государственная регистрация права собственности на доли, закрепленные за крестьянским (фермерским) хозяйством, обременяет субъектов выполнить ряд действий, побуждающих реализовать намерения членов объединения:

- 1) организация оценки имущества;
- 2) установление объемов принадлежащего субъектам имущества;
- 3) соответствие процесса установленным процедурам.

Как можно обнаружить, мероприятия по регистрации и перераспределению недвижимого имущества КФХ носят мультимодальный характер и тесно координируются с нормами национального гражданского права [4, с. 99].

Нередко вопрос разделения недвижимого имущества, принадлежащего крестьянскому (фермерскому) хозяйству, сопровождается наличием противоречий между различными участниками объединения [2, с. 13]. Особую специфику в этом отношении имеет статус недвижимости, которая оказывается вовлеченной в полномасштабный гражданско-правовой и хозяйственный оборот [6, с. 75].

Являющееся объектом семейного бизнеса недвижимое имущество, при наступлении определенных изменений в субъектном составе, может подвергнуться различного рода изменениям и перераспределениям, когда совершенно новые контрагенты начинают предъявлять КФХ условия, зачастую прямо противоречащие соглашению о создании КФХ и действующему законодательству. Это важно в контексте необходимости соблюдения национального законодательства и комплексной реализации намерений членов крестьянского (фермерского) хозяйства, потому как «каждый контрагент заинтересован в соблюдении обусловленных условий договора» [7, с. 839]. В качестве одного из примеров судебной практики можно упомянуть Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда. По материалам дела Суд установил, что гражданка обратилась с иском в суд, где она заявила ряд исковых требований к крестьянскому (фермерскому) хозяйству, в котором ныне покойный ее отец имел участок земли. После смерти отца истец захотела войти в состав КФХ, в чем ей было отказано. В обоснование исковых требований гражданка указала факт перехода наследственных прав на недвижимое имущество отца, что, собственно, и верно исходя из содержания ст. 1112 ГК РФ. В ходе рассмотрения дела суд сослался на п. 1 и п. 2 ст. 1179 ГК РФ, согласно которым смерть участника крестьянского (фермерского) хозяйства инициирует открытие наследства в общем порядке, т.е. в порядке ст.ст. 253, 254, 255, 257, 258, 259 ГК РФ. Суд справедливо подчеркнул ст. 258 ГК РФ и ст.ст. 9, 10. Федерального закона о крестьянском (фермерском) хозяйстве, положения которых декларируют неправомерность раздела земельных участков, на которые распространяются полномочия соответствующего крестьянского (фермерского) хозяйства¹. В резолютивной части Определения Суд указал, что «в соответствии с п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»² если при принятии наследства по истечении установленного срока с соблюдением правил ст. 1155 ГК РФ наследственное имущество в натуре не может быть возвращено, так как у наследника, своевременно принявшего наследство, отсутствует соответствующее имущество (независимо от причин, по которым его невозможно вернуть в натуре), наследник, принявший наследство после истечения установленного срока, имеет право лишь на денежную компенсацию своей доли в наследстве»³. Данный пример из судебной практики свидетельствует о важности определения гражданско-правового статуса недвижимого имущества и наличия соответствующей государственной регистрации, что способствует нивелированию неправомерного изъятия недвижимости из хозяйственного оборота крестьянского (фермерского) хозяйства. Об этом говорится и в научно-исследовательских работах специалистов: «в гражданском законодательстве было закреплено немало юридических механизмов, способных в той или иной мере защитить интересы контрагентов, снизить риски и обезопасить стороны от возможных недобросовестных действий» [5, с. 51].

¹ О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

² О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 14.07.2020 г. по делу №33-2433/2020 [сайт]. Ульяновской областной суд; 2025 [обновлено 22 июля 2020; процитировано 27 апреля 2025]. Доступно: <http://www.ulobsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=88864>.

Закрепленное в ст. 10 Закона об обороте земель сельхозназначения положение устанавливает перечень критериев, на основании которых принимается решение о передаче земель из государственного или муниципального фонда в гражданский и сельскохозяйственный оборот¹. Крестьянские (фермерские) хозяйства, обладая особым гражданско-правовым и организационно-хозяйственным статусом, имеют право льготного получения такого земельного участка, причем без проведения аукциона и торгов, как это предусмотрено п.п. 8 п. 2 ст. 39.3 ЗК РФ (несмотря на то, что общий порядок организации торгов в ЗК РФ также закреплен в п. 1 ст. 39.3 ЗК РФ).

Упомянув право крестьянских (фермерских) хозяйств на приобретение общей долевой собственности земельного участка, Президиум Верховного Суда РФ в своем Обзоре от 23 декабря 2020 г. в п. 10 особо подчеркивает возможность приобретения участка земли, имеющего соответствующую государственную регистрацию².

Вместе с тем, Обзор обращает внимание на п. 5.1 ст. 10 Закона об обороте земель сельхозназначения, где указана 15% сумма кадастровой стоимости от цены земельного участка. Указанный пункт обращает на себя внимание именно в части установленной законодателем кадастровой стоимости земельного участка, поскольку рассмотрение подобных объектов недвижимости через призму организации и ведения семейного бизнеса ставит, на наш взгляд, закономерный вопрос о целесообразности снижения данного порога. Это обосновано значимостью тесного вовлечения земельных угодий в институт семейного бизнеса, а также все чаще звучащим нарративом государства о необходимости развития сельскохозяйственной жизни и сопутствующей инфраструктуры. В связи с этим представляется целесообразным внесение в п. 5.1 ст. 10 Закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения поправки в виде снижения до 8% от общей суммы кадастровой стоимости земельного участка. В целях повышения эффективности стимулирования семейного бизнеса на территории сельской местности, полагаем, было бы целесообразно установить 5% от общей суммы кадастровой стоимости земельного участка для лиц, находящихся в браке менее 5 лет. Представляется, что данная мера положительно повлияет на развитие семейного бизнеса и побудит членов крестьянских (фермерских) хозяйств осуществлять хозяйственную деятельность в рамках правового поля (фермерскими хозяйствами будут задействованы лишь земельные угодья, имеющие государственную регистрацию), а также поможет минимизировать налоговую нагрузку на развивающийся семейный бизнес.

Список использованной литературы:

1. Агибалова Е.Н. Имущественная ответственность крестьянских (фермерских) хозяйств. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2023;(9):48–55.
2. Долинская В.В. Крестьянское (фермерское) хозяйство как специализированная организационно-правовая форма агробизнеса. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2023;(9):13–20.
3. Ельникова Е.В. Крестьянское (фермерское) хозяйство в системе российских коммерческих корпораций: вопросы без ответов. *Хозяйство и право*. 2023;(3):27–42.
4. Иншакова А.О., Квициния Н.В. Цифровые решения для семейных компаний: юридические технологии и автоматизация юридических процессов. *Власть Закона*. 2024;(58(2)):99–110.
5. Квициния Н.В. Перспективы развития договора эскроу в России. *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2020;19(1):51–59.
6. Лаптев В.А. Общее имущество крестьянского (фермерского) хозяйства – корпоративная собственность коллективного лица? *Журнал российского права*. 2024;(5):75–87.
7. Мирзабалаев Р.М., Квициния Н.В., Мирзабалаев М.Н. Особенности гражданско-правовой ответственности лиц, оказывающих посреднические услуги. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2024;(12(100)):839–839.
8. Поваров Ю.С. Полномочия главы крестьянского (фермерского) хозяйства по распоряжению общим имуществом: сущность и механизмы ограничения. *Гражданское право*. 2024;(5):15–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иншакова Агнесса Олеговна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России», профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ

¹ Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

ВО «Кубанский государственный университет», ведущий научный сотрудник ГБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права», эксперт Российской академии наук

Матыцин Денис Евгеньевич

доктор юридических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ГБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права», профессор кафедры предпринимательского и международного частного права Кубанского государственного университета

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-48-51>

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КРИПТОВАЛЮТ, NFT И ИНЫХ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В КОНКУРСНОЙ МАССЕ ДОЛЖНИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Потапенко Н.С.*, Магомеднабиев М.Ш., Сергиенко А.Т.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Потапенко Н.С., Магомеднабиев М.Ш., Сергиенко А.Т. Правовой режим криптовалют, NFT и иных цифровых активов в конкурсной массе должника: проблемы теории и практики. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):48–51. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-48-51>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Потапенко Николай Сергеевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 428-40-96

E-mail: ns.potapenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 05.05.2025

Статья принята к печати: 04.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: *Цель:* Исследование теоретических и практических проблем правового режима криптовалют, NFT и иных цифровых активов в конкурсной массе должника в Российской Федерации, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Задачи: Для достижения поставленной цели в работе последовательно решаются задачи по анализу существующих подходов к определению правовой природы цифровых активов, исследованию особенностей их включения в конкурсную массу, выявлению проблем идентификации, оценки и реализации, а также рассмотрению актуальной судебной практики и формулированию предложений по совершенствованию законодательства.

Методы: В исследовании применялись общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, анализ правоприменительной практики). **Результаты:** Выявлены ключевые проблемы правового регулирования и практической реализации процедур, связанных с цифровыми активами в конкурсной массе, включая отсутствие четких критериев отнесения цифровых активов к имуществу, сложности с их обнаружением, оценкой и передачей финансовому управляющему. Обоснована необходимость законодательного закрепления понятийного аппарата, уточнения правового статуса различных видов цифровых активов и разработки специальных процедур их реализации в рамках дел о банкротстве.

Выводы: Действующее российское законодательство нуждается в существенной доработке для эффективного регулирования оборота цифровых активов в процедурах банкротства. Предложены конкретные изменения в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и иные нормативные правовые акты, направленные на устранение правовых пробелов и формирование единообразной судебной практики. Подчеркивается важность международного сотрудничества ввиду трансграничного характера цифровых активов.

Ключевые слова:

Криптовалюта, NFT, цифровые активы, банкротство, несостоятельность, конкурсная масса, правовой режим, цифровая валюта, арбитражный управляющий, оценка цифровых активов.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий привело к появлению новых объектов гражданских прав, таких как криптовалюта, NFT (невзаимозаменяемые токены) и иные цифровые активы. Их интеграция в экономический оборот порождает множество правовых вопросов, одним из наиболее острых и дискуссионных является определение их правового режима в рамках процедур несостоятельности (банкротства). Актуальность темы подтверждается не только экспоненциальным ростом рынка цифровых активов, как отмечается в ряде экономических исследований [6, с. 118], но и все чаще возникающими в правоприменительной практике сложными вопросами, связанными с их включением в конкурсную массу при банкротстве как физических, так и юридических лиц. Так, в деле № А40-124668/17-71-160 Ф арбитражный суд прямо указал на необходимость включения криптовалюты в конкурсную массу должника [13, с. 37–43].

Несмотря на принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), многие аспекты, связанные с включением цифровых активов в конкурсную массу, их оценкой и реализацией, остаются неурегулированными. Судебная практика по данным вопросам только начинает формироваться и отличается противоречивостью, что справедливо отмечается многими исследователями [12, с. 66–73]. Это создает правовую неопределенность и риски как для должников, так и для кредиторов.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ теоретических и практических проблем правового режима криптовалют, NFT и иных цифровых активов в конкурсной массе должника в Российской Федерации, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики. Для достижения поставленной цели решаются задачи анализа доктринальных подходов к правовой природе цифровых активов, исследования особенностей их включения в конкурсную массу, выявления сложностей идентификации, оценки и реализации, анализа судебной практики и формулирования предложений по совершенствованию законодательства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе формирования и реализации конкурсной массы должника, включающей криптовалюты, NFT и иные цифровые активы.

Предметом исследования являются нормы права, регулирующие оборот цифровых активов и процедуры банкротства, материалы судебной практики, а также научные доктрины и концепции в рассматриваемой сфере, включая работы таких авторов, как А.И. Савельев, Л.Г. Ефимова и др.

Методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет диалектический подход к познанию правовых явлений, позволивший рассмотреть правовой режим цифровых активов в его развитии и взаимосвязи с институтом банкротства. Наряду с общенаучными методами, такими как анализ и синтез, индукция и дедукция, которые применялись для обработки теоретического материала и судебной практики, ключевую роль сыграли специальные юридические методы. В частности, формально-юридический метод был незаменим при изучении норм Гражданского кодекса РФ, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и Закона о ЦФА, выявлении их системных связей и пробелов.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования был выявлен комплекс взаимосвязанных проблем, препятствующих эффективному включению цифровых активов в конкурсную массу должника. Фундаментальной проблемой является продолжающаяся доктринальная и законодательная неопределенность правовой природы и классификации цифровых активов. Несмотря на введение Законом о ЦФА легальных дефиниций «цифровых финансовых активов» и «цифровой валюты», невзаимозаменяемые токены (NFT) или утилитарные токены, остаются за рамками четкого правового регулирования, что осложняет применение к ним общих положений об имуществе.

Практическим следствием этой неопределенности выступает ряд прикладных барьеров для арбитражных управляющих. Во-первых, это проблема идентификации и обнаружения активов, обусловленная псевдонимностью многих блокчейн-систем и отсутствием централизованных реестров владельцев. Должники могут скрывать доступ к активам, что делает их выявление без содействия самого должника крайне затруднительным.

Во-вторых, установлена проблема оценки цифровых активов. Экстремальная волатильность курсов криптовалют и спекулятивный характер ценообразования на рынке NFT делают применение

стандартных методик оценки неэффективным и не всегда объективным. Отсутствие законодательно утвержденных подходов к оценке порождает риски нарушения прав кредиторов или должника.

В-третьих, остро стоит проблема получения арбитражным управляющим фактического контроля над цифровыми активами и обеспечения их сохранности. Завладение приватными ключами всецело зависит от воли должника, а существующие правовые механизмы принуждения недостаточно адаптированы к цифровой среде. Кроме того, управляющие несут риски утраты активов из-за хакерских атак или технических сбоев.

В-четвертых, выявлена неэффективность существующих процедур реализации имущества должника применительно к цифровым активам. Традиционные торги, регламентированные Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», не подходят для ликвидных криптовалют, которые целесообразнее продавать на специализированных биржах. Однако порядок такой реализации законодательно не закреплён.

Научная дискуссия

Полученные результаты коррелируют с выводами, представленными в юридической доктрине, и позволяют углубить научную дискуссию по ключевым аспектам проблемы. Неопределенность правовой природы цифровых активов, выявленная в качестве корневой проблемы, является центральной темой научных споров. Дискуссия разворачивается между сторонниками квалификации криптовалют как «иногo имущества», как это делает Р.М. Янковский [14, с. 28–35], и исследователями, рассматривающими их через призму более сложных конструкций, например, как особый объект гражданских прав, как предлагает Э.Л. Сидоренко [8, с. 15–20], или даже как совокупность информации и имущественного права, на что указывает А.И. Савельев [7, с. 80–85]. Это разнообразие подходов, как справедливо отмечается в коллективной монографии под редакцией Л.А. Новоселовой [1, с. 15–20], напрямую проецируется на практику банкротства. Пока законодатель не выработает единый и детальный подход к классификации всех видов токенов, суды и управляющие будут вынуждены действовать в условиях правовой неопределенности. Особую сложность представляют NFT, правовая нагрузка которых, как подчеркивает О.А. Тарасенко [10, с. 90–98], может быть различной, что требует дифференцированного подхода к их правовому режиму. Ю.С. Харитоновна, анализируя международный опыт, также указывает на необходимость выработки специальных норм для NFT [11, с. 5–12].

Выявленные практические трудности также находят отражение в иных научных работах. Проблема идентификации активов, как отмечает А.А. Кузнецов [3, с. 25–30], требует не только технических, но и правовых решений, связанных с принуждением должника к раскрытию информации. Сложности оценки, по мнению О.М. Иванова [2, с. 45–52], не могут быть разрешены без разработки специальных методик, учитывающих волатильность и специфику рынка. Вопросы обеспечения контроля над активами и их принудительного изъятия, исследуемые А.А. Ситником [9, с. 33–38], упираются в неадаптированность существующих норм исполнительного производства и законодательства о банкротстве к цифровой реальности.

Отдельного обсуждения заслуживает проблема оспаривания сделок с цифровыми активами в преддверии банкротства. В.Г. Нестолий справедливо указывает, что, несмотря на формальную применимость общих оснований недействительности, доказывание признаков подозрительности или предпочтительности в отношении криптовалютных транзакций сопряжено с колоссальными трудностями из-за псевдонимности и трансграничности [5, с. 70–75]. Это создает плодородную почву для злоупотреблений со стороны недобросовестных должников.

В свете изложенного, представляется необходимым не просто констатировать проблемы, но и предложить конкретные направления совершенствования законодательства. Во-первых, требуется внесение изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» с целью введения обобщающего понятия «цифровые активы», охватывающего все их многообразие. Как предлагает Д.В. Ломакин, такое определение должно быть гибким и допускать уточнение через подзаконные акты [4, с. 60–65]. Во-вторых, необходимо дополнить закон специальной главой или статьями, регламентирующими порядок действий арбитражного управляющего в отношении цифровых активов. Это должно включать: а) четкую обязанность должника декларировать такие активы и передавать доступы к ним под угрозой применения мер ответственности; б) право и обязанность управляющего привлекать IT-специалистов и экспертов по рынку цифровых активов; в) обязанность операторов криптобирж и обменных сервисов предоставлять информацию по мотивированному запросу управляющего, подкреплённому судебным актом.

В-третьих, назрела необходимость разработки и утверждения на уровне уполномоченного органа (например, Минэкономразвития России) методических рекомендаций по оценке цифровых

активов в процедурах банкротства. В-четвертых, следует адаптировать процедуры реализации имущества, предусмотрев возможность продажи ликвидных цифровых активов через специализированные торговые платформы (криптовбиржи) по регламенту, обеспечивающему прозрачность и максимальную выручку. Наконец, необходимо предусмотреть в процессуальном законодательстве возможность наложения эффективных обеспечительных мер на цифровые активы, например, через судебный приказ о блокировке операций на конкретных платформах.

Реализация данных предложений позволит сформировать предсказуемую правовую среду, повысить эффективность процедур банкротства и обеспечить защиту прав кредиторов в новой цифровой реальности. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение смежных вопросов, включая налогообложение и трансграничное взаимодействие по возврату цифровых активов.

Список использованной литературы:

1. Гузнов А.Г., Михеева Л.Ю., Новоселова Л.А., Савельев А.И. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав / под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут; 2018.
2. Иванов О.М. Оценка цифровых активов для целей налогообложения и банкротства. *Финансы*. 2022;(7):45–52.
3. Кузнецов А.А. Идентификация и изъятие криптовалют в исполнительном производстве и при банкротстве. *Законность*. 2021;(5):25–30.
4. Ломакин Д.В. Проблемы определения правового режима цифровых активов в процедурах банкротства. *Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес»*. 2021;(3):60–65.
5. Нестолый В.Г. Оспаривание сделок с криптовалютой в делах о банкротстве. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023;(2):70–75.
6. Петров В.А. Экономические аспекты рынка цифровых активов в современной России. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2022;(15(2)):115–128.
7. Савельев А.И. Правовая природа криптовалют. *Закон*. 2017;(8):75–90.
8. Сидоренко Э.Л. Правовой режим криптовалют как объекта гражданских прав и предмета преступления. *Российский следователь*. 2019;(4):15–20.
9. Ситник А.А. Особенности правового регулирования обращения взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства и процедуры банкротства. *Юридический мир*. 2021;(9):33–38.
10. Тарасенко О.А. NFT-токены: правовая природа и перспективы регулирования. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022;(15(1)):88–111. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.88.111.
11. Харитонов Ю.С. Правовое регулирование оборота NFT: российский и зарубежный опыт. *Вестник гражданского права*. 2022;(22(3)):5–12.
12. Хорошавин М.Ю. К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве. *Цивилист*. 2024;(4):66–73.
13. Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020;(71(7)):37–43. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.037-043.
14. Янковский Р.М. Криптовалюта в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги. *Хозяйство и право*. 2018;(2):28–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапенко Николай Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Магомеднабиев Мурад Шамильевич

магистрант юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Сергиенко Альбина Темировна

сотрудник учебной части юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-52-57>

К ВОПРОСУ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКЕ

Томилова Л.Н.*, Дьяченко Е.М.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Томилова Л.Н., Дьяченко Е.М. К вопросу о предпринимательской этике. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):52–57. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-52-57>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Томилова Людмила Николаевна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: vicktorial105@bk.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025

Статья принята к печати: 20.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: Основопологающей целью настоящего исследования является изучение и выявление понимания необходимости применения в предпринимательской деятельности норм и правил предпринимательской этики, регулирующих этические правила делового общения субъектов предпринимательской деятельности. Для достижения указанной цели в качестве задач видится необходимым рассмотреть основные этические понятия, нравственные требования, необходимые в предпринимательской деятельности, характеризующие облик субъекта предпринимательства как нравственного делового коммерсанта, который осуществляет деятельность в экономической сфере с учетом нравственного долга перед обществом. В связи с этим представляется важным исследование предпринимательской деятельности в этическом аспекте

Для решения поставленных задач в статье использован ряд методов исследования: логический (описание, доказывание, классификация), системно-структурный анализ, сравнительный, статистический, который помогает отделить необходимое от случайного и выявить закономерность процессов, социологический метод – основан на мнениях и оценках экспертов, формально-юридический.

В результате исследования было выявлено, что существующее российское законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность, применяет такие оценочные этические критерии как добросовестность, разумность, справедливость, деловая репутация, недобросовестное поведение, злоупотребление правом и т.д., что побуждает предпринимателей осуществлять свою деятельность в определенных нравственных пределах и считаться с интересами других хозяйствующих субъектов и потребителей.

Вывод. Оценочные этические критерии правового регулирования предпринимательских правоотношений свидетельствуют о гибкости законодательства Российской Федерации, подтверждающего потребность в нравственной легитимации субъектов предпринимательской деятельности, как одного из условий истинного предпринимательства, что должно отражаться в определенных нормативных документах, разработанных предпринимателями.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предпринимательская этика, кодексы предпринимательской этики, принципы предпринимательской этики.

**«Работая только ради материальных благ,
мы сами себе строим тюрьму»
Антуан де Сент- Экзюпери**

Введение

Предпринимательская деятельность в современных рыночных условиях очень развита, многообразна и имеет важное социально-экономическое значение. В предпринимательстве сосредоточена большая часть производственного и экономического потенциала. Мировой опыт свидетельствует о том, что именно на основе предпринимательства строится организация и управление экономикой государства. Конституция Российской Федерации провозглашает право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской деятельности¹. Гражданский Кодекс Российской Федерации определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке². С момента легализации предпринимательской деятельности в России и принятия специального законодательства в науке и практике уделяется значительное место вопросам предпринимательства. Активно обсуждаются вопросы понятия и целеполагания предпринимательской деятельности, ее организационно-правовым формам, ответственности и т.д. В гражданско-правовой доктрине отмечается, что развитие новых компонентов современной рыночной системы приводит к эволюции теории и практики ведения предпринимательства и отличается новыми требованиями, правилами и стандартами ее осуществления в пользу более полного учета принципов справедливости, нравственного долга перед обществом [13, с. 181–192]. Нравственно-этические требования и принципы, учитывающие всеобщие нравственные понятия, становятся условиями предпринимательской деятельности и обязательными правилами делового поведения предпринимателей.

Методы исследования

Исследование базировалось на применении специально-юридических методов таких как: логический, системно-структурный анализ, сравнительный, статистический, социологический метод – основан на мнениях и оценках экспертов, формально-юридический.

Результаты исследования

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Предпринимательская этика – это нравственные нормы и правила, регулирующие деятельность предпринимателей в духе глубокого уважения к культурным, нравственным ценностям, справедливости, честности, в расчете на длительность и гармоничность предпринимательских отношений.
2. Оценочные этические критерии правового регулирования предпринимательской деятельности свидетельствуют о гибкости законодательства Российской Федерации, подтверждающего, что потребность в нравственной легитимации является одним из условий предпринимательства, что должно отражаться в определенных нормативных документах, правилах и стандартах, разработанных предпринимателями.
3. Кодексы предпринимательской этики – это локальные нормативные акты субъектов предпринимательской деятельности, содержание которых составляют нравственно-культурные этические ценности высокого стандарта отношений с партнерами, потребителями, что способствует успешному развитию честного бизнеса. Они должны являться нормативной нравственной опорой профессиональной деятельности предпринимателя и не противоречить нормам действующего законодательства.
4. В основе принципов предпринимательской этики должны быть основные этические понятия, нравственные ценности и требования к деятельности предпринимателя, его имиджу, деловому облику, стилю, что, безусловно, будет способствовать его успешной деятельности и оказывать значительное влияние на положительное отношение к нему партнеров, потребителей, общественности.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Научная дискуссия

Проблемам правового регулирования предпринимательской деятельности и в доктрине и правоприменительной деятельности уделяется много внимания. В цивилистической доктрине подчеркивается, что предпринимательская деятельность – сложная категория и ее можно рассматривать в разных аспектах: организационном, экономическом, юридическом. На эту тему написано немало научных трудов, представляющих значительный интерес. Однако, нравственному аспекту предпринимательства – культуре и этике предпринимательства уделяется недостаточно внимания. Вместе с тем, современными учеными отмечается, что предпринимательство – это, прежде всего, вид человеческой деятельности, в которой ориентация на достижение коммерческого успеха не является самодовлеющей целью [18, с. 82; 1, с. 34; 12, с. 2–16; 7, с. 160–167; 4, с. 402–412; 16, с. 289–295].

Необходимость повышения предпринимательской этики, корпоративной культуры и негативные последствия ее нарушения отмечаются в научной, и практической сфере и в судебной практике (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3¹).

Исследователи истории и становления предпринимательства называют предпринимателей живой творческой силой, а предпринимательскую этику – «профессиональной нравственной опорой», правила которой используют деловые люди [11, с. 171–191].

Ершова Е.В., Тарасенко О.А. считают, что культура и этика предпринимательства, система ценностей и приоритетов присуща предпринимателям и формируются в обществе десятилетиями и даже столетиями [8, с. 102].

Современные предприниматели сами подтверждают, что извлечение прибыли является не целью, а средством достижения других целей. Так, например, Сергей Галицкий, создатель сети «Магнит», являясь одним из самых популярных людей Кубани, говорит о бизнесе так: «Вы будете смеяться, но я стараюсь во всем честно вести бизнес. Базисно мы должны быть честными и делать честный бизнес. Потому что это приятнее... Надо уважать себя. Надо верить в себя»². По данным совместного исследовательского мониторинга Минэкономразвития России, Фонда общественное мнение и Сбера «Предприниматели России: «Сегодня все больше предпринимателей осознают, что бизнес – это не только получение прибыли: растет социальная ответственность бизнеса. Результаты нашего исследования подтверждают эту тенденцию – 70% предпринимателей уверены, что бизнес должен участвовать в решении социальных проблем». Ректор Государственного университета управления Владимир Строев сказал, что предприниматели должны более ответственно подходить к вопросам морально-этического аспекта ведения бизнеса и их деятельность способна поменять мир к лучшему»³.

Президенты и главы известных коммерческих компаний подтверждают, что предприниматель обязан соблюдать этические нормы и правила, быть культурным человеком хотя бы потому, что заинтересован в постоянном успехе. Благородный человек предъявляет требования к себе, низкий человек – к другим» (Конфуций)⁴.

Термин «этика» имеет глубокое содержание. Этика – это учение, объектами исследования которого являются мораль и нравственность, которое выясняет ее роль в системе человеческих отношений, Этика оперирует такими важными понятиями, как милосердие, честность, долг, солидарность, дружба, справедливость и прочее и преследует цель воспитать в человеке добродетели⁵.

¹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, деловой репутации юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² 20+ цитат Сергея Галицкого о работе, футболе и деньгах [сайт]. RR «Люкс. Личности. Бизнес»; 2025 [обновлено 03 июня 2025; процитировано 03 июня 2025]. Доступно: <https://robb.report/persons/98427-20-citatie-sergeya-galickogo-o-rabote-futbole-i-dengah/?ysclid=mc7jun9gti157777855>.

³ Татьяна Илюшникова: 70% предпринимателей убеждены, что бизнес должен участвовать в решении социальных проблем [сайт]. Мой бизнес; 2024 [обновлено 03 июля 2024; процитировано 01 февраля 2025]. Доступно: <https://xn--48-9kcqjffxf3b.xn--p1ai/news/tatyana-ilyushnikova-70-predprinimateley-ubezhdeny-cto-biznes-dolzhen-uchastvovat-v-reshenii-sotsia/?ysclid=mc7k5rxvwu972366621>.

⁴ Кодекс предпринимателей Новосибирской области [сайт]. Новосибирская городская торгово-промышленная палата; 2025 [обновлено 22 февраля 2025; процитировано 24 февраля 2025]. Доступно: <https://ngtpp.ru/kodeks-predprinimatelej-nso/>.

⁵ Большая российская энциклопедия [сайт]. Bigenc; 2023 [обновлено 28 декабря 2023; процитировано 01 февраля 2025]. Доступно: bigenc.ru/c/etika-c4ef12.

О вопросах нравственности, морали, этики писали Конфуций, Цицерон, Аристотель, считавшие милосердие, человеколюбие и добропорядочность важнейшими общечеловеческими ценностями. Древнеримские авторы рассуждали о «соответствии добрым нравам». В XVIII столетии подобное слово использовалось во французском языке и обозначало «равный закону, законный» [2, с. 6–8].

Мораль возникла из объективной необходимости регулировать нормы поведения, взаимоотношения людей. Мораль и этика предпринимателя также основана на общих нравственных установках. При этом мораль возлагает на своего носителя дополнительные нравственные требования: ставить в определенных пределах интересы общества выше собственных (частных) имущественных интересов. В юридической науке подчеркивается, что мораль и право были, есть и будут неотъемлемыми элементами цивилизованного общества [14, с. 2–33].

Оценочным категориям добросовестности, разумности, справедливости, злоупотребления правом с позиции известного принципа морали, «что такое хорошо и что такое плохо», где добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, посвящено немало статей Гражданского кодекса РФ (ст. 1: п. 3, 4; ст.ст. 6, 10, 302. 234 и др.) О презумпции добросовестности участников гражданского оборота говорится в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»¹. При наличии спора о действительности или заключенности договора суд учитывает установленную в п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцию разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»².

Принцип доброй совести – «в объективном смысле (честность)» является одним из основных принципов в российском гражданском праве. А.С. Васильев и Д.В. Мурзин прямо говорят о том, что добросовестность – это честность и как общепризнанная добродетель относится к группе презумпций, которые раньше удачно назывались общечеловеческими. Они подчеркивают, что в предпринимательских отношениях добросовестность звучит как «честные обычаи в промышленных и торговых делах», «честная деловая практика», и «соответствие профессиональной этике» [3].

Так, Голубцов В.Г. обращает внимание, что добросовестность в гражданском праве стала системообразующим правилом для всех случаев оценки поведения участников гражданских правоотношений [6, с. 175–184; 5, с. 37–50].

Л.В. Щенникова Л.В. определяет добрые нравы (добросовестность) как критерий поведения лиц, исходя из которого эти лица следуют основам благородности, добропорядочности и почтения. Из этого следует, что «добрые нравы» (добросовестность) суть квинтэссенция нравственных норм и правил применительно к гражданскому обороту [19, с. 119–121; 17, с. 56–62].

Таким образом, в современной юридической литературе подчеркивается, что субъекты гражданских правоотношений, в том числе, субъекты предпринимательской деятельности должны придерживаться требований нравственности.

Современные кодексы предпринимательской (деловой) этики содержат этические (нравственные) нормы и стандарты делового общения с партнерами, клиентами, контрагентами. Несмотря на то, что в законодательстве отсутствует понятия: «корпоративной (деловой) этики», «кодекса корпоративной этики», такие кодексы имеют место во многих предпринимательских сообществах. Требования к содержанию таких кодексов определяются предпринимателями самостоятельно, исходя из целей и приоритетов своей организации. В целом такой кодекс корпоративной этики не должен противоречить нормам действующего законодательства.

В научной юридической литературе отмечается, что Кодекс корпоративной этики – это документ компании, в котором декларируются ценности корпорации и этические стандарты поведения (нравственно-этические нормы). Эти кодексы могут иметь разное наименование, например, «этический кодекс», «кодекс делового поведения», «корпоративный кодекс», «кодекс деловой этики»,

¹ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

² О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

«кодекс профессиональной этики», «кодекс чести», «декларация этических норм», «хартия профессиональных принципов» и т.п. [10; 15, с. 15–21; 9, с. 183–186].

Что говорить о предпринимательской этике живых деловых людей, тогда как этические стандарты и нормы полагаются в основу всех бизнес-процессов при использовании искусственного интеллекта. Опубликованы такие ключевые принципы этики ИИ как: 1) благополучие человека, общества и окружающей среды; 2) ценности, ориентированные на человека; 3) справедливость. «В текущей ситуации, когда в масштабе АТЭС не существует единой концепции «этического ИИ», предприятия могут сами разрабатывать подобные подходы на основе собственных знаний и при обмене опытом с коллегами (к примеру, они могут выражаться в виде комиссий по этике или специалистов по этике в структуре управления). Что наиболее важно, этические соображения не должны восприниматься в бизнесе как препятствия¹.

Следует обратить внимание, что в Паспорте научной специальности 12.00.07 «Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право» в предмет научных исследований кроме вопросов о системах контроля и внутреннего аудита в субъектах предпринимательской деятельности – юридических лицах, включены Кодексы этики, что подтверждает необходимость руководствоваться такими нормативами при осуществлении предпринимательской деятельности².

Таким образом, в научной среде, в реальной жизни предпринимателей вопросы предпринимательской деловой этики – нравственные нормы занимают значительное место. Русские промышленники и купцы всегда дорожили своей репутацией. В 1881 году в Петербурге вышла в свет книга «Необходимые правила для купцов, банкиров, комиссионеров и вообще для каждого человека, занимающегося каким-либо делом». Ее автор И.Е. Зегимель, кратко сформулировал нормы о чести, уважении, честности и правдивости, выработанные многими поколениями отечественных коммерсантов: «Прибыль – основа развития, но честь дороже прибыли. Честность и правдивость – фундамент предпринимательства, предпосылка увеличения прибыли и гармоничных отношений в делах. Уважение к другим участникам дела – основа отношений с партнерами и самоуважения. Будь верен своему слову. Успех в деле во многом зависит от того, в какой степени окружающие доверяют тебе («солгавший, кто тебе поверит»)³.

С учетом вышеизложенного можно с уверенностью сказать, что потребность в нравственной легитимации является одним из условий истинного предпринимательства, что должно отражаться в определенных нормативных документах, в частности, в кодексах предпринимательской деловой этики, разработанных предпринимателями самостоятельно.

Можно сделать вывод, что кодексы предпринимательской корпоративной (деловой) этики – это локальные нормативные акты субъектов предпринимательской деятельности, содержание которых составляют нравственно-культурные этические ценности высокого стандарта предпринимательских отношений, что способствует успешному развитию честного бизнеса. Совершенно очевидно, что такие нормативные документы не должны противоречить нормам действующего законодательства. Они должны являться нравственной этической опорой профессиональной деятельности предпринимателя, которую используют деловые люди, отдавая приоритет принципам ее соблюдения.

Важным для предпринимателя представляется понимание того, что в основе принципов предпринимательской этики должны быть этические понятия о честных обычаях в делах, честной деловой практике и профессиональной этике, так как невозможно разделить понятия права и нравственности.

Список использованной литературы:

1. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: ТК Велби; Проспект; 2005.
2. Браташова Ю.А. Этика государственной службы на современном этапе развития России. *Российская юстиция*. 2016;(11):6–8.

¹ Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта / под ред. А.В. Незнамова. 2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Паспорта научных специальностей [сайт]. Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации; 2025 [обновлено 03 июня 2025; процитировано 03 июня 2025]. Доступно: <http://vak.ed.gov.ru/316>.

³ Необходимые правила для купцов, банкиров, комиссионеров и каждого, занимающегося каким-либо делом [сайт]. Клерк; 2016 [обновлено 26 июля 2016; процитировано 03 июня 2025]. Доступно: <https://www.klerk.ru/boss/articles/447393/>.

3. Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020;(3) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Воронцов С.Г. Легальные признаки предпринимательской деятельности: проблемы терминологической определенности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016;(34 (4)):402–412.
5. Голубцов В.Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права. *Lex russica*. 2019;(8С):37–50.
6. Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016;(32):175–184.
7. Ершова И.В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике. *Lex russica*. 2014;(2):160–167.
8. Ершова Е.В., Тарасенко О.А. Малое и среднее предпринимательство: трансформация российской системы кредитования и микрофинансирования. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2018;(39):99–124.
9. Кайтмазов В.А. Корпоративный этический кодекс. *Экономика, управление, финансы: материалы IV Международной научной конференции*. Пермь: Зебра; 2015.
10. Касаткина А.С., Рудерман И.Ф. Кодексы корпоративной этики транснациональных компаний: сравнительно-правовой анализ. *Российский юридический журнал*. 2022;(5) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Наумова И.Ю. Этические поиски японского «Предпринимательского духа»: доиндустриальный период. *Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета*. 2010;(16):171–191.
12. Олейник О.М. Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике. *Предпринимательское право*. 2013;(1):2–16.
13. Стрельник М.М. Предпринимательская деятельность: аспекты, тенденции и перспективы развития предпринимательства. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020;(7–1):181–192.
14. Фатхутдинова А.М. Исторические и современные аспекты формирования морали и права. *Современный юрист*. 2016;(2):2–33.
15. Финогентова О.Е., Полозков Е.В. Система этических кодексов в современной России. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013;(9):15–21.
16. Храмова О.Е., Чичеров Е.А. Проблема понятия предпринимательской деятельности в российском законодательстве. *Вопросы российского и международного права*. 2020;(10(11А)):289–295. DOI: 10.34670/AR.2020.64.55.027.
17. Щенникова Л.В. Добрые нравы как категория гражданского права. *Нотариальный вестник*. 2012;(3):56–62.
18. Щенникова Л.В. Предпринимательская деятельность как гражданско-правовая категория. *Гражданско-правовые записки: сборник научных трудов*. М.; Екатеринбург; 2005.
19. Щенникова Л.В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве (несколько вопросов теории и практики). *Государство и право*. 1997;(6):119–121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Томилова Людмила Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Дьяченко Елена Митрофановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-58-63>

ПРИМЕНЕНИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА КОГО-ЛИБО В ЧАСТНЫЕ ДЕЛА ПО СПОРАМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ВЕЩНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Федорова П.А.

ФГАОУ ВО «Волгоградский Государственный Университет»
(Университетский пр-кт, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062)

Ссылка для цитирования: Федорова П.А. Применение в судебной практике принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела по спорам, вытекающим из вещно-правовых отношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):58–63. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-58-63>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Федорова Полина Анатольевна, аспирант кафедры гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Адрес: Университетский пр-кт, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062

Тел.: +7 (937) 088-98-08

E-mail: polinafedorova999@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 02.06.2025

Статья принята к печати: 20.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: Статья посвящена применению принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела в судебной практике по делам, вытекающим из вещно-правовых отношений. Отмечается, что положениями самого Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) общая специфика применения принципов гражданского законодательства регулируется в недостаточной степени ясно. По существу, она сводится к единственному положению п. 2 ст. 6 ГК РФ, где указывается, что общие начала гражданского законодательства служат для определения прав и обязанностей сторон правоотношения в случае невозможности применить аналогию закона. С одной стороны, условия и порядок применения принципов гражданского законодательства в режиме аналогии права не вызывают существенных сомнений. С другой стороны, остается открытым вопрос: является ли аналогия закона единственным возможным случаем применения принципов гражданского законодательства в судебной практике или существуют какие-то иные варианты? Текущая судебная практика по вещно-правовым спорам скорее не подтверждает идею о всеобщности правоприменительного значения принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, а также о его применимости в качестве некоего самостоятельного регулятора общественных отношений. В рамках конституционного правосудия недопустимость произвольного вмешательства в частные дела служит в качестве своеобразного «арбитра» при наличии конкуренции основных начал гражданского законодательства. Такая ситуация возникла, в частности, когда требовалось одновременно применить принцип неприкосновенности собственности и ограничение гражданских прав в публичных интересах. Обращение к принципу недопустимости произвольного вмешательства в частные дела позволило защитить неприкосновенность собственности. В практике судов общей юрисдикции принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела фактически применяется для корректировки выносимого решения. В том случае, когда аналогия не требуется, поскольку из конкретных норм гражданского законодательства следует вполне определенный вывод, суд в ряде случаев действует не в соответствии с прямым смыслом данной нормы, но и не дает ей расширительного или ограничительного толкования, а применяет норму с учетом принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела,

в результате чего выносимое решение является иным по содержанию, нежели следовало бы в том случае, когда норма применялась бы в отдельности от принципа.

Ключевые слова: частные дела, вмешательство, принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, право собственности, вещное право, право общей долевой собственности, приватизация.

Введение

Общая модель судебного применения принципов (основных начал) гражданского законодательства в России не может считаться окончательно сложившейся. С нашей точки зрения, эта неопределенность обусловлена двумя основными причинами.

Во-первых, принципы гражданского законодательства в своем исходном виде характеризуются особой юридической техникой, которая выражается в том, что они изложены не в виде норм, т.е. конкретных правил поведения, а лишь как общие ориентиры: «неприкосновенность», «недопустимость», «необходимость» и т.п.

При этом, впрочем, некоторые из принципов одновременно присутствуют в законодательстве и на уровне норм; примером может служить принцип свободы договора, который закреплен и в п. 1 ст. 1 ГК РФ, и в отдельной ст. 421 ГК РФ, где содержание данного принципа развернуто в совокупности субъективных прав и запретов. В этом случае принцип гражданского права по механизму своего действия существенно не отличается от общей нормы. Однако значительная часть принципов гражданского права не дублируется на уровне норм и, следовательно, предполагают иной способ их практического применения.

Зачастую попытки доктринального разъяснения таких принципов гражданского законодательства, как, например, разумность, принимают форму не столько нормативных положений, сколько простого перечня свойств или действий, что в целом адекватно исходной манере их изложения в тексте закона: «обеспечение адекватного стимулирования участников гражданского оборота к ответственному, разумному, добросовестному и честному поведению; определение с учетом актуальных условий, в которых существует и действует правопорядок, оправданных пределов, которыми могут и должны ограничиваться реализация правоспособности, свобода волеизъявления и осуществление конкретных субъективных прав» и т.п. [4, с. 11].

Во-вторых, положениями самого Гражданского кодекса РФ общая специфика применения принципов гражданского законодательства регулируется в недостаточной степени ясно. По существу, она сводится к единственному положению п. 2 ст. 6 ГК РФ, где указывается, что общие начала гражданского законодательства служат для определения прав и обязанностей сторон правоотношения в случае невозможности применить аналогию закона.

Методы исследования

Основными методами, применяемыми в данном исследовании, являются: метод герменевтики, позволяющий интерпретировать содержание нормативных и правоприменительных актов; сравнительный метод, способствующий выявлению общих и особенных черт изучаемых судебных решений.

Результаты исследования

Анализ применения принципов гражданского законодательства в российской судебной практике позволяет выделить следующие основные результаты исследования:

- 1) принципы гражданского законодательства чаще применяются не отдельно от конкретных норм, а в комплексе с ними;
- 2) как правило, суд ссылается не на один принцип, а на целую их группу;
- 3) в большинстве случаев суд ограничивается общей ссылкой на те или иные принципы гражданского законодательства, не подвергая их детальной интерпретации;
- 4) Конституционный суд Российской Федерации оценивает недопустимость произвольного вмешательства в частные дела как принцип, имеющий конституционное значение;
- 5) в практике судов общей юрисдикции принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела фактически применяется для корректировки выносимого решения;
- 6) в рамках конституционного правосудия недопустимость произвольного вмешательства в частные дела служит в качестве своеобразного «арбитра» при возникновении конкуренции основных начал гражданского законодательства.

Научная дискуссия

Полагаем, что условия и порядок применения принципов гражданского законодательства в режиме аналогии права не вызывают существенных сомнений. Но остается открытым вопрос: является

ли аналогия закона единственно возможным случаем применения принципов гражданского законодательства в судебной практике или существуют какие-то иные варианты?

Этот вопрос получил различные решения в цивилистических исследованиях. Так, Е.Г. Комиссарова утверждает, что основным началом гражданского законодательства из-за емкости своего содержания – место не только в аналогии права, но и в аналогии закона¹.

О.А. Кузнецова детализирует несколько различных способов применения принципов гражданского права (впрочем, считая их «нормами-принципами»), причем, кроме собственно аналогии права, относит к ним: усиление аргументации по делу; использование принципов для юридического толкования; непосредственное применение принципов. Как признает автор, первые три способа носят опосредованный характер, и лишь при непосредственном применении принципы гражданского права обретают прямое действие. Один из приводимых О.А. Кузнецовой примеров такого непосредственного применения – обращение к принципам права для преодоления юридической коллизии [5, с. 94–129].

А.Я. Рыженков приходит к несколько иному выводу: по механизму судебного применения принципы гражданского права делятся на две группы. К первой из них относятся конституционные принципы: неприкосновенность собственности, судебная защита гражданских прав и свободное перемещение товаров и услуг, – которые в силу своей повышенной юридической силы на уровне правоприменения должны обладать безусловным приоритетом перед всеми конкретными, как общими, так и специальными нормами. Ко второй группе автор относит все остальные принципы, закрепленные в п. 1 ст. 1 ГК РФ: «Эта категория основных начал гражданского законодательства применяется в судебной практике по той же модели, что и общие нормы гражданского законодательства. Иначе говоря, суд обращается к ним в том случае, если отсутствует специальная норма, регулирующая спорное отношение» [6; 7, с. 15]. А.В. Коновалов также подчеркивает, что применение принципов права не обязательно предполагает предварительное обращение к конкретным нормам, а может осуществляться при наличии такой нормы и даже вразрез с ее содержанием: «Принципы действительно обладают прямым регулирующим воздействием, и общественное отношение может быть урегулировано, в том числе через вынесение судебного решения, в рамках определенной канвы, обозначенной принципом, – в отсутствие соответствующей нормы или вопреки существующей»².

Следует отметить, что в литературе существует и более узкая трактовка и самой природы принципов гражданского законодательства, и, соответственно, пределов их практического применения, в рамках которой возможность непосредственного действия данных принципов вообще не предполагается. Примером может служить позиция К.М. Беликовой и М.А. Ахмадовой, которые утверждают: «принципы законодательства (как они закреплены, например, в ГК РФ) не являются какими-то началами или основами, а лишь общими правилами толкования норм и восполнения пробелов правоприменителями» [1, с. 14].

Применение принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в сфере вещных правоотношений осуществлялось Конституционным Судом Российской Федерации. Более того, именно в связи с вещными правами, а именно с правом собственности, данный орган объявил, что недопустимость произвольного вмешательства в частные дела – это принцип, имеющий конституционное значение. Эта констатация содержится в Постановлении от 27 декабря 2022 г. № 58-П. В п. 2 мотивировочной части данного Постановления говорится: «В силу конституционного принципа верховенства права и имеющего конституционное значение принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ) любое вмешательство публичной власти в отношении собственности не должно быть избыточным и нарушать баланс между законными интересами общества и необходимыми условиями защиты прав личности, что предполагает разумную соразмерность его конституционно значимых целей и средств их достижения»³.

¹ Комиссарова Е.Г. Принципы права и основные начала в гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 9–10.

² Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 285.

³ По делу о проверке конституционности положений подпункта 4 пункта 12 и пункта 12.1 статьи 189.49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», части 4 статьи 9 Федерального закона от 1 мая 2017 года №84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца третьего подпункта «в» пункта 25 статьи 6 Федерального закона от 23 апреля 2018 года №87-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Н.А. Коноваловой, В.А. Лычевой, Л.В. Магера и В.И. Питернова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 № 58-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 2. Ст. 546.

Правда, из текста Постановления остается не вполне ясным, по какой причине Конституционный Суд Российской Федерации счел необходимым в данном случае опираться именно на принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, учитывая, что содержание выводов суда вполне укладывается в рамки другого принципа, а именно неприкосновенности собственности.

Более конкретным инструментом конституционного правосудия предстает принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела в другом Постановлении КС РФ – от 19 апреля 2021 г. № 14-П. В данном деле Конституционный Суд основывался на принципе недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в сумме с принципом свободы договора, признавая неприемлемым прямой запрет на размещение нестационарных торговых объектов не на находящейся в публичной собственности территории (п. 2 мотивировочной части)¹. Вместе с тем, допуская иные, кроме прямого запрета, формы регулирования, например, установление дополнительных требований технического или эстетического характера к подобного рода объектам, Конституционный Суд не пояснил, как следует квалифицировать такое регулирование: либо оно вовсе не является вмешательством в частные дела, либо является, но не произвольным, – а также в целом не дал однозначного критерия, позволяющего отличить нарушение этого принципа от его соблюдения.

Типичным примером судебного применения принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела по вещно-правовым спорам в практике общей юрисдикции является Определение Верховного Суда Российской Федерации № 2-1021/19 от 26 октября 2020 г. Фабула данного дела касается отношений общей долевой собственности. Истец был вселен в спорную квартиру решением суда, причем изначально ему была выделена отдельная комната, однако впоследствии данное решение было отменено и истец получил 2/9 доли в праве общей долевой собственности на две комнаты и 1/3 доли в третьей комнате. Поскольку между сособственниками сложились конфликтные отношения, а выдел указанных долей в натуре представляется невозможным, истец обратился с требованием о взыскании с остальных собственников компенсации за принадлежащие ему доли.

Ответчики иск не признали, ссылаясь как на отсутствие материальных возможностей, так и на наличие у истца возможности пользоваться и распоряжаться имуществом, в том числе путем продажи своих долей.

Суд первой инстанции отказал в иске, однако апелляционная инстанция отменила данное решение, аналогичную позицию занял и кассационный суд.

В приведенном деле представляет особый интерес то обстоятельство, что по своему буквальному смыслу п. 4 ст. 252 ГК РФ, казалось бы, требует установления такого факта, как незначительность доли выделяющегося собственника, только в том случае, если предполагается выплата ему компенсации без его согласия. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, хотя в рассматриваемом случае имело место не только согласие, но и прямое требование со стороны истца-сособственника, посчитала необходимым принять во внимание не только указанное выше обстоятельство, но и многие другие, в частности, отсутствие у других собственников материальной возможности для выплаты компенсации, исходя из того, что иное угрожало бы нарушением баланса их интересов и, согласно логике суда, произвольным вмешательством в их частные дела.

Рассматривая данное дело, Верховный Суд Российской Федерации обратился в том числе к принципу недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (наряду с другими принципами – равенства участников гражданских правоотношений, неприкосновенности собственности и свободы договора) и пришел к выводу, что с учетом требований ст. 252 ГК РФ данный принцип был нарушен в данном деле, вследствие чего решения апелляционной и кассационной инстанций были отменены и решение первой инстанции об отказе в иске оставлено в силе.

Следовательно, рассматриваемый принцип внес существенные коррективы в смысл данной нормы и, соответственно, в результат ее применения.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, части 7 статьи 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», а также абзаца двадцать второго части 1 статьи 2, пункта 25 части 1 статьи 16 и пункта 3 части 2 статьи 45.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г.С. Дадашова, И.Н. Касимова и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2021 № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 17. Ст. 3045.

В другом деле истец обратился в суд с требованием о признании права собственности на квартиру в порядке приватизации. Апелляционная инстанция установила, что истец проживает по договору аренды в квартире, принадлежащей на праве собственности сельскохозяйственному производственному кооперативу.

Суть самого искового требования фактически сводится к тому, чтобы понудить собственника жилищного фонда дать разрешение на передачу занимаемого заявителем помещения ему в собственность, что, по мнению суда, явилось бы нарушением принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, в связи с чем апелляционная инстанция оставила без изменения решение об отказе в иске (Апелляционное определение Нижегородского областного суда № 33-3711/2013 от 28 мая 2013 г.).

Можно утверждать, что текущая судебная практика по вещно-правовым спорам скорее не подтверждает идею о всеобщности правоприменительного значения принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, который якобы «пронизывает все гражданско-правовые нормы, его необходимо постоянно иметь в виду при рассмотрении любого гражданского дела»¹, а также о его применимости в качестве некоего самостоятельного регулятора общественных отношений. По мнению В.В. Васильева, «каждый из принципов проявляется в системном единстве друг с другом» [2, с. 28].

А.А. Волос пишет: «принципы должны применяться в системе, правильное понимание норм гражданского права возможно лишь в их взаимосвязи именно с самой системой принципов, а не с отдельными началами гражданского законодательства» [3, с. 12].

В то же время не подтверждается и вытекающая, казалось бы, из п. 2 ст. 6 ГК РФ модель, в соответствии с которой принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела использовался бы путем аналогии права, когда отсутствует и конкретная норма, применимая по делу, и норма, регулирующая сходные отношения.

Взамен этого судебная практика дает два других варианта действия рассматриваемого принципа:

1. В рамках конституционного правосудия недопустимость произвольного вмешательства в частные дела служит в качестве своеобразного «арбитра» при возникновении конкуренции основных начал гражданского законодательства. Такая ситуация складывается, в частности, когда требовалось одновременно применить принцип неприкосновенности собственности, с одной стороны, и ограничение гражданских прав в публичных интересах, с другой. Обращение к принципу недопустимости произвольного вмешательства в частные дела позволило защитить неприкосновенность собственности.

Изъяном такой правоприменительной техники можно считать неопределенность в отношении такого, как именно избирается «принцип-арбитр», что неизбежно порождает опасения в случайности или произвольности такого выбора.

2. В практике судов общей юрисдикции принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела фактически применяется для корректировки выносимого решения. В том случае, когда аналогия не требуется, поскольку из конкретных норм гражданского законодательства следует вполне определенный вывод, суд в ряде случаев действует не в соответствии с прямым смыслом данной нормы, но и не дает ей расширительного или ограничительного толкования, а применяет норму с учетом принципа недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, в результате чего выносимое решение является иным по содержанию, нежели следовало бы в том случае, когда норма применялась бы в отдельности от принципа.

Список использованной литературы:

1. Беликова К.М., Ахмадова М.А. Еще раз о предмете и методе предпринимательского права и перспективах деления права на отрасли. *Современное право*. 2023;(4):12–25.
2. Васильев В.В. Принципы гражданского права как системообразующий фактор. *Вестник ТвГУ. Серия право*. 2012;(30):19–29.
3. Волос А.А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества: монография: М.: Проспект; 2024.
4. Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;(105(8)):11–21.
5. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права: монография. М.: Статут; 2006.

¹ Косач А.С. Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 9.

6. Рыженков, А.Я. О роли правовых принципов в отраслевой структуре российского права. *Современное право*. 2023;(6):12–16.

7. Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) гражданского законодательства и смежных отраслей права: монография. М.: Юрлитинформ; 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорова Полина Анатольевна

аспирант кафедры гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

ORCID ID: 0009-0000-1186-1162

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-64-70>

**ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Глимейда В.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Глимейда В.В. Правовые особенности реализации процессуальных направлений использования искусственного интеллекта при производстве следственных действий. *Юридический вестник Кубанского государственного университета.* 2025;17(2):64–70. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-64-70>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Глимейда Виталий Витальевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (918) 269-22-38

E-mail: abins@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 21.04.2025

Статья принята к печати: 20.05.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: *Целью* исследования является обоснование необходимости совершенствования правовой основы применения технологии искусственного интеллекта (далее также – ИИ) при производстве следственных действий на основе анализа тенденции цифровизации уголовного судопроизводства и положений уголовно-процессуального законодательства.

В результате выделены ключевые направления применения технологии искусственного интеллекта в следственных действиях, проведен анализ правового регулирования его использования. Определена необходимость разработки правовых положений, уточняющих процессуальную форму использования данной технологии в следственных действиях.

Вывод: по итогу исследования сформулированы ключевые направления использования искусственного интеллекта в следственных действиях, раскрыты особенности их процессуальной формы и предложены пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, досудебное производство, следственные действия, цифровизация.

Введение

Современная цифровизация ставит вопрос о внедрении новейших цифровых технологий в уголовное судопроизводство, в том числе искусственного интеллекта, поскольку происходящие структурные изменения в характере преступности, обусловленные широким распространением цифровых технологий, требуют пересмотра традиционных подходов к расследованию и доказыванию [20, с. 3]. В этих условиях прежние методы расследования и доказывания становятся менее эффективными.

Кроме того, активное внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство по-прежнему осуществляется в условиях нормативной неопределенности, порождая дополнительные процессуальные проблемы. Обращая на это внимание, профессор О.В. Гладышева отмечает отсутствие

единых стандартов фиксации, хранения и оценки цифровых доказательств при производстве следственных действий, что не соответствует тенденции упрощения доказательственной деятельности [4, С. 105]. В свою очередь, Л.А. Воскобитова указывает на связь произвольной и безграничной цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой без учета ее природы, с риском допущения следственных и судебных ошибок, нарушения прав человека [3, с. 94].

Вместе с тем, стремительное развитие информационных технологий, применяемых в уголовном судопроизводстве, объективно необходимо, что требует пересмотра устоявшихся процессуальных подходов к следственным действиям, особенно в части применения при их производстве искусственного интеллекта.

Методы исследования

В исследовании применен правовой анализ уголовно-процессуального законодательства и научных публикаций, касающихся применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Методологический подход включает выявление пробелов в законодательстве и формулировку предложений по их устранению.

Результаты исследования

В ходе исследования поставленного вопроса обосновывается гипотеза о необходимости правового регулирования использования интеллектуальных технологий при производстве следственных действий. Проанализированы ключевые направления применения искусственного интеллекта при производстве следственных действий. Выявлена недостаточность их правового регулирования в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Признается необходимым поэтапное совершенствование законодательства, направленное на регламентацию работы с электронными доказательствами, установлении положений о допустимости использования искусственного интеллекта в следственных действиях, что обуславливает необходимость создания надежных правовых механизмов, закрепляющих процессуальную форму применения данной технологии и обеспечивающих допустимость работы с цифровыми данными.

Научная дискуссия

Применительно к сфере уголовного судопроизводства предлагается определить рамки понятия «искусственный интеллект», которые сводятся к признанию в качестве такового субтехнологий, основанных на нейронных сетях [6, с. 320–327]¹, то есть технологии «слабого искусственного интеллекта», способной лишь имитировать отдельные когнитивные способности человека. Близка к такой трактовке позиция профессора Л.В. Головки, согласно которой современные представления об ИИ далеки от футурологических прогнозов и на практике сводятся к усовершенствованным компьютерным программам, не выходящим за пределы вычислительных систем [7, с. 30]. Такой «узкий» искусственный интеллект лишен интуиции, гибкости мышления и правосознания, присущих следователю, и не способен принимать решения, требующие глубокой аналитики и тем более морально-нравственной оценки². Не случайно ряд авторов подчеркивает ограниченность текущих интеллектуальных технологий и недопустимость их полной автономии в уголовном судопроизводстве [17, с. 75; 8, с. 195; 1, с. 96].

Вместе с тем, скепсис относительно возможностей нынешних алгоритмических систем в принятии процессуальных решений вовсе не означает их бесполезности для уголовно-процессуальной деятельности. Напротив, способность нейросетевых технологий имитировать когнитивную деятельность человека наделяет их научно-техническим потенциалом принципиально иного уровня.

Если традиционные технические средства считаются полезными в расследовании благодаря расширению возможностей человеческого восприятия, запоминания, воспроизведения и др.³ (например, приборы ночного видения позволяют различать детали, невидимые невооруженным глазом), то интеллектуальные технологии способны дополнять когнитивную составляющую познания, что особенно актуально при работе с большими данными.

По мнению ученых-процессуалистов, именно такой потенциал позволяет использовать традиционные технические средства для усиления борьбы с преступностью в деятельности органов внутренних дел [21, с. 270], получения криминалистически значимой информации [2, с. 196], улучшения раскрываемости, повышения качества расследования уголовных дел [15, с. 35].

¹ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Глимейда В.В. Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 17.

³ Родивилина В.А. Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016. С. 42.

Рассмотренное свидетельствует, что в научной литературе складывается консенсус: с одной стороны, обозначены «красные линии» применения ИИ – недопустимо преувеличивать его значение и подменять собой роль следователя или судьи, с другой стороны, предлагаются варианты безопасной интеграции ИИ в качестве инструмента, при одновременном совершенствовании законодательства. Отдельные авторы подчеркивают насущность такой модернизации, указывая, например, на необходимость повышения эффективности работы следственных органов [15, с. 37] (эта проблема отмечалась и на уровне Президента Российской Федерации¹).

Все исследователи сходятся в одном: законодательное регулирование отстает от технического прогресса, порождая пробелы, требующие восполнения, что, в свою очередь, актуализирует необходимость исследования вопроса о правовом регулировании использования искусственного интеллекта при производстве следственных действий. В этой связи представляется необходимым указать на ключевые направления, в которых современные нейросетевые технологии уже сегодня способны принести практическую пользу:

1. Анализ больших данных для выявления преступных закономерностей, производства следственных действий.

Действительно, современные методы обработки информации дают возможность анализировать огромные массивы данных, что представляется эффективным средством поиска необходимых сведений в цифровой среде. Данные технологии позволяют следователю осуществлять поиск цифровых следов преступлений (например, в сети «Интернет»), систематизировать разрозненную информацию, анализировать банковские транзакции, устанавливать скрытые связи между фигурантами уголовных дел. При этом УПК РФ прямо не предусматривает использование искусственного интеллекта в качестве процессуального инструмента, из-за чего использование рассмотренных алгоритмов фактически остается внепроцессуальной деятельностью.

Результаты, полученные с помощью ИИ-анализа, не имеют самостоятельного доказательственного значения и должны проверяться и закрепляться традиционными процессуальными средствами. Одним из таких средств, может выступать процедура привлечения лица, обладающего специальными познаниями, позволяющая придать процессуальное значение сведениям, полученным с помощью нейросетевых технологий через заключение либо показания специалиста. Практически процедура может выглядеть так: специалист с использованием алгоритмов ИИ проводит, к примеру, осмотр цифровой информации (сетевых материалов, содержимого электронных устройств) или аналитическую обработку данных уголовного дела, после чего предоставляет письменное заключение, которое приобщается к материалам дела.

Отметим также, что цель ряда следственных действий сама по себе совпадает с задачами, решаемыми ИИ-технологиями, что позволяет обосновать допустимость их применения, несмотря на отсутствие прямого упоминания в законе.

Так, профессор В.А. Семенцов указывает на перспективность использования нейросетевых методов при производстве осмотра документов [17, с. 72], цель которого – обнаружение, закрепление и изъятие информации. Кроме того, применение ИИ для автоматизированного анализа видеозаписей полученных с места происшествия, обработки фотоизображений либо сканирования обстановки дронами позволяет эффективнее выявлять улики и детали, ускользающие от человеческого глаза в ходе осмотра места происшествия. Полагаем, подобные технические помощники не заменяют личного восприятия следователя, однако способны существенно его расширить, поэтому полученные таким путем сведения все равно требуют проверки и процессуального оформления (например, путем протоколирования обнаруженных объектов в присутствии понятых, изъятия носителей информации и др.).

2. Использование искусственного интеллекта при производстве экспертиз.

Интеллектуальные системы имеют большой потенциал в обеспечении проведения сложных судебных экспертиз, прежде всего компьютерно-технических и криминалистических, включая анализ цифровых следов, восстановление удаленной информации, идентификацию личности по биометрическим данным, техническую трасологию и др.

Стоит отметить, что УПК РФ регламентирует лишь общие положения о назначении экспертизы, применение же тех или иных технологий при ее производстве относится к компетенции самого эксперта, что в условиях отсутствия утвержденных методик сертификации и верификации алгоритмов ИИ, не ясности в том, как проверять надежность и воспроизводимость результатов,

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. 20 февраля.

полученных с помощью машинного обучения, особенно когда алгоритмы, заложенные в программу непрозрачны для понимания, актуализирует вопрос о необходимости специального нормативного закрепления требования об отражении в тексте заключения эксперта факта использования нейронных сетей и методов машинного обучения.

По мнению М.С. Спиридонова, такая информация должна быть размещена в исследовательской части экспертного заключения, что позволит оценивать обоснованность и надежность выводов, повышая их доказательственное значение [19, с. 486–487].

3. Прогнозирование предварительного расследования и профилактика преступлений.

Использование интеллектуальной технологии для анализа данных с целью прогнозирования хода расследования уголовных дел представляет собой перспективное направление. В литературе анализируется опыт прогноза решений конкретных судей с точностью до 71,9 %, вызывающий у отечественных исследователей вопрос о возможности применения указанных систем в уголовном судопроизводстве России [11, с. 189].

Дело в том, что способность обрабатывать большие массивы информации с помощью ИИ одновременно позволяет выявить определенные тенденции, закономерности, использование которых возможно в прогнозировании сложности и продолжительность расследования, а также определении наиболее эффективных методов работы следователей. Полученные прогнозы способствуют, по мнению, Р.В. Костенко, осуществлять «планирование ресурсов» [11, с. 73], что на наш взгляд, может состоять в распределении нагрузки между следователями, определению приоритетных направлений производства следственных действий и своевременному привлечению необходимых участников уголовного судопроизводства.

Другой стороной прогностических интеллектуальных систем, представляется их использование для прогнозирования преступной активности. Указывая в качестве тренда использования искусственного интеллекта «предиктивную юриспруденцию», И.И. Карташов и И.И. Карташов справедливо указывают на этические аспекты использования данной технологии [10, с. 79]. Не до конца определено соотношение результатов таких прогнозов с принципом презумпции невиновности и правом на неприкосновенность частной жизни.

Считая недопустимым подвергать человека ограничениям или подозрению исключительно на основании статистической вероятности, выведенной искусственным интеллектом, отметим, что по действующему российскому законодательству результаты такого прогнозирования не вписываются в рамки уголовного судопроизводства. В УПК РФ регулируется порядок расследования совершенного конкретного преступления, тогда как профилактическая деятельность относится скорее к оперативно-розыскной работе и общекриминологическим мерам, находящимся вне непосредственного действия УПК РФ.

4. Автоматизация составления процессуальных документов.

Значительная часть времени следователя уходит на подготовку процессуальных документов: протоколов, постановлений, запросов, ходатайств и др., тогда, как возможность автоматизации этой деятельности с помощью технологий ИИ существует уже сегодня. Специализированные программы способны автоматически транскрибировать аудиозапись допроса в текст протокола (о чем свидетельствует опыт применения систем Нестор.Правосудие в судах ¹), систематизировать доказательственную базу по делу, подготавливать черновые проекты процессуальных решений на основе анализа шаблонов, нормативных актов и судебной практики, а также проверять готовые документы на соответствие требованиям закона.

Формально действующее законодательство не содержит запретов на применение искусственного интеллекта при составлении процессуальных документов. Более того, некоторые нормы прямо допускают элементы автоматизации.

Например, ч. 2 ст. 166 УПК РФ предусматривает возможность применения технологии стенографирования, которая на практике может быть реализована посредством систем автоматического распознавания речи (в том числе на основе ИИ), а относительно новая ст. 474.2 УПК РФ закрепила возможность составления и хранения ходатайств, заявлений, жалоб, повесток, уведомлений и др. в электронной форме, с использованием электронной подписи.

¹ В мировых судах Ижевска внедрены системы распознавания речи для протоколирования заседаний [сайт]. Экспертный центр электронного государства; 2025 [обновлено 22 января 2021; процитировано 03 марта 2025]. Доступно: <https://d-russia.ru/v-mirovyh-sudah-izhevskaja-vnedrenny-sistemy-raspoznaniya-rechi-dlja-protokolirovaniya-zasedanij.html>.

Однако нововведения не затронули всего спектра процессуальных документов, в связи с чем, С.В. Зуев развивает концепцию «цифрового УПК», в рамках которой предполагается использование машиночитаемых форматов юридических документов и виртуальных систем фиксации процессуальных действий [9, с. 72]. В это же время, для совершенствования делопроизводства Х.Х. Рамалданов и Н.И. Зайцев предлагают отказаться от ручного заполнения статистических карточек следователями, заменив этот процесс автоматизированными системами на базе ИИ. По их мнению, это сократит количество ошибок и позволит сотрудникам сосредоточиться на аналитической работе [16, с. 107–112].

Рассмотренные идеи отражают общую тенденцию: постепенный переход от бумажного документооборота к электронному уголовному делу, где все материалы существуют в цифровой форме, а работа с ними значительно облегчается с помощью интеллектуальных технологий, свидетельствующую о возможности другого, более комплексного направления применения искусственного интеллекта.

5. Создание цифровых экосистем и автоматизация коммуникации.

Данное направление частично пересекается с предыдущим, но выходит за рамки отдельных операций и предполагает комплексную цифровую трансформацию процессов предварительного расследования. Ряд ученых предлагает концепцию интегрированных информационных систем, или «цифровых экосистем», охватывающих деятельность следственных органов. По их замыслу, такая экосистема должна объединять различные программные модули и базы данных, используемые в предварительном расследовании, обеспечивая их совместимость и синхронизацию.

В частности, А.Б. Смушкин утверждает, что в эпоху цифровой трансформации особое значение приобретает разработка единой экосистемы следствия, которая позволит оптимизировать информационные потоки, ускорить коммуникацию между органами, а также синхронизировать данные различных платформ, применяемых в криминалистической деятельности [18, с. 242]. Вместо разрозненных цифровых технологий, обслуживающих отдельные задачи (электронный архив, база данных МВД, судебные информационные системы и пр.), следует переходить к единому цифровому контуру, способному автоматически обмениваться сведениями и выполнять рутинные операции. Этой идее созвучен подход Л.Н. Масленниковой, предлагающей разработать экосистему начального этапа уголовного судопроизводства, обеспечивающую автоматизированную регистрацию сообщений о преступлениях, ведение процессуальных документов и их хранение на защищенных серверах [13, с. 52].

Неотъемлемым компонентом подобной экосистемы должна стать технология ИИ, алгоритмы которой способны выполнять вспомогательные интеллектуальные функции: автоматическая проверка процессуальных документов (выявление пропущенных подписей, несоответствий в формулировках, контроль сроков), мониторинг соблюдения процедур, уведомление должностных лиц о возможных нарушениях. Кроме того, в рамках экосистемы ИИ может решать задачу, имеющую важное антикоррупционное значение.

Как отмечает О.В. Овчинникова, автоматизированное распределение уголовных дел между следственными органами и конкретными следователями способно существенно снизить коррупционные риски и субъективизм при назначении дел. Внедрение такого механизма исключит возможность «ручного» выбора исполнителя по делу, обеспечивая равномерную нагрузку и прозрачность [14, с. 91].

Представляется, реализация концепции цифровой экосистемы сопряжена с серьезными правовыми проблемами, ключевым препятствием, из числа которых, является отсутствие процессуальных механизмов реализации элементов доказывания в цифровой форме. Данный тезис подтверждается позицией о том, что внедрение искусственного интеллекта должно быть последовательным и сопровождаться созданием четко регламентированной процедуры работы с электронными доказательствами, обеспечивающей их процессуальную допустимость и надежность [5, с. 92].

Необходимость поэтапного совершенствования уголовного судопроизводства подчеркивает Р.В. Костенко, выделяя семь ключевых этапов, которые должны предшествовать технологической интеграции искусственного интеллекта и машинного обучения. Такой подход позволит минимизировать негативные последствия, связанные с цифровизацией уголовного процесса, обеспечивая его адаптацию к новым реалиям [12, с. 75].

На основании вышеизложенного, следует заключить, что успешное внедрение технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство возможно в рамках механизма производства отдельных следственных действий, для проведения экспертиз, прогнозирования состояния

предварительного расследования, а так же в качестве вспомогательного средства составления процессуальных решений. Вместе с тем, реализация всего потенциала указанной технологии на данный момент невозможна, в силу правовых факторов. Наиболее перспективным направлением развития законодательства, представляется его поэтапное совершенствование, направленное на регламентацию работы с электронными доказательствами, положений о допустимости использования искусственного интеллекта в следственных действиях, что обуславливает необходимость создания надежных правовых механизмов, закрепляющих процессуальную форму применения искусственного интеллекта и обеспечивающих допустимость работы с цифровыми данными.

Список использованной литературы:

1. Бирюков В.В. Искусственный интеллект: потенциал, проблемы и перспективы использования в расследовании преступлений. *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2024;(2):94–102. DOI: 10.18522/2313-6138-2024-11-2-12.
2. Воробьева И.Б. Применение больших данных (Big Data) при прогнозировании и расследовании преступлений. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021;(3):195–202. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-3-195-202.
3. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости. *Lex Russica*. 2019;(5):91–104.
4. Гладышева О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий. *Юридический вестник Самарского университета*. 2017;(4):105–109.
5. Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(1):89–99. DOI: 10.31429/20785836-16-1-89-99.
6. Глимеяда В.В. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в отечественном судопроизводстве. *Современный ученый*. 2020;(6):320–327.
7. Головки Л.В. М.С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2021;(3):29–36.
8. Зеленский В.Д., Чирьев И.С., Жукова П.С. Информационные технологии в деятельности следователя. *Право и государство: теория и практика*. 2023;(2):194–196.
9. Зуев С.В., Зазулин А.И. Цифровой УПК: новая концепция развития права. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024;(1):67–77.
10. Карташов И.И., Карташов И.И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты. *Актуальные проблемы государства и права*. 2021;(17):75–89.
11. Кокорева Л.В., Мельников Н.С. Возможности использования искусственного интеллекта в деятельности следователя. *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2023;(1):187–190.
12. Костенко Р.В. Тенденции и перспективы использования современных технологий в досудебном производстве в системе российского уголовного процесса / В кн.: Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2023.
13. Масленникова Л.Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2020;(10):52–65.
14. Овчинникова О.В. Перспективы применения искусственного интеллекта в досудебном производстве. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2022;(1):89–93.
15. Палиева О.Н., Семенцова И.А. Использование искусственного интеллекта и информационных технологий в ходе расследования уголовных дел. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки*. 2021;(2):35–40. DOI: 10.21777/2587-9472-2021-2-35-40.
16. Рамалданов Х.Х., Зайцев Н.И. О целесообразности поступательной цифровизации отечественного уголовного судопроизводства. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024;(4):107–112. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-43-4-107-112.
17. Семенцов В.А. Искусственный интеллект в следственных действиях. *Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности*. Ижевск: Удмуртский государственный университет; 2024.
18. Смушкин А.Б. Об экосистеме предварительного расследования. *Вестник Томского государственного университета*. 2023;(488):242–247
19. Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;(2):481–496. DOI: 10.21202/jdtl.2023.20.
20. Севастьянов П.В. Цифровые технологии фиксации невербальной доказательственной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 22 с.
21. Гаршева М.Н., Вастьянова О.Д. Искусственный интеллект в борьбе с преступностью: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты. *Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова*. 2024;(3):266–275.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глимеда Виталий Витальевич

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет

ORCID: 0000-0003-0279-9795

Author ID: 1130550

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-71-79>

ЭВОЛЮЦИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦИФРОВОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Костенко Р.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Костенко Р.В. Эволюция непосредственности исследования доказательств в цифровом уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):71–79. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-71-79>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 440-53-25

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 22.04.2025

Статья принята к печати: 21.05.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: В условиях стремительной и неизбежной цифровизации уголовного судопроизводства возникают противоречия между традиционным пониманием и реализацией непосредственности исследования доказательств, закрепленной в ст. 240 УПК РФ, и новыми технологическими форматами судебного разбирательства. Конструкция данного общего условия судебного разбирательства, сформировавшаяся в «доцифровую» эпоху сталкивается с вызовами при проведении судебных заседаний путем видео-конференц-связи, дистанционном допросе участников, исследовании цифровых данных и других проявлениях цифровизации уголовного правосудия.

В науке уголовного процесса непосредственность исследования доказательств традиционно рассматривалась как обязательное условие формирования внутреннего убеждения судьи, основанного на личном восприятии и оценке доказательно значимых сведений и их источников. Однако применение этого классического подхода к цифровым форматам уголовного судопроизводства выявляет значительные теоретические, законодательные и практические проблемы, требующие научного переосмысления.

Цель настоящей работы состоит в раскрытии направлений эволюции непосредственности исследования доказательств в условиях цифрового уголовного судопроизводства и формировании научно обоснованных предложений по модернизации отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*: анализ традиционной концепции непосредственности исследования доказательств; выявление противоречий между требованиями ст. 240 УПК РФ и реалиями цифрового уголовного судопроизводства; изучение зарубежного опыта в вопросе непосредственности исследования доказательств в условиях цифровизации уголовного правосудия; разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства РФ.

Методы исследования: системно-структурный анализ, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод правового моделирования.

Результаты: 1) обоснована необходимость переосмысления традиционного понимания и реализации непосредственности исследования доказательств в судебном разбирательстве применительно к цифровому уголовному процессу; 2) выявлены ключевые проблемы и противоречия

между требованиями ст. 240 УПК РФ и отдельными современными форматами цифрового судебного разбирательства; 3) сформулированы концептуальные направления модернизации такого общего условия судебного разбирательства, как непосредственность исследования доказательств; 4) разработаны предложения по совершенствованию национального уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, непосредственность исследования доказательств, судебное разбирательство, цифровизация, видео-конференц-связь, общие условия судебного разбирательства, статья 240 УПК РФ.

Введение

Современный научно-технический прорыв в области цифровых технологий существенно ускорил их внедрение в судебную деятельность при производстве по уголовным делам, трансформируя многие традиционные уголовно-процессуальные практики. Дистанционное участие в судебных заседаниях, электронный документооборот, распространение использования видео-конференц-связи для допросов участников судебных заседаний, исследование цифровых данных – все эти явления из экспериментальных новаций превращаются в повседневную реальность уголовного правосудия.

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о совместимости новых технологических форматов уголовного судопроизводства с фундаментальными уголовно-процессуальными константами, сформировавшимися в принципиально иных условиях. Среди таких особое место занимает непосредственность исследования доказательств – общее условие судебного разбирательства, закрепленное в ст. 240 УПК РФ. Согласно этому общему условию, суд обязан непосредственно исследовать все доказательства по уголовному делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы следственных действий и иные документы.

Традиционная доктрина уголовного процесса рассматривает непосредственность исследования доказательств как неотъемлемую гарантию формирования внутреннего убеждения судьи. Предполагается, что только личное восприятие показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств, протоколов, документов позволяет суду правильно оценить их достоверность, относимость, допустимость и достаточность для принятия обоснованного и справедливого решения по уголовному делу. При этом, непосредственность создает необходимый базис для реализации устности, состязательности и гласности судебного разбирательства, обеспечивая тем самым комплексную систему процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства.

Однако «наступление» эры цифровой формы уголовного судопроизводства ставит под «сомнение» традиционное понимание и реализацию непосредственности исследования доказательств в суде. Возникают такие фундаментальные вопросы: несмотря на законодательное закрепление в ч. 4 ст. 240 УПК РФ возможности проведения допроса и иных судебных действий путем использования систем видео-конференц-связи, насколько такой формат обеспечивает полноценную реализацию непосредственности исследования доказательств, например, показаний? Обеспечивает ли исследование цифровых копий документов тот же уровень достоверности, что и изучение оригиналов? Позволяет ли дистанционное участие подсудимого в судебном заседании в полной мере реализовать его право на защиту? В каких случаях технологические «посредники» (экраны, камеры, микрофоны) не нарушают сущность непосредственного исследования доказательств, а в каких – создают непреодолимый барьер между судом и доказательствами?

Эти и другие вопросы имеют не только теоретическое, но и острое практическое значение, что подтверждается, к примеру, Постановлением Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П¹, признавшим ст. 240 УПК РФ частично не соответствующей Конституции РФ.

Полагаем, система правового регулирования судебного разбирательства уголовных дел должна адаптироваться к новым технологическим реалиям, но при этом сохранять процессуальные гарантии участников уголовного судопроизводства. Некритичное принятие цифровых форматов без учета доктринальных основ непосредственности исследования доказательств может создать риски для ограничения или ущемления прав участников судебного разбирательства.

В отечественной научной литературе наблюдается определенный дефицит комплексных исследований по вопросу эволюции непосредственности исследования доказательств в условиях

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

цифровизации. Существующие работы либо концентрируются на отдельных аспектах, проблемах (например, использовании видео-конференц-связи), либо рассматривают общие вопросы цифровизации правосудия без углубленного анализа трансформации конкретных уголовно-процессуальных институтов. Между тем, непосредственность исследования доказательств представляет собой сложносоставную юридическую конструкцию, каждый элемент которой по-разному взаимодействует с новыми технологическими форматами.

Настоящее исследование направлено на комплексное осмысление эволюции непосредственности исследования доказательств при переходе в цифровую эпоху уголовного правосудия. Особое внимание уделяется выявлению тех аспектов непосредственности, которые сохраняют свое фундаментальное значение независимо от технологического контекста, и тех, которые требуют переосмысления и модернизации. На этой основе формулируются конкретные предложения по совершенствованию отечественного уголовно-процессуального законодательства с учетом цифровых возможностей при сохранении сущностных гарантий проведения качественного и справедливого судебного разбирательства уголовного дела.

Методы исследования

Методология настоящего исследования обусловлена его целью и задачами, а также комплексным характером изучаемой проблемы, находящейся на пересечении традиционных уголовно-процессуальных институтов и современных цифровых технологий. Для всестороннего анализа трансформации непосредственности исследования доказательств в условиях перехода к цифровому уголовному судопроизводству применялась совокупность взаимодополняющих научных методов, обеспечивающих достоверность и обоснованность полученных результатов. Системно-структурный анализ позволил рассмотреть непосредственность исследования доказательств как сложноорганизованную систему процессуальных требований и гарантий, выявить ее внутренние элементы и взаимосвязи между ними. Сравнительно-правовой метод применялся в двух ключевых направлениях. Во-первых, он позволил сопоставить традиционное и цифровое воплощение непосредственности исследования доказательств, выявив как преимущества, так и риски новых технологических форматов. Во-вторых, данный метод был использован для изучения зарубежной доктрины и зарубежного опыта адаптации требования непосредственного исследования доказательств к условиям цифровизации. Формально-юридический метод обеспечил детальный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, в первую очередь ст. 240 УПК РФ и связанных с ней положений. Метод правового моделирования использовался для разработки перспективных направлений совершенствования национального уголовно-процессуального законодательства.

Результаты исследования

1. Теоретико-правовой анализ непосредственности исследования доказательств в условиях перехода к цифровизации уголовного судопроизводства. Непосредственность исследования доказательств как общее условие судебного разбирательства в традиционной доктрине уголовного процесса имеет многоаспектную природу. Анализ научных работ, посвященных данной проблематике, позволяет выделить несколько ключевых элементов непосредственности, каждый из которых по-разному взаимодействует с цифровыми форматами уголовного судопроизводства. Первый элемент – личное восприятие судом и сторонами первоисточников доказательственной информации. Классическая концепция непосредственности предполагает, что судья и стороны должны (в «идеальных» условиях) воспринимать доказательства «из первых рук», без промежуточных звеньев. Данное требование направлено на минимизацию искажений при передаче информации. В условиях цифровизации возникает вопрос: является ли технологический «посредник» (экран, камера, микрофон) таким промежуточным звеном, нарушающим непосредственность восприятия? Проведенный анализ позволяет утверждать, что ключевым фактором здесь выступает не физическое присутствие самого доказательства и его источника в зале суда, а возможность полноценного сенсорного восприятия доказательственной информации судом и сторонами. В частности, системы видео-конференц-связи при надлежащем техническом качестве обеспечивают визуальное и аудиальное восприятие, сопоставимое с физическим присутствием, что позволяет сохранить сущностное ядро данного элемента непосредственности. Второй элемент – связь с устностью исследования доказательств, предполагающая, в том числе, живое общение между судом и участниками процесса. В традиционном понимании устность судебного разбирательства связана также с физическим сопresутствием в едином пространстве-времени. В цифровом формате возникают определенные ограничения: затруднена невербальная коммуникация, могут возникать задержки в трансляции, проблемы с синхронизацией. Однако эти ограничения носят преимущественно технический, а не уголовно-процессуальный

характер. Так, например, современные технологии видео-конференц-связи в значительной степени преодолевают указанные ограничения, обеспечивая возможность полноценного диалога между судом и сторонами. Третий элемент – взаимосвязь непосредственности с правом на защиту и состязательностью. В классическом понимании непосредственность исследования доказательств создает условия для эффективной реализации стороной защиты своих прав, в том числе, возможность задавать вопросы, представлять доказательства, комментировать позицию стороны обвинения. В цифровом формате возникают определенные риски: технические сбои могут привести к неполному восприятию информации, затруднить коммуникацию между подсудимым и защитником, создать неравные условия относительно сторон. Четвертый элемент – непрерывность восприятия доказательств. Классическая модель непосредственности предполагает, что судья, непрерывно участвующий в процессе, формирует целостное впечатление о доказательствах и их взаимосвязи с совершенным преступлением. В цифровом формате возникают риски фрагментации восприятия из-за технических сбоев, многоэкранного режима, переключения между участниками. Здесь требуются специальные технические и организационные меры для обеспечения целостности восприятия. Таким образом, теоретико-правовой анализ показывает, что цифровизация не обязательно противоречит сущности непосредственности исследования доказательств, но требует переосмысления отдельных ее элементов и создания дополнительных уголовно-процессуальных гарантий в новом технологическом контексте.

2. Практические проблемы реализации непосредственности исследования доказательств в условиях цифрового судопроизводства. Изучение судебной практики позволило выявить ряд практических проблем, возникающих при реализации требований ст. 240 УПК РФ в условиях цифрового судопроизводства:

– проблемы технического характера, влияющие на качество непосредственного восприятия доказательств. К ним относятся: низкое качество изображения и звука, задержки в трансмиссии данных, сбои в подключении, недостаточная освещенность помещений, в которых находятся удаленные участники судопроизводства. Такие технические несовершенства могут существенно исказить восприятие невербальных реакций допрашиваемых лиц, интонаций, мимики, что затрудняет оценку, например, достоверности показаний;

– проблемы процессуальной фиксации хода и результатов дистанционного исследования доказательств. Существующие формы (письменная и аудиальная) протоколов судебных заседаний не в полной мере учитывают специфику цифровых форматов, часто не отражают технические условия проведения видео-конференц-связи, что затрудняет последующую проверку соблюдения уголовно-процессуальных гарантий участников судебных производств;

– проблемы обеспечения конфиденциальности общения подсудимого с защитником при дистанционном участии в судебном заседании. В условиях физического присутствия в зале суда такое общение может происходить непосредственно, без использования технических средств. При дистанционном участии требуются специальные технические решения для обеспечения конфиденциальности, которые не всегда доступны или эффективны;

– проблемы идентификации лиц, участвующих в судебных заседаниях по видео-конференц-связи, и аутентификации представляемых ими цифровых сведений, цифровых носителей. В условиях физического присутствия такая идентификация производится с использованием традиционных документов, удостоверяющих личность. В цифровой среде требуются новые механизмы идентификации и аутентификации;

– проблемы обеспечения равенства процессуальных возможностей сторон. При частичной цифровизации (когда часть участников находится в зале суда, а часть участвует дистанционно) может возникать процессуальный дисбаланс. Например, участник, физически присутствующий в зале суда, может иметь преимущества в представлении доказательств, в скорости реакции на аргументы оппонента, в возможностях использования невербальных средств коммуникации;

– проблемы исследования цифровых сведений и их источников. При представлении электронных документов, цифровых фотографий, аудио- и видеозаписей возникают вопросы об их подлинности, целостности, способах проверки и оценки. Традиционные подходы к исследованию вещественных доказательств и документов оказываются неприменимыми к цифровым объектам, что требует разработки специальных уголовно-процессуальных процедур.

3. Направления модернизации уголовно-процессуального законодательства РФ о непосредственности исследования доказательств. На основе проведенного теоретико-правового анализа и изучения практических проблем можно сформулировать следующие направления модернизации УПК РФ о непосредственности исследования доказательств в условиях цифровизации:

– дифференцированный подход к непосредственному исследованию различных видов доказательств. Представляется обоснованным внедрение в ст. 240 УПК РФ положений, учитывающих специфику различных видов доказательств при их исследовании в цифровом формате. Так, для показаний необходимо установить особые требования к техническому качеству видео-конференц-связи, обеспечивающему полноценное восприятие вербальной и невербальной информации. Для вещественных доказательств целесообразно предусмотреть возможность их 3D-моделирования и виртуального осмотра с использованием специальных технических средств. Для письменных доказательств важно разработать процедуры, обеспечивающие аутентификацию электронных копий;

– закрепление технических стандартов для систем видео-конференц-связи. Необходимо предусмотреть в законодательстве положения, устанавливающие минимальные технические требования к системам, используемым для проведения судебных заседаний в дистанционном формате. Такие требования должны касаться качества изображения и звука, надежности соединения, защиты информации, способов идентификации участников, возможностей демонстрации доказательств. Также целесообразно предусмотреть обязательное техническое освидетельствование используемых систем на соответствие установленным стандартам;

– модернизация уголовно-процессуальной документации. Необходимо внести изменения в ст. 259 УПК РФ, предусмотрев особенности протоколирования при дистанционном участии в судебном заседании. В протоколе должны отражаться: технические параметры используемой системы видео-конференц-связи, способы идентификации удаленных участников, факты технических сбоев и меры по их устранению, условия нахождения удаленных участников (включая освещение, акустику помещения, отсутствие постороннего воздействия, и т.п.);

– расширение процессуальных гарантий для подсудимого при дистанционном участии. Необходимо дополнить ст. 47 УПК РФ и ст. 53 УПК РФ положениями, обеспечивающими реализацию права на защиту в цифровом формате. В частности, следует предусмотреть обеспечение технической возможности конфиденциального общения подсудимого с защитником, право подсудимого на полный обзор зала судебного заседания, техническую возможность демонстрации доказательств;

– появление и развитие уголовно-процессуальных механизмов исследования цифровых данных и их носителей. Целесообразно дополнить УПК РФ новыми нормами, где будут определены: понятие и виды цифровых доказательств, порядок их представления и исследования, требования к специалистам, участвующим в их исследовании, способы проверки подлинности и целостности цифровой информации;

– обеспечение равенства процессуальных возможностей сторон. Необходимо закрепить в УПК РФ положения, гарантирующие равные возможности сторон при цифровом формате судебного заседания. В частности, следует предусмотреть одинаковые технические условия участия сторон (если одна из сторон участвует дистанционно, то другая сторона должна иметь аналогичные возможности), равный доступ к цифровым данным, одинаковые возможности демонстрации доказательственных материалов;

– необходимо конкретизировать в УПК РФ случаи, когда дистанционное участие недопустимо или требует дополнительных гарантий. В частности, следует предусмотреть, что по ходатайству подсудимого суд обязан обеспечить его физическое присутствие в зале суда при исследовании ключевых доказательств обвинения.

Предлагаемые направления модернизации нашего уголовно-процессуального законодательства позволят сохранить рамки непосредственности исследования доказательств как гарантии справедливого и качественного судебного разбирательства, адаптировав его к реалиям цифрового правосудия.

Научная дискуссия

В научном сообществе ряд авторов настаивают на неизменности фундаментальной сущности непосредственности исследования доказательств в суде [4, с. 119–122; 5, с. 112–117; 6, с. 25–30; 7, с. 182–188; 8, с. 35–43]. По их мнению, личное восприятие доказательств судом и сторонами составляет неотъемлемое ядро состязательного и справедливого судебного разбирательства. Подчеркивается, что непосредственность исследования доказательств представляет собой гносеологическую основу формирования внутреннего убеждения судьи (суда). Соответственно, сторонники данного подхода скептически относятся к возможности полноценной реализации ст. 240 УПК РФ в условиях перехода к цифровым инструментам рассмотрения уголовных дел.

Другие ученые придерживаются более гибкого подхода, допуская трансформацию отдельных компонентов, составляющих непосредственное исследование доказательств [2, с. 13–17; 3, с. 271–273]. Они отмечают, что в современном уголовном процессе необходимо функциональное, а не формальное

понимание непосредственности исследования доказательств. Поэтому ключевым является не физическое присутствие доказательства и источника доказательств перед судом и сторонами, а полнота и достоверность передачи доказательственной информации от источника к субъекту оценки.

Особую группу образуют исследования, авторы которых обращают внимание на сложносоставную природу непосредственности, различные элементы которой по-разному взаимодействуют с друг с другом [1, с. 110–112; 9, с. 90–97; 10, с. 68–78; 11, с. 142–147]. В данных работах отмечается, что непосредственность включает в себя пространственный, временной и процессуальный аспекты.

Изучение зарубежного опыта демонстрирует активный поиск баланса между традиционными институтами уголовного процесса и требованиями цифровой эпохи. В мировой уголовно-процессуальной науке и практике последних лет наблюдается трансформация понимания непосредственности исследования доказательств, которая развивается по-разному в различных правовых системах.

В странах континентальной (романо-германской) правовой семьи непосредственность исследования доказательств в суде является не только традиционной устоявшейся формой восприятия доказательственной информации в судебных заседаниях, но и имеет детальное законодательное закрепление. Так, например, в Германии §250 Уголовно-процессуального кодекса (StPO) требует личного допроса свидетеля в суде и исключает замену «живого» показания оглашением ранее данных письменных показаний [17].

Однако, пандемия COVID-19 стала катализатором законодательных изменений в большинстве европейских стран. В частности, в Польше Законом от 19 июня 2020 г. были внесены изменения в УПК, разрешающие проведение заседаний с использованием видео-конференц-связи с синхронной передачей изображения и звука [18].

В странах общего права проявлением непосредственности исследования доказательств выступает запрет на «*hearsay*» (показания с чужих слов) и конституционное право обвиняемого на очную ставку со свидетелями. К примеру, Верховный суд США последовательно отстаивал значение личного присутствия подсудимого в суде для оценки достоверности его показаний, что составляет сущность непосредственности в англосаксонской традиции. Вместе с тем, развитие цифровизации в условиях пандемии COVID-19 поставили под вопрос абсолютность этих требований. В Великобритании *Coronavirus Act 2020* временно расширил использование видео- и аудиосвязи в уголовных судах. Английские суды перешли к «полностью виртуальным» и «гибридным» заседаниям, при этом судебное руководство подчеркивало необходимость проведения слушаний «настолько близко к допандемийной норме, насколько возможно», с особым вниманием к качеству связи и возможности наблюдать за поведением свидетелей [12]. Как отмечают отдельные исследователи, в английском уголовном процессе манера и эмоции свидетеля имеют большое значение для оценки достоверности его показаний, поэтому технические сбои при дистанционном участии могут существенно влиять на реализацию непосредственности и исказить восприятие доказательств [12].

Зарубежное научное сообщество активно разрабатывает новые подходы к трансформации непосредственности исследования доказательств, адаптированные к цифровой эпохе.

Так, можно выделить исследование «*Remote Criminal Justice and Vulnerable Individuals*», в котором анализируется влияние дистанционного формата уголовного судопроизводства на эмоциональное восприятие и эмпатию участников процесса, отмечается возникновение эффекта «экранного дистанцирования», который может исказить оценку показаний [14].

Интересна предложенная концепция «права на современный суд», согласно которой государство обязано обеспечить, чтобы уголовное судопроизводство отвечало реалиям цифрового века, не жертвуя при этом базовыми уголовно-процессуальными гарантиями [15].

Другие обращают внимание на исследования в области судебной психологии, которые выявили особенности восприятия доказательств в цифровом формате. Было установлено, что судьи и присяжные склонны воспринимать показания свидетелей по видеосвязи как менее достоверные, а технические проблемы со связью значительно снижают оценку убедительности показаний [16].

Отдельные авторы анализируют проблему «цифровых доказательств» и отмечают, что традиционное понимание непосредственности не решает вопросы доверия к данным, созданным без участия человека [13].

В целом, зарубежный опыт демонстрирует, что успешная трансформация непосредственности исследования доказательств в цифровую эпоху возможна при соблюдении баланса между технологическими инновациями и базовыми (традиционными) уголовно-процессуальными институтами. При этом даже в условиях цифровизации личное присутствие участников судебных

разбирательств и непосредственное восприятие доказательств судом продолжают рассматриваться как оптимальная форма уголовного судопроизводства, от которой допускаются отступления только при наличии веских оснований и компенсирующих механизмов.

Действующие положения ст. 240 УПК РФ, закрепляющие непосредственность и устность судебного разбирательства, были приняты еще в условиях традиционного «доцифрового» уголовного судопроизводства и лишь впоследствии эта норма дополнялась положениями, учитывающими некоторые (видео-конференц-связь) технологические новации. Также УПК РФ дополнялся и другими нормами в контексте расширения и использования систем видео-конференц-связи (ст. 241.1 УПК РФ, ст. 278.1 УПК РФ).

Анализ отечественной судебной практики последних лет выявляет противоречивые тенденции в реализации требований непосредственности исследования доказательств в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. С одной стороны, суды все активнее используют, к примеру, видео-конференц-связь при проведении судебных заседаний. В частности, также как и зарубежных юрисдикциях, пандемия COVID-19 существенно ускорила процесс интеграции такой цифровой технологии, сделав видео-конференц-связь уже привычным инструментом в судебной деятельности. С другой стороны, технические и организационные условия использования видео-конференц-связи существенно различаются в разных судах, что создает неравенство в реализации уголовно-процессуальных прав участников судопроизводства. В некоторых случаях низкое качество связи приводит к неполному восприятию показаний, других доказательств, затрудняет коммуникацию между участниками судебных заседаний. В то же время, судебная практика демонстрирует и позитивные примеры адаптации такого общего условия судебного разбирательства, как непосредственность исследования доказательств, к цифровой реальности. В частности, некоторые суды используют современные технологические решения, обеспечивающие высокое качество передачи аудио- и видеoinформации, возможность детального исследования цифровых данных и их носителей, равные условия для сторон при дистанционном участии. Заслуживают внимания практики использования нескольких камер в зале суда для обеспечения полного обзора происходящего, технические решения для конфиденциального общения подсудимого с защитником, системы электронного документооборота, позволяющие оперативно предоставлять материалы всем участникам процесса.

На наш взгляд, непосредственность исследования доказательств как общее условие судебного разбирательства в уголовном процессе претерпевает сложную эволюцию под влиянием цифровизации. Эта эволюция имеет диалектический характер: цифровые технологии одновременно расширяют возможности восприятия доказательственной информации и создают новые барьеры между судом, сторонами и доказательствами. В этих условиях требуется не буквальное сохранение и «следование» традиционным формам непосредственности при исследовании доказательств, а выявление и защита ее сущностных элементов при адаптации к цифровым форматам.

Цифровые технологии неравномерно влияют на реализацию непосредственности исследования доказательств. Наименее проблематичной является использование цифровых инструментов при исследовании письменных доказательств, где электронные копии при надлежащей аутентификации могут обеспечивать уровень оценки достоверности, сопоставимый с оригиналами. Более сложные вопросы возникают при дистанционном допросе участников судебного заседания, где качество технических средств имеет решающее значение для полноценного восприятия вербальной и невербальной информации. Наиболее чувствительной областью является дистанционное участие подсудимого в судебном заседании, где возникают риски нарушения права на защиту, конфиденциальности общения с защитником.

В условиях возрастающей роли цифровых доказательственных данных особого внимания заслуживает разработка новых уголовно-процессуальных норм, посвященных особенностям их исследования в судебном разбирательстве. В этих нормах следует определить: понятие и виды цифровых доказательств; порядок их представления и исследования; требования к специалистам, участвующим в их исследовании; способы проверки подлинности и целостности цифровой информации; права участников процесса при исследовании цифровых доказательств. Также необходима разработка уголовно-процессуальных процедур аутентификации цифровых доказательств, обеспечения их целостности в процессе хранения и передачи, а также способов проверки отсутствия модификаций. Эти процедуры должны учитывать как технические особенности цифровой информации, так и традиционные требования доказательственного права к достоверности, относимости, допустимости и достаточности доказательств.

Цифровизация судопроизводства неизбежно потребует модернизации протоколирования судебных заседаний. В протоколе должны отражаться: технические параметры используемых систем видео-конференц-связи; способы идентификации удаленных участников; факты технических сбоев и принятые меры; условия нахождения удаленных участников. Целесообразно также предусмотреть возможность интеграции аудио- и видеозаписи заседания в электронный протокол, что повысит полноту и достоверность фиксации хода судебного разбирательства.

На уровне подзаконных актов необходимо разработать и утвердить технические стандарты для цифрового судопроизводства, включая: требования к качеству видео-конференц-связи; стандарты защиты информации; требования к оборудованию залов судебных заседаний и помещений для дистанционного участия; протоколы действий при технических сбоях. Эти стандарты должны периодически обновляться с учетом развития технологий и анализа судебной практики.

В заключение следует отметить, что эволюция непосредственности исследования доказательств в наступающую цифровую эпоху уголовного правосудия представляет собой объективный процесс, обусловленный развитием технологий. Задача уголовно-процессуальной науки и законодателя заключается не в противодействии этому процессу, а в его поддержке и регулировании таким образом, чтобы технологические инновации способствовали повышению эффективности уголовного правосудия при сохранении всех уголовно-процессуальных гарантий. Только такой подход позволит адаптировать традиционные институты уголовного процесса к требованиям цифровой эпохи без ущерба для прав и законных интересов участников судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Аниськова Ю.Д., Топильская К.Е. Исследование доказательств и реализация принципа состязательности в судебном производстве по УПК РФ. *Advances in Science and Technology: Сборник статей XXXIX международной научно-практической конференции*. М.: ООО «Актуальность.РФ»; 2021.
2. Беседин Г.Е. О соотношении производных доказательств и принципа непосредственности в уголовном процессе России. *Российский судья*. 2022;(8):13–17. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-13-17.
3. Бондаренко А.А. Обеспечение непосредственного исследования вещественных доказательств, имеющих значение в двух и более уголовных делах. *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: XXVII международная научно-практическая конференция*: в 2-х частях. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России; 2024.
4. Бурносова Ю.Л. Значение правила непосредственности в справедливом уголовном судопроизводстве. *Тенденции развития науки и образования*. 2021;(78-3):119–122. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-115.
5. Бурносова Ю.Л. Методологическое значение правила непосредственности исследования доказательств в уголовном судопроизводстве. *Современное государство и правовая система: материалы международной научно-практической конференции преподавателей и аспирантов*. Смоленск: Саратовская государственная юридическая академия; 2021.
6. Бурносова Ю.Л. О необходимости уточнения понятия «непосредственность исследования доказательств». *Модели правосудия XXI века: теоретические и практические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. М.: Российский государственный университет правосудия; 2023.
7. Бурносова Ю.Л. О совершенствовании редакции статьи 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. *Стратегия развития государства и права в России в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов*. Смоленск: ООО «Свиток»; 2023.
8. Виницкая Ю.Л. К вопросу о понятии непосредственности в уголовном процессе. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2016;16(1):35–43. DOI: 10.14529/law160106.
9. Казарина М.И. Проблемы непосредственного исследования доказательств судьей по уголовному делу. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2019;(26(4)):90–97.
10. Михайлов А.А. Принцип непосредственности как метод исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел. *Уголовная юстиция*. 2018;(11):68–78. DOI: 10.17223/23088451/11/14.
11. Петрикин В.Ю. Нарушение права на защиту несоблюдением судом требования непосредственного исследования доказательств. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024;(4):142–147. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.025.
12. Fortson R. Adjusting to COVID-19 under the English Criminal Justice System. *Eucrim*. 2021;(2):116–122.
13. Gless S. AI in the Courtroom: A Comparative Analysis of Machine Evidence in Criminal Trials. *Georgetown Journal of International Law*. 2020;(51) [сайт]. Базельский университет, юридический факультет; 2025 [обновлено 20 июня 2020; процитировано 14 апреля 2025]. Доступно: https://ius.unibas.ch/fileadmin/user_upload/ius/09_Upload_Personenprofile/01_Professuren/Gless_Sabine/AI_in_the_courtroom_GT-GJIL2020.pdf

14. McKay C., Macintosh K. Remote Criminal Justice and Vulnerable Individuals: Blunting Emotion and Empathy? *Tilburg Law Review*. 2024;(29(2)) [сайт]. *Tilburg Law Review*; 2024 [обновлено 20 февраля 2024; процитировано 14 апреля 2025]. Доступно: <https://tilburglawreview.com/articles/10.15574/tlaw.2023.003/>.

15. Osztoivits A. Right to a modern trial: a new principle on the horizon of the digital age. *Hungarian Journal of Legal Studies*. 2023;(64(3)):219–234.

16. Risko E.F., Ferguson A.M., McLean D. How do juries assess credibility in face-to-face and remote contexts? *Applied Cognitive Psychology*. 2022;(36(3)):563–575.

17. Sanders A. Video-Hearings in Europe Before, During and After the COVID-19 Pandemic. *International Journal for Court Administration*. 2021;(12(2)) [сайт]. *International Journal for Court Administration*; 2025 [обновлено 12 октября 2021; процитировано 14 апреля 2025]. Доступно: <https://www.iacajournal.org/articles/10.36745/ijca.379/>.

18. Tomczak K., Majchrzak M. Polish Criminal Procedure During COVID-19 Pandemic: New Remote Hearing Options. *Lexology*. 2020 [сайт]. *Lexology*; 2025 [обновлено 09 августа 2020; процитировано 14 апреля 2025]. Доступно: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=8e3e2ec9-5f0e-4223-b0c7-15bb9d57c635>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костенко Роман Валерьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-80-86>

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ – ОСНОВНОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АКТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Миликова А.В.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(Университетский пр-кт, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062)

Ссылка для цитирования: Миликова А.В. Обвинительное заключение – основной уголовно-процессуальный акт предварительного следствия. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):80–86. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-80-86>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Миликова Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Адрес: Университетский пр-кт, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062

Тел.: +7 (8442) 46-55-64

E-mail: milikova_av@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025

Статья принята к печати: 20.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: В рамках данной научной статьи автором исследован основной уголовно-процессуальный акт предварительного следствия – обвинительное заключение. В работе обосновывается сущность и значение обвинительного заключения для всего уголовного процесса. Автором подробно рассмотрены и проанализированы актуальные проблемы как уголовно-процессуальной науки, так и правоприменительной деятельности, связанные с составлением и утверждением данного итогового уголовно-процессуального акта, завершающего досудебное производство.

Цель: исследовать правовую природу обвинительного заключения как основного уголовно-процессуального акта предварительного следствия, выявить проблемные вопросы и обозначить пути их решения.

Задачи: анализ существующих подходов к пониманию и определению обвинительного заключения и его значения для уголовного судопроизводства; выявление особенностей структуры обвинительного заключения и имеющихся проблем; определение возможных направлений совершенствования имеющейся на сегодняшний день формы обвинительного заключения.

Методы: диалектический метод; методы анализа и синтеза; системный подход; логико-юридический; юридической интерпретации.

Результаты: в работе обоснована теоретическая и практическая значимость проведения исследований, касающихся изучения вопросов, связанных с обвинительным заключением; автором определены основные проблемы и дискуссионные вопросы, связанные с изданием, утверждением и дальнейшим использованием обвинительного заключения; разработаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в области применения формы обвинительного заключения.

Ключевые слова: обвинительное заключение, уголовно-процессуальный акт, предварительное следствие, процессуальные документы, следователь, прокурор, судья.

Введение

Важное значение производства предварительного следствия в уголовном процессе не вызывает сомнения ввиду его безусловной ценности для последующих судебных стадий. Необходимость предварительного расследования, как справедливо отмечал С.А. Шейфер, вызвана тем, что оно

предваряет судебные стадии уголовного процесса и создает предпосылки суду для успешного решения стоящих перед ним задач, формируя при этом предмет и пределы судебного разбирательства¹.

Собрав нужные сведения об обстоятельствах совершенного деяния, следователь приходит к выводу о доказанности преступления и виновности лица, которому ранее уже предъявлено обвинение. В связи с этим следователь принимает решение о необходимости окончания предварительного следствия, о чем составляет, как представляется, основной уголовно-процессуальный акт данной стадии, подводящий ее итоги и свидетельствующий о ее результативности – обвинительное заключение. Помимо указанной несомненной значимости обвинительного заключения для государственных органов, важным оно является и для обвиняемого, поскольку позволяет ему организовать свою защиту. С данной целью в ч. 2 ст. 265 УПК РФ содержится положение о том, что судебное разбирательство уголовного дела не может быть начато ранее, чем пройдет семь суток со дня вручения обвиняемому копии обвинительного заключения. В связи с этим, процесс окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения является гарантией обеспечения законности уголовного процесса и защиты прав его участников.

Ф.В. Чирков выделяет процессуальное, воспитательно-предупредительное и организационно-техническое значение обвинительного заключения [13, с. 94]. При этом автор относит защиту прав обвиняемого к числу элементов, имеющих процессуальное значение. Это видится упущением и представляется необходимым выделение правозащитного значения в отдельную группу, ввиду большого значения, придаваемого возможности обвиняемому реализовать свою защиту, о чем мы уже упомянули ранее.

Данная тема, безусловно, имеет особую как теоретическую, так и практическую значимость. Во-первых, для повышения эффективности деятельности органов предварительного следствия, во-вторых, для обеспечения защиты прав граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения.

Таким образом, следует отметить, что обвинительное заключение является уголовно-процессуальным актом, которым завершается стадия предварительного расследования. В нем содержатся выводы о виновности обвиняемого, основанные на результатах проведенного расследования и подтверждаемые достаточным объемом доказательств. Этот акт обеспечивает и защищает права участников уголовного процесса, а также содержит государственно-властное решение о наличии оснований для направления дела в суд для его рассмотрения по существу. Схожего мнения придерживаются Н.Н. Пилюгин, А.С. Евстегнеев, отмечая, что на завершающем этапе предварительного расследования выносятся итоговый обвинительный документ. Он является ключевым уголовно-процессуальным актом и определяет рамки судебного разбирательства по конкретному уголовному делу [6, с. 110].

Стоит отметить, что, по нашему мнению, уголовно-процессуальные акты представляют собой разновидность процессуальных документов, обладающих такими признаками как государственно-властный характер, составление уполномоченными должностными лицами, содержание процессуальных решений и последствие в виде определенных юридических последствий [5, с. 33]. Что соответствует тому утверждению, что обвинительное заключение представляет собой уголовно-процессуальный акт, выносимый следователем в результате проведенного предварительного следствия.

Методы исследования

При подготовке данной статьи использован диалектический метод научного познания. Исследование проводилось также с использованием общенаучных методов анализа и синтеза, а также системного подхода, позволяющего рассматривать изучаемый объект в качестве целостной системы. Кроме того, применялись специфические юридические методы: логико-юридический анализ (построение логических цепочек и выводов в рамках юридической проблематики) и метод юридической интерпретации (толкование и анализ юридических норм и актов). Другими словами, автором комбинировались общенаучные и специальные юридические методы для достижения цели и реализации задач исследования.

Результаты исследования

В соответствии с ч. 1 ст. 215 УПК РФ следователь до составления обвинительного заключения должен признать, что все необходимые следственные действия им произведены, а собранные доказательства достаточны. И в данном случае, бремя ответственности за это процессуальное решение

¹ Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. А.П. Кругликов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 315–316.

определяется процессуальной самостоятельностью и ложится непосредственно на следователя. В данном случае в науке уголовно-процессуального права на протяжении многих лет ведется дискуссия о степени достаточности доказательств, которая является оценочной категорией. Данная оценка дается в соответствии с объективными сведениями – имеющимися доказательствами, но при этом и на основании внутреннего убеждения следователя. Отсюда можно утверждать, что подобная оценка не может быть абсолютно объективной, ввиду необходимости применения мыслительной аналитической деятельности, основанной на знаниях и опыте следователя.

Еще одним немаловажным вопросом, как отмечается в научной литературе, связанным со значением обвинительного заключения, является понимание момента окончания предварительного расследования. Суть полемики заключается в том, оканчивается ли следствие принятием решения и передачей дела прокурору или стоит выделить третью стадию досудебного уголовного процесса. Например, В.А. Лазарева считает, что следует различать окончание предварительного расследования и окончание досудебного производства (формирование государственного обвинения). Объясняется данный подход тем, что между следствием и судебными стадиями отсутствует четкая граница и окончание предварительного следствия не означает начало судебного. Ввиду данных обстоятельств следует разграничивать окончание предварительного следствия и окончание досудебного производства. В связи с чем предлагается признать окончание досудебного производства самостоятельной стадией уголовного процесса [4, с. 24].

Рассматривая позицию И.С. Дикарева на организацию уголовного процесса, мы сталкиваемся с его предложением выделить отдельную стадию, связанную с действиями прокурора по направлению уголовного дела в суд. Автор предлагает ввести в УПК РФ новый раздел VIII.1 с наименованием «Направление уголовного дела прокурором в суд» [2, с. 120–121]. Данная позиция отчасти объяснима положением ч. 2 ст. 162 УПК РФ, которая определяет временные рамки предварительного следствия – от момента возбуждения уголовного дела до момента направления прокурору обвинительного заключения. После этого, все действия прокурора как будто бы выходят за пределы предварительного расследования, тем самым формируя отдельную, самостоятельную стадию.

Однако, такая трактовка, несмотря на свою кажущуюся логичность, вызывает определенные вопросы. Необходимо детально разобраться в сути подобного предложения. Если рассматривать действия прокурора после получения обвинительного заключения как самостоятельную стадию, то это влечет за собой не только пересмотр существующей структуры УПК РФ, а также возможно потребует разработки новых процессуальных норм, регулирующих порядок действий прокурора на этой новой стадии, изменится и статус прокурора в уголовном процессе. Все это потребует существенного переосмысления всей системы уголовного судопроизводства. Более того, можно согласиться с позицией А.П. Рыжакова, который представляет действия прокурора в данном контексте не как отдельную стадию, а как один из видов уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой им в рамках уже существующей системы предварительного расследования [11, с. 106]. Представляется, что мнение А.П. Рыжакова, рассматривающего действия прокурора как один из видов деятельности в рамках стадии предварительного расследования, видится рациональным и не требующим радикальных изменений. Однако, подобная дискуссия, несомненно, заслуживает продолжения и более глубокого изучения.

Верной видится и позиция С.Б. Россинского и А.П. Шумской, которые полагают, что составление обвинительного заключения и признание предварительного следствия окончанным не подразумевает два отдельных процессуальных решения, в данном случае, по мнению авторов, решение все же одно, но принимаемое в дящемся процессуальном порядке [10, с. 152]. Что еще раз подтверждает обоснованность выбранной нами позиции.

Научная дискуссия

Важным аспектом завершения предварительного следствия является двухэтапный процесс привлечения лица в качестве обвиняемого [8, с. 139]. В ходе этого процесса, первоначально подозреваемый в совершении преступления становится обвиняемым дважды. В первый раз – при вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и во второй при составлении обвинительного заключения. Важно отметить, что между двумя данными процессуальными решениями квалификация преступления может быть изменена. В таком случае, согласно ст. 175 УПК РФ, будет проведена дополнительная процедура привлечения лица в качестве обвиняемого, с вынесением соответствующего уголовно-процессуального акта (постановления). Окончание же предварительного следствия возможно по общему правилу однократно – вынесением обвинительного заключения.

Очевидно, что окончательную квалификацию и назначение наказания определяет только суд, но и следователь, вынося обвинительное заключение, играет немаловажную роль. К интересному выводу пришел в результате проведенного исследования Д.П. Попов. Автор полагает, что полномочия следователя охватывают рассмотрение уголовного дела по существу, и данная функция не является прерогативой исключительно судебной власти. Прекращение производства по уголовному делу или отказ в его возбуждении являются подобными формами, что подтверждается и результатами проведенного опроса – 71,5% опрошенных утверждают, что следователь рассматривается как лицо, уполномоченное на разрешение дела¹. Но можно ли тогда утверждать, что вынесенное обвинительное заключение это уже практически приговор?

Безусловно на данный вопрос стоит ответить отрицательно. И в первую очередь это касается структуры обвинительного заключения, которая подробно регламентирована в ст. 220 УПК РФ и существенно отличается от той, которая предусмотрена для постановления приговора в главе 39 УПК РФ.

Как отмечает С.Б. Россинский та структура, которую имеет на сегодняшний день обвинительное заключение не всегда была представлена в таком виде. Сама идея окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения получила свое законодательное закрепление чуть более ста лет назад и предполагала формально краткое, но в итоге достаточно подробное описание обстоятельств случившегося, имеющихся доказательств и иных, предусмотренных законом, данных, что привело к тому, что обвинительное заключение стало своеобразным «авторефератом» следственного производства [9, с. 192–193]. К каким негативным последствиям приводят подобные преобразования: к пренебрежению прокурорами и судьями в отношении ознакомления с первоисточниками, содержащимися в материалах уголовного дела, отдавая предпочтение краткой версии – обвинительному заключению. Таким образом, понимая возможность избежать должного рассмотрения вопросов, подлежащих судебному разрешению, а также обоснования и письменного мотивирования процессуальных решений, представители судебной системы стали прибегать к механическому копированию фрагментов обвинительных заключений в тексты приговоров. Иногда копируя целые абзацы и страницы из следственных материалов. Таким образом, судьи, в свою очередь, превратились в пассивных рерайтеров, переписывающих обвинительные заключения, а производство в суде первой инстанции утратило свою практическую значимость [7, с. 29].

В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указывается на то, что следует избегать приведения сведений, которые не относятся к выводам суда и не требуют судебной оценки, тем не менее, запрет на копирование в нем отсутствует. Ф.Ю. Васильев отмечает, что в настоящее время суды придерживаются подхода, согласно которому не рекомендуется, но и не запрещается копировать и переносить фрагменты процессуальных документов предварительного расследования в итоговые документы суда. При этом значительное по объему заимствование в приговоре суда текста из других процессуальных документов (обвинительного заключения, постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого) недопустимо и ставит под сомнение самостоятельность суда при вынесении итогового решения по уголовному делу [1, с. 59–60].

Но недочеты допускаются не только в судебных документах. Важным аспектом, связанным с принятием следователем решения о возможности составления обвинительного заключения, является сам его процесс и возможность в его ходе допустить отдельные нарушения. Учитывая, что речь идет о завершающем этапе предварительного следствия, то подобные упущения безусловно влекут негативные последствия – как в виде возвращения уголовного дела прокурором следователю для дополнительного расследования или изменения квалификации, объема обвинения или пересоставления обвинительного заключения для устранения недостатков по письменным указаниям прокурора (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), так и вероятность того, что допущенные ошибки могут быть выявлены и в судебных стадиях уголовного процесса, что возможно повлечет возвращение уголовного дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ.

На недостатки, допускаемые следователями, как в ходе составления обвинительных заключений, так и при ознакомлении с ними участников уголовного процесса нередко указывают защитники. Так, например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06 июня 2024 г. по делу № 10-УД24-5-А4 отмечено, что в кассационной жалобе адвокатом указано на те факты, что в обвинительном заключении не конкретизированы действия В., в частности

¹ Попов Д.П. Реализация функции предварительного расследования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. С. 211–213.

не указано количество нанесенных ударов, части тела, в которые наносились удары, и их последствия. В том числе, в обвинительном заключении отсутствует полный перечень доказательств, представленных стороной защиты, в частности показания свидетеля К., данные в ходе предварительного расследования, приведены не в том контексте и не с тем содержанием. При этом обвинительное заключение вручено В. не в полном объеме – отсутствовали 4 и 5 страницы¹. Суд, как правило, данные нарушения не относит к числу существенных, поскольку согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 27 февраля 2018 г. № 274-О, возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению может иметь место лишь в случае, если допущенное органами предварительного расследования процессуальное нарушение является таким препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора.

Поскольку данный вопрос остается чрезвычайно актуальным, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» даны соответствующие разъяснения. В частности, в п. 2 указанного постановления отмечается, что к числу существенных нарушений при составлении обвинительного заключения, препятствующих принятию судом решения по существу, являются, например, отсутствие подписи следователя, если оно не утверждено прокурором, направлено в отсутствие согласия руководителя следственного органа, или содержит существенные отличия от постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и др.

Тем не менее, количество подобных нарушений, допускаемых при составлении обвинительных заключений, является достаточно высоким. А.А. Багрян отмечает среди недостатков обвинительных заключений большое количество информации, не относящейся к делу, клише и штампов, что становится поводом для оспаривания адвокатами, в частности, содержащихся в них доказательств, не обладающих относимостью². Наличие лишней, ненужной и не имеющей к делу информации в уголовно-процессуальных актах недопустимо, как и использование сложных и непонятных общих формулировок. Данная информация безусловно подлежит исключению.

Таким образом, требования, установленные действующим уголовно-процессуальным законодательством к обвинительному заключению, несмотря на их тщательную проработку и многолетнюю практику применения, все еще далеки от идеала. Дискуссии и изменения, касающиеся сокращения или увеличения его объема приводят к сложностям в правоприменении и другим негативным последствиям. Видится верным произвести пересмотр и изменение требований к существующей структуре и порядку подготовки обвинительного заключения как уголовно-процессуального акта. Полагаем, что стоит все же сократить содержание обвинительных заключений, тем самым позволив прокурорам и судьям в первую очередь знакомиться с первоисточниками (материалами уголовного дела). Стоит пересмотреть и сам подход к пониманию природы обвинительного заключения как к некоему уголовно-процессуальному акту, позволяющему отграничить досудебное производство от судебных стадий уголовного процесса и не более того. Тем самым, снизить нагрузку на следователя, вынужденного составлять объемные обвинительные заключения, которые позднее берутся за основу при составлении приговоров.

В данной связи уместно отметить наличие дискуссии по поводу неоднозначной интерпретации субъекта, наделенного полномочиями на вынесение обвинительного заключения. Как указывает Ю.А. Цветков, исторически данный уголовно-процессуальный акт составлял прокурор как представитель стороны обвинения. Автор отмечает, что дилемма о совместимости процессуальной функции следователя с обвинительной деятельностью разрешена кардинальным способом: следователь формально причислен к стороне обвинения. Вследствие этого, с юридической точки зрения, не возникает оснований для сомнений в том, почему основополагающий документ, относящийся к обвинению, формируется не представителем обвинительной власти – прокурором, а функционально нейтральным следователем [12, с. 159].

¹ Определение суда кассационной инстанции от 06 июня 2024 г. по делу № 10-УД24-5-А4 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2024 [обновлено 06 июня 2024; процитировано 05 июня 2025]. Доступно: https://sudact.ru/vsrf/doc/TKLWaf7SvZrw/?page=3&vsrf-txt=ошибка+в+обвинительном+заключении&vsrf-case_do c=&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_ =1749146627350&snippet_pos=2694#snippet et.

² Багрян А.А. Формирование позиции адвоката с учетом результатов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 20–21.

С другой стороны, именно прокурор представляет обвинение в суде и логично было бы именно ему составлять итоговый документ, с которым он будет реализовывать порученную ему функцию. Как указывает И.С. Дикарев, утверждение прокурором обвинительного заключения влечет за собой смену субъекта уголовного преследования. При этом, прокурор осуществляет юридическую оценку деятельности следователя, признавая ее законной и обоснованной [3, с. 20–21].

В то же время другая сторона – защиты, как представляется, вполне могла бы составить подобный документ, в котором излагается их позиция. Данное нововведение могло бы способствовать реализации принципа состязательности сторон в уголовном процессе. На данный счет, как отмечает А.А. Багрян, адвокаты могли бы использовать «предложение на обвинительное заключение» для формирования позиции по делу и направлять его прокурору¹. Все же видится верным, что подобный документ целесообразнее было бы направлять непосредственно в суд.

Проведя подробный анализ имеющихся в науке уголовно-процессуального права исследований, можно утверждать, что обвинительное заключение является основным уголовно-процессуальным актом предварительного следствия, так как именно с помощью него подводится его итог. Помимо этого, данная процедура позволяет обеспечивать законность уголовного процесса, направленного на защиту прав и законных интересов его участников.

Тем не менее, приходится констатировать, что имеющаяся на сегодняшний день структура обвинительного заключения не является безупречной. Ввиду своей подробной формы и содержания, она, как представляется, незаслуженно превалирует над основными сведениями, с которыми в полном объеме должны знакомиться уполномоченные должностные лица органов прокуратуры и суда для обеспечения реализации принципов уголовного судопроизводства. Видится верным планомерное сокращение элементов, содержащихся в обвинительном заключении, до необходимого минимума.

Список использованной литературы:

1. Васильев Ф.Ю. Допустим ли «копираст» при подготовке процессуальных решений. *Уголовный процесс*. 2025;(242(2)):58–61.
2. Дикарев И.С. Модернизация системы досудебного производства в уголовном процессе. *Правовая парадигма*. 2017;(16(2)):117–122. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.2.17.
3. Дикарев И.С. Итоговые акты предварительного расследования как разновидность процессуальных обращений. *Правовое государство: теория и практика*. 2023;(242(1)):17–22. DOI: 10.33184/pravgos-2023.1.3.
4. Лазарева В.А. Между следствием и судом: действия и решения прокурора по окончании расследования как завершающий этап досудебного производства. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки*. 2023;(55(4)):19–26. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-4-19-26.
5. Миликова А.В., Россинский С.Б. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: монография. М.: Юрлитинформ; 2021.
6. Пилогин Н.Н., Евстегнеев А.С. Процессуальные акты, составляемые по завершении предварительного расследования. *Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»)*. 2013;(3(1)):110–114.
7. Россинский С.Б. Генезис доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения. *Труды Академии управления МВД России*. 2024;(70(2)):24–32.
8. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого – логическое завершение предварительного следствия. *Вестник экономической безопасности*. 2022;(2):137–141. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-2-137-141.
9. Россинский С.Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства. *Всероссийский криминологический журнал*. 2024;(18(2)):191–199. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).
10. Россинский С.Б., Шумская А.П. Обвинительное заключение как правоприменительный акт, завершающий предварительное следствие по уголовному делу. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018;(42(2)):148–155.
11. Рыжаков А.П. На стадии предварительного расследования осуществляется не только расследование. *Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VI Международной научно-практической конференции (Симферополь-Алушта, 26–27 апреля 2018 г.)*. Симферополь-Алушта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал»; 2018.

¹ Багрян А.А. Формирование позиции адвоката с учетом результатов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 20.

12. Цветков Ю.А. Кто должен составлять обвинительное заключение? *Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811-1873): материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 16 ноября 2023 г.)*. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации; 2024.

13. Чирков Ф.В. Обвинительное заключение: понятие, содержание, значение. *Закон и право*. 2010;(1):94–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миликова Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-87-92>

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Свердлов Д.Р.*, Огородникова Н.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Свердлов Д.Р., Огородникова Н.В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания на первоначальном этапе проведения Специальной военной операции: уголовно-правой и уголовно-процессуальный аспекты. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):87–92. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-87-92>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Свердлов Давид Русланович*, аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: kup_kubgu@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.06.2025

Статья принята к печати: 19.06.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: *Цель работы* – установить взаимосвязь норм материального и процессуального права при применении институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания в начальный период проведения Специальной военной операции.

Задачи работы – проанализировать правоприменительную практику и выявить взаимосвязь норм уголовного и уголовно-процессуального права при освобождении от ответственности на «военных» основаниях. Для достижения поставленной цели и решения задач авторы используют такие общенаучные и частно научные *методы*, как анализ, синтез, логический, исторический, формально-юридический.

Результаты: выделены признаки, обуславливающие наличие взаимосвязи норм и положений УК РФ и УПК РФ при реализации уголовно-правовых институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания в первоначальный период проведения Специальной военной операции, до принятия Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Выводы. До вступления в силу Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, регулирующего изменения в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах Российской Федерации, существовавшие правовые механизмы привлечения к ответственности осужденных и лиц, находящихся под уголовным преследованием, оставались работоспособными, но одновременно нуждались в значительной уголовно-правовой и процессуальной доработке и совершенствовании.

Ключевые слова: специальная военная операция, мобилизация, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, «военные» основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, уголовный процесс.

Введение

Начало Специальной военной операции (далее – СВО), объявленной Президентом Российской Федерации на территориях Луганской и Донецкой народных республик, а также Украины, обусловило

перед военно-политическими органами управления необходимость решения задач военной мобилизации. В их число вошли формирование новых воинских подразделений, пополнение и доукомплектование уже существующих частей личным составом. Для привлечения добровольцев на контрактную службу государством ведется активная патриотическая и агитационная работа [10, с. 182–183], включая лиц, находящихся под уголовным преследованием или отбывающих наказание.

Однако при реализации военно-мобилизационных мер как законодательные, так и правоприменительные структуры столкнулись с рядом неразрешенных на тот момент правовых коллизий, связанных с участием в СВО лиц, совершивших преступления. Современное законодательство не предусматривает четкого правового инструментария в этой сфере, а судебная практика не выработала эффективных механизмов регулирования. Исторический опыт привлечения осужденных и обвиняемых к участию в боевых действиях, накопленный в годы Великой Отечественной войны, оказался неприменим в современных социально-политических и правовых условиях.

Освобождение от уголовной ответственности и наказания остается одной из наиболее сложных областей юридической практики, требующей комплексного регулирования нормами уголовного и уголовно-процессуального права, а в ряде случаев – широкого судебного усмотрения. С момента принятия Уголовного кодекса РФ в 1996 году в главы 11 («Освобождение от уголовной ответственности») и 12 («Освобождение от наказания») было внесено более 50 поправок, сопровождавшихся изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве. Как отмечают исследователи, ключевой тенденцией этих преобразований стала гуманизация системы уголовного преследования и наказания [4, с. 272].

Среди последних законодательных новаций – коррективы, касающиеся института погашения судимости (ч. 31 ст. 86 УК РФ). Кроме того, теоретические аспекты освобождения от уголовной ответственности и наказания продолжают оставаться предметом активных научных дискуссий среди криминалистов [8, с. 585; 11, с. 33]. Все это подчеркивает значимость и актуальность данной проблематики как для теоретических изысканий, так и для правоприменительной практики, особенно в контексте современных военно-политических реалий после начала СВО.

Методы исследования

В рамках проведенного исследования применялся комплекс общенаучных и специальных методов познания. В их числе: анализ и синтез – для детального изучения и обобщения теоретических и практических аспектов проблемы; логический метод, позволяющий выстроить последовательную систему аргументации; исторический подход, позволяющий рассмотреть эволюцию правовых норм и институтов; формально-юридический анализ, направленный на толкование законодательных положений.

Такой многоаспектный подход обеспечил всестороннее изучение исследуемой проблематики, а также выработку конкретных предложений по объяснению сложившейся правоприменительной практики освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило установить, что начало СВО и связанная с этим необходимость комплектования воинских подразделений личным составом стали значимым фактором, повлиявшим на принятие ряда военно-политических и управленческих решений [9, с. 413–414]. Данные решения нашли отражение и в сфере уголовно-правовой политики, что привело к формированию новых, ранее не существовавших механизмов освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также к существенной корректировке норм уголовно-процессуального законодательства.

Примечательно, что соответствующая нормативная база была разработана законодателем при активном участии ученых-правоведов и практиков в рекордно короткие сроки. Важным результатом исследования стало подтверждение комплексного междисциплинарного характера исследуемых правовых механизмов, затрагивающих несколько отраслей законодательства.

Научная дискуссия

Несмотря на системную, естественную, если можно сказать, «генетическую» взаимосвязь норм материального и процессуального права, анализ выявляет существенные расхождения, свидетельствующие о наличии межотраслевых противоречий. Реализация институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания значительно осложняется отсутствием единообразной правоприменительной практики в данной сфере. Как справедливо отмечает О.В. Качалова, «массовое привлечение к участию в СВО лиц, находящихся под уголовным преследованием или отбывающих наказание, создает для следственных и судебных органов сложные вопросы выбора применяемых норм

УК и УПК РФ, требующие учета стадии процесса, вида назначенного наказания и иных существенных обстоятельств» [5, с. 8].

С началом проведения СВО «военные» виды освобождения от уголовной ответственности и наказания [6, с. 38–45] претерпели существенное развитие и трансформацию, начиная с принятия Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – Закон № 270-ФЗ)¹, и последующего принятия Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»² (далее – Закон № 64-ФЗ), а также Федерального закона от 02 октября 2024 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»³ (далее – Закон № 340-ФЗ).

Темпоральные характеристики проведения СВО могут быть различными, однако в контексте нашего исследования к первоначальному этапу проведения СВО следует отнести период времени до принятия Закона № 64-ФЗ.

Анализируя ранее существовавшую практику привлечения осужденных для участия в боевых действий в составе частных военных компаний, Н.А. Лопашенко справедливо отмечала, что заключенный, чтобы попасть в зону СВО, должен был покинуть пределы колонии и иметь правовое основание для такого (пусть и временного) освобождения от отбывания наказания [7, с. 54], что, по мнению автора, свидетельствовало о ряде неразрешенных правовых проблем.

Органическое единство материального и процессуального права нашло свое практическое выражение в применении п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ. Данная норма, разрешающая отсрочку исполнения приговора на срок до полугода и в исключительных случаях, стала юридическим основанием для комплектования ЧВК «Вагнер» (далее – ЧВК) в начальный период СВО.

Правоприменитель, признавая участие в СВО особым обстоятельством, создал правовой механизм, позволивший привлекать осужденных к военной службе независимо от: категории совершенного преступления; вида назначенного наказания; условий содержания.

Установленный шестимесячный срок контрактов напрямую коррелирует с максимальным периодом отсрочки, предусмотренным анализируемой процессуальной нормой⁴.

Исследование процессуальных аспектов показывает, что первоначальный механизм привлечения осужденных к участию в СВО имел четкую правовую специфику:

1. Основной контингент составляли лица, отбывающие длительные сроки за совершение тяжких и особо тяжких преступлений
2. Ярким примером служит помилование гражданина Р. Указом Президента Российской Федерации с освобождением от дальнейшего отбывания наказания и полным снятием судимости за преступления, предусмотренные частью ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ [2, с. 76]
3. Лица на досудебных стадиях процесса изначально не могли быть привлечены ввиду правовых ограничений

Парадоксально, но в публичном дискурсе (включая СМИ и социальные сети, телеграмм-каналы) часто утверждалось об отсутствии правовых (юридических) оснований для такого привлечения, при этом игнорировалась роль уголовно-процессуальных норм, которые фактически и обеспечили легитимность данного механизма. Именно процессуальные инструменты (а не материально-правовые) стали ключевым фактором, позволившим решить кадровые вопросы комплектования ЧВК личным составом на законных основаниях.

Представляется, что использование механизма помилования в отношении осужденных, принимавших участие в СВО, носило характер особой формы поощрения со стороны государства, что свидетельствует об особой философско-правовой правовой природе помилования участников СВО. В контексте СВО применение помилования к осужденным приобрело особую символическую и

¹ Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: Федеральный закон от 24.06.2023 г. № 270-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в статью 78¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Пригожин сообщил о помиловании первой группы воевавших бывших заключенных [сайт]. РБК; 2023 [обновлено 5 января 2023; процитировано 12 мая 2025]. Доступно: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2023/63b6692b9a79470c97936891>.

правовую нагрузку. Этот институт реализовывал концепцию «искупления кровью», где государство, проявляя милосердие, предоставляло шанс на реабилитацию; факт участия в боевых действиях рассматривался как доказательство исправления; проявленный героизм становился основанием для смягчения правовых последствий совершенного преступления.

По сути, такая практика отражала синтез гуманистических начал уголовной политики и патриотической мотивации, где помилование становилось не просто актом прощения, но и формой общественного признания заслуг перед Отечеством.

Признавая практику привлечения осужденных на первоначальном этапе к проведению СВО объективной необходимостью, следует согласиться с высказыванием В.В. Путина, который отметил, что «опыт привлечения ЧВК, который был, он был корявым ..., он был вызван необходимостью в текущей конъюнктуре, прямо скажем, на поле боя»¹. Комментируя привлечение осужденных к проведению СВО Д.С. Песков указал, «действительно, целый ряд осужденных проходит службу по контракту на специальной военной операции. Достаточно давно начала практиковаться такая система службы. Конечно, очень многие нюансы нуждаются в правовом оформлении»². Как представляется, правовая «корявость» привлечения осужденных к проведению СВО на первоначальном этапе объяснима тем, что уголовно-процессуальные нормы не были подкреплены положениями уголовного (материального) права. Правовые предпосылки возможности освобождения от уголовной ответственности или наказания появились позже февраля 2022 г. (в марте 2024 г.). То, что было предложено законодателем в Законе № 270-ФЗ относительно анализируемой ситуации, было подвергнуто жесткой, но при этом оправданной и конструктивной критике со стороны представителей уголовно-правовой доктрины [1, с. 59–63]. Однако описанный симбиоз нормативных предписаний двух отраслей права доказал свою значимость и эффективность, а также пролонгированный потенциал уголовно-правовых и уголовно-процессуальных алгоритмов освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, виновных в совершении преступлений, для достижения социально значимых целей и задач государства.

Введение в действие Закона № 270-ФЗ вызвало существенные сложности в правоприменительной практике, что было обусловлено отсутствием четкого механизма реализации его положений. Как отмечает Ю.А. Цветков, в период с июня 2023 по март 2024 года (до принятия Закона № 64-ФЗ) уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не содержало специальных норм, предусматривающих основания для: освобождения от уголовной ответственности участников СВО; прекращения уголовного преследования; снятия наказания с лиц, заключивших военный контракт.

В данной ситуации ключевое значение приобрел основополагающий принцип уголовного права, согласно которому при коллизии между нормами УК/УПК РФ и иными федеральными законами приоритет отдается положениям, наиболее благоприятным для обвиняемого. Это означает, что следственные органы при прекращении дел в отношении участников СВО должны были руководствоваться непосредственно нормами Закона № 270-ФЗ, а не общими положениями уголовного законодательства [12, с. 29].

Как справедливо отмечает профессор Л.В. Головкин, в указанный период Закон № 270-ФЗ формально действовал, однако его практическая реализация оказалась невозможной из-за отсутствия соответствующих изменений в УК и УПК РФ [3, с. 28]. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что законодатель ошибочно предположил достаточность существующих норм уголовного и процессуального права для эффективного применения нового закона. Вероятно, разработчики исходили из представления о сугубо техническом характере данного нормативного акта, что привело к недооценке необходимости комплексной модернизации кодексов.

Тем не менее, Закон № 270-ФЗ содержал ряд прогрессивных положений, которые впоследствии были развиты в Законе № 64-ФЗ. К числу наиболее значимых нововведений следует отнести:

1. Существенное расширение круга лиц, имеющих возможность участвовать в СВО и тем самым доказать свое исправление. Впервые такое право было предоставлено: подозреваемым и обвиняемым; лицам, уголовные дела которых находятся в судебном производстве.
2. Вовлечение в правоприменительный процесс новых участников: следователей и дознавателей; командования воинских частей.

¹ Путин заявил, что название ЧВК «Вагнер» – «журналистское наименование» [сайт]. ИА ТАСС; 2023 [обновлено 5 октября 2023; процитировано 29 мая 2025]. Доступно: <https://tass.ru/politika/18924575>.

² Песков рассказал о нюансах оформления службы осужденных на СВО [сайт]. РИА НОВОСТИ/РОССИЯ СЕГОДНЯ; 2024 [обновлено 18 сентября 2024; процитировано 29 мая 2025]. Доступно: <https://ria.ru/20240918/peskov-1973361962.html>.

3. Установление двух новых оснований для прекращения уголовного преследования, что создало важный прецедент в уголовно-правовой практике: награждение обвиняемого (подозреваемого), подсудимого или осужденного государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; увольнение обвиняемого (подозреваемого), подсудимого или осужденного с военной службы: по возрасту – по достижении предельного возраста пребывания на военной службе (подп. «а» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹ (далее – Закон № 53-ФЗ); по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе, за исключением военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, изъявившего желание продолжить военную службу на воинской должности, которая может замещаться указанным военнослужащим (подп. «в» п. 1 ст. 51 Закона № 53-ФЗ); в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени – для граждан, заключивших контракт (подп. «о» п. 1 ст. 51 Закона № 53-ФЗ).

Рассматриваемый нормативный акт ввел принципиально новые правовые механизмы, включая:

Специальные основания для: освобождения от уголовной ответственности; прекращения назначенного наказания; приостановления предварительного следствия.

Однако, как уже подчеркивалось, эффективная реализация данных положений требовала создания соответствующей материально-правовой и процессуальной инфраструктуры, которая изначально отсутствовала.

Также следует отметить историческое значение исследуемой законодательной инициативы, которая заключается в том, что Закон № 270-ФЗ стал пионером в закреплении комплексных уголовно-правовых и процессуальных гарантий для мобилизованных граждан, отбывающих наказания и находящихся в статусе подозреваемых, и при этом, заключивших контракт с Минобороны РФ.

Тезисно отметим, что основными целями данного законодательного акта являлись: легализация правового статуса осужденных, ранее заключивших контракты с ЧВК; систематизация процедуры привлечения осужденных из исправительных учреждений к участию в СВО; формализация процесса интеграции указанных лиц в правовое поле; обеспечение правовых гарантий для осужденных, изъявивших желание участвовать в СВО.

Таким образом мы можем отметить, что конструктивная и объективная критика научного сообщества, включение ученых и практиков в процесс разработки и принятия Закона № 64-ФЗ и Закона № 340-ФЗ позволили создать более эффективные, действенные правовые механизмы освобождения от уголовной ответственности и наказания для лиц, привлекаемых к участию в СВО. Очевидно, что уголовно-правовые и уголовно-процессуальные новеллы 2024 года не безупречны, но они на данный момент являются достаточно актуальным и своевременным инструментарием, который обеспечивает реализацию, с одной стороны, принципов гуманизации уголовной политики государства и экономии уголовно-правовой репрессии, а, с другой, обеспечивает возможность комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации личным составом.

Подводя итог исследования, следует отметить, что синергия научной критики и практического опыта в процессе нормотворчества позволила создать эффективные правовые механизмы.

Проведенный анализ норм уголовного, уголовно-процессуального законодательства и Закона № 270-ФЗ, свидетельствует о гибкости правоприменителя в ходе выработки правовых механизмов, необходимых для нужд военно-политических задач, которые возникают в современных геополитических реалиях и оперативности законодателя, который стремится в максимально сжатые сроки обеспечить правоприменителя необходимым правовым инструментарием.

Представляется, что внесенные Законами № 64-ФЗ и № 340-ФЗ изменения в УК РФ и УПК РФ обусловлены необходимостью регулирования правовых отношений в сложившихся современных гипертранзитивных и турбулентных условиях, а также военно-политическими факторами, которые объективно связаны с проведением СВО. Вместе с тем, разработанный правовой инструментарий обладает потенциалом для модернизации и применения в иных кризисных ситуациях после завершения СВО, при условии соответствующей адаптации и трансформации норм, регулирующих основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, порядок погашения и снятия судимости, предусмотренный ст. 86 УК РФ, а также демонстрирует способность российской правовой системы эволюционировать и эффективно реагировать на вызовы современности в сложных геополитических

¹ О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

условиях под воздействием военно-политических факторов с целью разрешения военно-управленческих задач, в том числе и мобилизационного характера.

Список использованной литературы:

1. Антонов А.Г. Нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания должны быть включены в Уголовный кодекс! *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2023;(52(3)):59–63.
2. Беляев М.В. Особенности рассмотрения уголовных дел в отношении участников СВО: практика Республики Татарстан. *Уголовный процесс*. 2024;(230(2)):73–77.
3. Головкин Л. В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные *Уголовный процесс*. 2023;(227(11)):26–28.
4. Казарин Д.М., Рябчиков В.В. Становление, развитие и тенденции развития института прекращения уголовного преследования в исторической ретроспективе. *Аграрное и земельное право*. 2023;(227(11)):272–274.
5. Качалова О.В. Отсрочка исполнения приговора для участника СВО. *Уголовный процесс*. 2024;(229(1)):8.
6. Кибальник А.Г. «Военные» виды освобождения от уголовной ответственности и наказания: первые выводы из практики. *Уголовный процесс*. 2025;(243(3)):38–45.
7. Лопашенко Н.А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // *Вестник Самарского юридического института*. 2023;(53(2)):48–59.
8. Пудовочкин Ю.Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2021;(12(3)):584–603.
9. Свердлов Д.Р. Влияние военно-политических факторов на уголовную политику России. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки*. 2024;(10(4)):413–418.
10. Свердлов Д.Р. Генезис института освобождения от уголовного преследования в период мобилизации или в военное время. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024;(12):182–189.
11. Хлебницына Е.А. Функции норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. *Российский судья*. 2017;(7):33–36.
12. Цветков Ю.А. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО. Рекомендации следствию. *Уголовный процесс*. 2023;(227(11)):29–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Свердлов Давид Русланович

аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Огородникова Нина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»